

ПОЛЬША

В XX
ВЕКЕ

ОЧЕРКИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ

Коллектив авторов

**Польша в XX веке. Очерки
политической истории**

«Индрик»

2012

Коллектив авторов

Польша в XX веке. Очерки политической истории / Коллектив авторов — «Индрик», 2012

Фундаментальная монография на актуальную научную тему написана историками ряда институтов РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова и Пермского государственного университета на базе современной отечественной и зарубежной литературы и документов, в том числе новых, из архивов России и Польши. В книге исследуется политическое развитие страны с конца XIX и до начала XXI в. Показаны процесс рождения польских политических движений и партий в борьбе за независимое государство, оформление и эволюция партийно-политической системы от парламентской демократии к режиму «санации» в межвоенное время; представлены политически многоликое движение Сопротивления 1939–1945 гг. – противостояние сил в определении границ и облика послевоенной Польши. Значительное внимание уделено роли СССР в решении польского вопроса, включению Польши в сферу его интересов; участию в подавлении подполья, содействию властной гегемонии коммунистов и созданию системы народной демократии. Рассмотрены монополизация власти коммунистами и особенности режима советского типа, попытки его демократизации, причины и итоги кризиса 1956 г., переход ПОРП к авторитарным методам управления, специфика курса партии в 60-70-е гг.; показаны рождение движения «Солидарность», его внутренняя эволюция, особенности продвижение Польши от государственного социализма к демократии западного образца в конце XX в.

© Коллектив авторов, 2012

© Индик, 2012

Содержание

К читателям XXI века	6
Раздел I	9
Очерк I	9
I.1. Польские земли на рубеже веков	9
I.2. Формирование новой политической сцены	12
I.3. Революция 1905–1907 гг.	20
Очерк II	35
II.1. Борьба за язык и умы в Царстве Польском	35
II.2. Борьба за язык и землю в Германии	43
II.3. Политическая жизнь на польских землях Австро-Венгрии (Галиция)	47
Очерк III	59
III.1. Довоенные концепции решения польского вопроса: проверка практикой	59
III.2. Поворот в истории польского вопроса (ноябрь 1916 – март 1917 г.)	68
III.3. На пути к окончательному решению польского вопроса	73
Раздел II	83
Очерк I	83
I.1. Становление институтов государственной власти: правительство, начальник государства, парламент, армия	83
I.2. Политическая система периода учредительного сейма	90
Конец ознакомительного фрагмента.	93
Комментарии	

Польша в XX веке. Очерки политической истории

(Ответственный редактор А. Ф. Носкова)

К читателям XXI века

Россия и Польша. Польша и Россия. Две славянских страны и два народа веками жили рядом. Мы были и остаемся соседними государствами на карте Европы, хотя сегодня общая граница между нами сократилась с многих тысяч до нескольких сотен километров. У нас богатая общая история. Были времена мирного сосуществования и жестоких междоусобных войн, времена соперничества национально-государственных и геополитических проектов, борьбы за влияние и переделов лежащих между нами территорий. История знала и польские походы на Москву, и участие царской России в разделе Польши в XVIII в., а в XX в. – признание польской государственности революционной Россией, соучастие двух стран в разделе Германии после Второй мировой войны. Мы создали близкие, но, по сути, разные культуры, у каждого народа – особый национальный менталитет. Мы во многом очень похожи друг на друга, что облегчает нашу дружбу на индивидуальном уровне, и в то же время резко различаемся социальной психологией, видением места и роли своих стран в Европе и мире. Выявление этого сходства и одновременно глубинной непохожести друг на друга – одна из главных задач, которую пытались решить участники авторского коллектива.

Мы исходили из данности, что на любом хронологическом отрезке общественные настроения в России и Польше непрерывно испытывают воздействие менее или более важных событий в стране и мире. Представляя симбиоз рационального и иррационального, эти настроения динамичны, переменчивы, постепенно могут превращаться в осознанные и устойчивые позиции, порой же больше похожи на общественные вкусы или предпочтения. Но при любой историко-политической «погоде» неизменным оставался и остается взаимный интерес друг к другу, к образу жизни, культуре, истории, прошлому и будущему развитию. Этот интерес к Польше и полякам в России и, насколько мы чувствуем, к России и русским в Польше – факт нашей действительности. Он порождает в наших обществах многочисленные вопросы, дискуссии, претензии и споры, как о прошлом, так и о причинах столь непростых сегодня российско-польских отношений. Именно для того, чтобы дать отечественному читателю объективную и корректную информацию и тем удовлетворить существующий общественный запрос на знания о Польше, собрался наш авторский коллектив.

Не стремясь объять необъятное, мы сделали выбор в пользу политической истории польского народа и государства. Основные вопросы, споры и суждения, нередко острые, вызывает в первую очередь XX век. И это понятно: живы поколения бывших советских, ныне российских, граждан, прошедших этот век вместе со своей страной. На личностном и коллективном уровнях сформировались и продолжают уточняться образы событий, в особенности таких переломных, затронувших и судьбы поляков, как революции 1905 и 1917 гг., распад Российской империи и приход ей на смену Советского Союза, Великая Отечественная война, неоднозначно воспринимаемые итоги Второй мировой войны, послевоенные десятилетия в СССР и странах Восточной Европы, крах социалистической системы, мирный «развод» советских союзных республик, привыкание к жизни в иных социально-экономических условиях и новых государственных границах. В исторической памяти народов современной России, определяемой этой чередой событий, грандиознейших по своим масштабам и последствиям, есть сегмент, занимаемый польской историей, представления о которой далеко неоднозначны.

Казалось бы, «архивная революция» в России, расширив доступ к ранее совершенно секретным и тщательно оберегаемым от дотошных исследователей документальным материалам по истории советского общества и взаимоотношений СССР и Польши, должна была снять многие вопросы. Но оказалось, что многочисленные публикации документов «инстанций» и «служб», давая ответы на одни вопросы, одновременно порождают новые. Сегодня в российской историографии и в особенности в околонуучной и псевдонуучной публицистике не только мулсируются старые, порой несколько отретушированные мифологемы, но и создаются новые. В историческом багаже общества бытуют различные, нередко прямо противоположные оценки важнейших событий польской истории и политики нашего государства в отношении Польши в разные периоды ушедшего века. Много сказано правды, но не меньше наговорено и написано неправды или полуправды. Чтобы дать материал к размышлению тем читателям, кому небезразлично прошлое, мы решили написать книгу, обращенную к широкой читательской аудитории, ко всем интересующимся не только польской, но и теснейшим образом связанной с ней отечественной историей.

В книге освещены основные вехи истории Польши в XX в.: польские земли в начале столетия и период Первой мировой войны, восстановление Польского государства, межвоенное время, когда страна называлась II Республикой (II Речью Посполитой), годы Второй мировой войны и оккупации, освобождение и переход к мирной жизни, Польская Народная Республика, III Республика и начало XXI в. Авторы старались показать как позитивное содержание советско-польских и российско-польских отношений, так и раскрыть, объяснить многие сложности в межгосударственных контактах.

Сосредоточив основное внимание на изучении политической области, мы, по мере необходимости, касались сюжетов экономической истории и социальной жизни, культуры, особенностей массового сознания.

В состав авторского коллектива, решившегося на реализацию этого непростого замысла, вошли историки-полонисты из институтов Российской академии наук, МГУ имени М. В. Ломоносова и Пермского государственного университета. Мы вовсе не преследовали цель «закрыть» все лакуны и дать категоричные ответы на постоянно возникающие вопросы польской истории XX в. Отдав многие годы профессиональному изучению истории страны, ставшей нам близкой, мы стремились, приводя накопленный конкретно-исторический материал, прояснить смысл тех событий, которые вызывают сегодня порой острые дискуссии, влияющие на отношения наших стран. Выступая как коллектив научных единомышленников по принципиальным вопросам истории Польши, мы высказываем собственные суждения и оценки развития исторического процесса в текстах «своих» разделов и очерков.

Авторский коллектив счел возможным обойтись без анализа и представления историографической ситуации, как в Польше и за ее пределами, так и в России, полагая, что это не столь необходимо для широкой читательской аудитории, а для специалистов может быть предметом отдельного научного исследования. Еще одно важное замечание: отдавая отчет в той существенной роли, какую играла польская политическая эмиграция на отдельных этапах исторического процесса, в ее влиянии на настроения в Польше XX в., мы тем не менее раскрывали эту проблему лишь тогда, когда эмигрантские круги и политические структуры признавались на международной арене представителями польского народа или государства.

В монографии шесть разделов, охватывающих главные исторические этапы политического развития Польши. Они в свою очередь состоят из проблемно-хронологических очерков, которые имеют свою внутреннюю структуру. Авторами I раздела являются: к.и.н М. А. Кри-сань (очерк I), д.и.н. М. А. Булахтин (очерк II) и д.и.н. Г. Ф. Матвеев (очерки I, III). Раздел II полностью написан Г. Ф. Матвеевым. Раздел III подготовили д.и.н. В. С. Парсаданова (очерки I–III) и д.и.н. А. Ф. Носкова (очерк IV). Раздел IV написан А. Ф. Носковой (очерки I–III) и к.и.н. А. М. Ореховым (очерк IV). Автором раздела V является к.и.н. Н. И. Бухарин. Авторство

раздела VI принадлежит д.и.н. Л. С. Лыкошиной. Указатель имен подготовили м.н.с. А. С. Гладышева и к.и.н. Е. Б. Лопатина. Научно-техническая работа выполнена н.с. М. И. Леньшиной.

Настоящая работа завершает серию книг по истории славянских стран в XX в., подготовленных при участии научных сотрудников Института славяноведения РАН. К настоящему времени вышли из печати «Болгария в XX веке. Очерки политической истории» (М., 2003), «История Чехии и Словакии» (М., 2005) и «Югославия в XX веке. Очерки политической истории» (М., 2011).

Раздел I

Последние годы неволи

Очерк I

Поиск новых путей к независимости ^[1]

I.1. Польские земли на рубеже веков

Политическая история польского народа в XX в. уходит корнями в период конца XIX столетия, когда на карте мира Польша отсутствовала как суверенное государство. И даже названия областей, среди жителей которых поляки составляли большинство, не указывали на их польский характер. От некогда существовавшего Польского королевства (Короны) остались лишь австрийская Галиция, прусская Познанщина и русский Привислинский край. На неофициальном уровне, чтобы облегчить государственную идентификацию, их называли польскими землями Австро-Венгрии, Германии и России соответственно. В России Привислинский край в конце XIX в. мог обозначаться в прессе и публицистике как Царство Польское, Царство, Королевство, Конгрессовка, Конгрессовая Польша, русская Польша, иногда и просто Польша.

Понятие «польские земли» использовалось и самими поляками, но смысл в него они как правило вкладывали иной, нежели австрийцы, русские, немцы и др. иноземцы. Для неполяков ими были этнически польские области Речи Посполитой, оказавшиеся в составе Австрии, Пруссии и России, которые в последней трети XVIII в. разделили между собой это многонациональное государство. В польской же общественно-политической мысли XIX – начала XX в. и в обыденном сознании поляков польскими были вообще все земли, которыми владела I (шляхетская) Речь Посполитая Обоих Народов на момент ее первого раздела в 1772 г.¹

В состав I Речи Посполитой помимо Польского королевства (Короны) входило Великое княжество Литовское, включившее в XIII–XIV вв. в свои границы значительную часть территории Киевской Руси. Ссылаясь на это, Россия, считавшая себя единственной полноправной наследницей Древнерусского государства, в ходе трех разделов своей западной соседки (в 1772, 1793 и 1795 гг.) присоединила области с восточнославянским населением, среди которого проживали и поляки – правда, за исключением отдельных анклавов, в явном меньшинстве. Эти области были превращены в губернии Российской империи, называемые вначале «бывшими польскими землями» или «польскими губерниями», а впоследствии объединенными в Западный край. Он состоял из 9 губерний, 3 из которых относились к Юго-Западному краю, а 6 – к Северо-Западному. Эти земли носили также название «кресы», т. е. окраины. После разделов поляки стали называть их «забранными», т. е. отобранными Россией².

Согласно территориальным постановлениям Венского конгресса 1815 г., Россия, сохранив более ранние приобретения, получила на правах личной унии большую часть Короны, с Варшавой включительно. Так в ее составе появилось автономное Царство Польское, которому Александр I в 1816 г. даровал конституцию. Привилегированное положение Царства Польского сохранялось недолго. В 1830 г. там вспыхнуло восстание (Ноябрьское), в январе 1831 г.

---

¹ Między Polską etniczną a historyczną. Polska myśl polityczna XIX i XX wieku. T. VI. Wrocław, 1988.

² Подробнее см.: Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011; Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре П. М., 2010.

польский сейм низложил российского императора Николая I с польского престола, а польская армия вторглась в «забранные» земли с целью их возвращения и восстановления Польского государства. Начавшаяся польско-русская война за территории была Варшавой проиграна. Русское правительство, исходя из того, что теперь оно владеет Царством Польским не по международному договору, а по «праву меча», ускорило начавшийся еще до восстания процесс свертывания автономии. Окончательно он был завершён после польского восстания 1863–1864 гг. (Январского). И на этот раз повстанцы, не обращая внимания на этнический состав населения Западного и Юго-Западного краев Российской империи, попытались овладеть «забранными» территориями. После подавления этого восстания Царство Польское утратило последние польские автономные органы управления, хотя и не было еще окончательно уравнено в статусе с другими национальными районами европейской части России (кроме автономной Финляндии), его администрация подчинялась не министерству внутренних дел в Петербурге, а варшавскому генерал-губернатору. Вскоре в официальных документах русскую Польшу стали называть Привислинским краем. Но и после 1863 г. в сознании поляков Привислинского края сохранилось стойкое убеждение в их историческом праве на земли, на которые помимо России начинали претендовать зарождавшиеся литовское, белорусское и украинское национальные движения. Последовательно утверждалась идея об исторической связи Великого княжества Литовского и Короны в составе Речи Посполитой Обоих Народов. И даже сегодня пример той Речи Посполитой рассматривается некоторыми как некий прообраз Европейского союза³.

У Пруссии после Венского конгресса оказались западные (Познанское княжество) и северные (Восточное Поморье, Вармия, Мазуры) районы Короны. Если Петербург проводил в Царстве Польском политику государственной интеграции и не пытался менять этнический характер населения с помощью русской колонизации, то Берлин на рубеже XIX и XX вв. последовательно проводил курс на увеличение в своих польских провинциях немецкого элемента. И не только в городах, но и в сельской местности, планируя со временем придать восточным областям рейха преимущественно немецкий характер. Правда, в годы канцлерства Л. Каприви в начале 90-х годов XIX в. наблюдалось некоторое смягчение жесткого курса на германизацию, но оно было продиктовано не какими-то принципиальными соображениями, а отсутствием у правительства устойчивого большинства в рейхстаге, вследствие чего существенно возросла роль 16 польских депутатов. Взамен за поддержку правительства польской фракцией (коло) полякам были сделаны некоторые второстепенные уступки в церковной и образовательной сферах⁴.

В 1894 г. правительство Каприви пало, новый кабинет чувствовал себя уверенно и без поддержки польской фракции. На это же время приходится заметная активизация немецкого националистического движения, духовным лидером которого был Бисмарк. В 1894 г. был создан шовинистический Общегерманский союз, с достаточно сильной антипольской направленностью. В Познани возникло «Общество для поддержки немцев в восточных провинциях», более известное как Гаката (по заглавным буквам фамилий его основателей – Ганземана, Кенемана и Тидемана). Полякам не разрешали проводить манифестации по случаю памятных дат их истории, конфисковывали произведения польских писателей и художников, организовывали бойкот польских товаров и магазинов. Одновременно всячески поддерживалось и поощрялось переселение на восточные земли немцев. В результате уже в 1900 г. в Познани, самом крупном городе Великой Польши, поляки составляли только 55 % населения⁵.

---

³ Czapiewski E. Białoruś między Polską a Rosją Radziecką – Litbel (1919–1920) // Polska i Białoruś w XX wieku. Z dziejów Europy Środkowo-Wschodniej. Wrocław, 2009. S. 37.

⁴ Подробнее об этом см.: Матвеева А. Г. Канцлер Каприви и поляки: «Новый курс» в политике Германии в 1890–1894. М., 2008.

⁵ Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia Polski 1864–1945. T. I. Paryż, 1953. S. 87.

Австрии достались польская историческая провинция Малая Польша и Восточная Галиция со смешанным украинско-польско-еврейским населением. В экономическом отношении это были наиболее отсталые области Короны, но зато здесь работали два старинных университета: в Кракове (Ягеллонский) и Львове (Яна Казимира). В эпоху трансформации империи Габсбургов в дуалистическую монархию в 1860-е годы Галиция (так называли земли бывшего Польского королевства в Австрии) вошла в состав Цислейтании на правах автономии. Во Львове заседал краевой сейм и находилась резиденция наместников, которых вплоть до 1915 г. назначали только из поляков. В Галиции поляки доминировали в экономическом, политическом и культурном отношении. Здесь раньше, чем в других частях разделенной Польши начали возникать политические партии и появились польские колы в краевом сейме и венском рейхсрате. Представители польской аристократии беспрепятственно делали карьеру в армии, при дворе и в государственном аппарате двуединой монархии. Положение поляков в Австрии было предметом зависти их соплеменников в Германии и России, но «польским Пьемонтом» Галиция не стала, подлинным центром польской национальной жизни являлось Царство Польское.

Польские земли вступили в эпоху промышленной революции одновременно с владевшими ими империями, Царство Польское – даже несколько раньше. В 40-60-е годы XIX в. в них были проведены аграрные реформы, открывшие путь рыночным отношениям в сельском хозяйстве и созданию массового потребителя индустриальной продукции⁶. Бурно шел процесс урбанизации, оставивший свой след в облике польских городов: целые кварталы в них застроены зданиями в модном в те годы стиле Сецессион. В прусских землях заметно менялся также облик сел: в них все больше жилых и хозяйственных построек возводилось из характерного красного кирпича и крылось красной черепицей. К началу XX в. успешнее в экономическом отношении развивались польские земли в составе Германии и России.

Существенные изменения произошли в социальной структуре польского общества: между 1870 и 1890 гг. появился пролетариат, пополнявшийся главным образом выходцами из деревни. Основная масса крестьян влилась в ряды промышленного пролетариата около 1890 г., что явилось следствием стремительной индустриализации и урбанизации. Лишь в нескольких старых промышленных центрах, например в Варшаве, сложились настоящие рабочие династии, история которых прослеживалась до третьего поколения⁷. По словам А. Жарновской, миграция сельского населения в промышленные центры стала «одним из основных явлений, сопутствующих индустриализации, определяющих современную урбанизацию и создание рынка труда в Царстве Польском»⁸. Крестьяне шли на заработки в близлежащие промышленные центры. Так, рабочие Домбровского бассейна были в основном из крестьян Келецкой губернии, лодзинская промышленность притягивала жителей Калишской и Петроковской губерний, а в Варшаву стремились на заработки крестьяне восточных районов и западной части Мазовии⁹. Сельское население, направлявшееся в старые города со сложившейся городской культурой (Варшава, Калиш), быстрее адаптировалось и растворялось в местных сообществах. В недавно возникших городах, чье развитие шло вместе с расширением производства (Лодзь, Заверце), или промышленных поселках (Жирандов, Сосновец) мигранты сохраняли тесные связи с деревней и в любой момент могли туда вернуться¹⁰. Согласно данным за 1904 г., мелкие

---

⁶ Костюшко И. И. Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму: Сравнительный очерк. М., 1994.

⁷ Kaczyńska E. *Źródło a władza. Anatomia masowych ruchów społecznych w Królestwie Polskim na przełomie XIX i XX wieku* // *Przemoc zbiorowa – ruch masowy – rewolucja*. Warszawa, 1990. S. 71; Tych F. *Rok 1905*. Warszawa, 1990. S. 9.

⁸ Żarnowska A. *Wychodźcy ze wsi w miasteczku przemysłowym (Królestwo Polskie na przełomie XIX i XX w.)* // *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Historica*. 46.1992. S. 133.

⁹ Mędrzecki W. *Młodzież wiejska na ziemiach Polski centralnej 1864–1939. Procesy socjalizacji*. Warszawa, 2002. S. 111.

¹⁰ Żarnowska A. *Wychodźcy ze wsi...* S. 135–136.

предприятия (до 50 работников), которых в Царстве Польском насчитывалось около 3 тыс., обеспечивали занятость 15 % всех рабочих, а 115 крупных фабрик (с числом работающих более 500 человек) – 55 % всего промышленного пролетариата. Его основная часть – более 70 % – была трудоустроена в Лодзинском (30,5 %), Домбровско-Ченстоховском (21,5 %) и Варшавском (18,5 %) промышленных округах¹¹. Из этого следует, что более 50 % рабочих крупных предприятий сохраняли тесные связи с деревней.

Сходные процессы оттока рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность наблюдались также в польских землях Германии, прежде всего в Верхней Силезии. Часть избыточного населения, особенно в Галиции, Великой Польше и Поморье находила для себя занятие в крупных поместьях в качестве наемных сельскохозяйственных рабочих. Повсеместным явлением были миграция в другие области империй или эмиграция в Западную Европу и за океан – в США, Канаду, Латинскую Америку, Австралию. В России трудно было найти губернский город без прочно обосновавшейся польской колонии.

Успехи в области индустриального развития потребовали увеличения числа лиц интеллигентских профессий для работы на предприятиях, в государственном аппарате, учебных заведениях и т. д. Ряды образованного сословия пополняли не только представители шляхты, но и разночинцы, а также евреи, порывавшие с традиционными замкнутыми общинами (кагалами), в которых жила эта этническая группа. По численности евреи были второй на польских землях национальной группой после поляков, а среди жителей ряда местечек Царства Польского и Галиции составляли абсолютное большинство.

I.2. Формирование новой политической сцены

Новые веяния наметились в общественно-политической жизни. Шляхетский революционаризм, ставивший целью возрождение Речи Посполитой главным образом путем вооруженного восстания, после поражения 1864 г. постепенно терял свою прежнюю привлекательность. Пришедший ему на смену позитивизм, предлагавший программу органического труда, накопления богатства, лояльности иноземной государственной власти, быстро исчерпал свой изначально небольшой мобилизационный потенциал. В середине 1880-х годов вопросом о дальнейших путях развития польского народа задалось новое поколение интеллигенции, не отягощенное памятью поражения Январского восстания и разочаровавшееся в позитивизме¹².

Именно это поколение, главным образом студенческая молодежь и молодые интеллигенты, обратило внимание на выходявшие на политическую сцену новые общественные силы – пролетариат, буржуазию и пореформенное крестьянство. К этому времени польское рабочее движение прошло определенную школу борьбы за свои экономические права. Первая крупная стачка под экономическими лозунгами прошла в Варшаве весной 1871 г. В том же году бастовали еще несколько заводов Варшавы и других городов Царства Польского, а также силезского Хожува. С этого времени стачки стали привычным оружием в борьбе рабочих с работодателями за улучшение условий труда и повышение его оплаты.

К началу XX в. на польских землях произошло оформление политических партий нового типа. История их создания в Царстве Польском укладывается в схему, предложенную Т. Шаниным для России¹³. Движения начинались с небольших групп, организовывавших кружки для обсуждения политических вопросов и пытавшихся распространять разделявшиеся ими идеи. В случае, если членам этих кружков удавалось на ранней стадии их существования избежать ареста и ссылки, они устанавливали контакты с единомышленниками, расширяя тем самым сферу

---

¹¹ Tych F. Rok 1905. S. 8–9.

¹² Micińska M. Inteligencja na rozdrożach 1864–1918. Warszawa, 2008. S. 116.

¹³ Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 гг. – 1917–1922. М., 1997. С. 44–45.

своей деятельности. Следующим этапом становилось создание партии. Главным при этом было учреждение собственного печатного органа, представлявшего альтернативную официальной картину действительности, выдвижение лидеров, интеграция разрозненных групп. Завершался процесс созывом съезда, на котором определялись состав руководящего центра, нормы внутрипартийных отношений и идеологическая платформа.

В начальный период формирования социалистического, национально-демократического (эндецкого) и крестьянского (людовского) движений между ними существовала достаточно зыбкая граница, не мешавшая перетеканию идей, некоторой кооперации усилий, переходу их участников из одного лагеря в другой. Основным вопросом для всех движений было определение, во-первых, своей позиции по вопросу о путях, средствах и методах обретения Польшей независимости, во-вторых, отношения к другим политическим лагерям и национальным движениям.

Первые польские революционные кружки появились в 1870-е годы, первоначально в Петербурге и Киеве. Входявшие в них студенты испытали сильное влияние радикальных народнических организаций России. Со второй половины декады начался длившийся около 20 лет этап поиска польским социалистическим движением идейной идентичности и создания устойчивых организационных форм. Решать эти задачи в Царстве Польском пришлось в нелегальных условиях, в атмосфере правительственного террора, непрерывных арестов, вынужденной эмиграции. На этом пути важными вехами стало основание в 1882 г. Людвиком Варыньским первой на польских землях рабочей партии, получившей название Всемирной революционной партии «Пролетариат» (известна в литературе как I (Великий) «Пролетариат»). В ее программе подчеркивался антагонистический и международный характер классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, наметился отход от анархистских идей, характерных для народовольческого движения, в качестве конечной цели называлось создание социалистического государства. В программе-минимум говорилось о борьбе за демократические свободы, равноправие женщин, обязательное всеобщее школьное образование, отделение церкви от государства. Осуждался национальный гнет, однако о создании польского независимого государства напрямую не говорилось. Партии удалось организовать собственную тайную типографию и наладить издание газеты «Пролетариат», листовок и воззваний. В сентябре 1883 г. Варыньский был арестован. Сменивший его С. Куницкий, связанный с «Народной Волей», пропагандировал тактику индивидуального террора. Летом 1884 г. аресту подверглось порядка 200 человек, 29 из них ждал военный трибунал. В 1885 г. на «процессе 29» Варыньского приговорили к 16 годам каторги, он умер в 1889 г. в Шлиссельбургской крепости, Куницкого расстреляли в январе 1886 г. В том же году арестовали последних членов партии, возглавлявшейся М. Бохушевич.

Несмотря на репрессии, разрозненные социалистические кружки продолжали действовать, главным образом в Варшаве и Вильно, а также среди польских студентов высших учебных заведений империи. Необходимой литературой их обеспечивали эмигранты, группировавшиеся вокруг журналов «Пшедсвит» и «Валька кляс», издаваемых С. Мендельсоном.

В 1888 г. Л. Кульчицким и М. Каспшаком была создана Польская социалистическая рабочая партия (II «Пролетариат»), придерживавшаяся тактики индивидуального террора. После ее раскола в 1891 г. возник Рабочий союз под руководством Э. Абрамовского. Эти организации декларировали приверженность традициям I «Пролетариата», в качестве основной цели выдвигали достижение независимости Польши и осуществление социалистической революции.

Летом 1889 г. в Варшаве Юлиан Мархлевский и Людвик Кшивицкий учредили Союз польских рабочих. Эта организация во главу угла ставила экономические требования, решение же политических проблем предлагала отложить на будущее, полагая, что таким образом удастся избежать преследований и получить возможность беспрепятственно работать в пролетарской среде.

В Галиции условия для деятельности социалистических групп были более благоприятными, но и здесь власти чинили всевозможные препятствия движению, ставившему конечной целью построение общества социальной справедливости. В Германии становление польского социалистического движения сдерживалось законами против социалистов, действовавшими с 1878 по 1890 г.

В 1880-е годы на польской политической сцене появился будущий главный антагонист социалистического движения – националистическое течение. Оно ориентировалось на работу не с одним каким-то классом, а со всем польским обществом. В октябре 1886 г. варшавский еженедельник «Глос», на страницах которого публиковались такие известные польские литераторы, как Я. Каспрович, М. Конопницкая, Б. Лесьмян, Э. Ожешко, С. Пшибышевский, Л. Стафф, с тревогой констатировал: «Наше общество после стольких тяжких испытаний переживает период ослабления и апатии, в этой ситуации крайне необходимо пробуждение новых духовных сил».

Своеобразным ответом на призыв стало создание в следующем году З. Балицким в Привислинском крае молодежной организации – Союза польской молодежи (Зет), а в Швейцарии группой эмигрантов во главе с популярным в то время писателем З. Милковским (псевдоним Томаш Еж) – Польской лиги. Огромное влияние на патриотическую польскую молодежь оказала брошюра-манифест Милковского «Об активной обороне и национальной казне» (1887), ставшая своего рода «призывом к возрождению польского патриотизма».

В 1888 г. Зет подчинился Польской лиге. Тогда же в варшавской организации Зет появился студент Варшавского университета Роман Дмовский, обративший на себя внимание «экспансивностью натуры, живостью ума, чувством юмора, а также определенной решительностью, смелыми взглядами и умением решать споры»¹⁴. Спустя год Дмовский был уже членом Польской лиги. Лига, планировавшая действовать как на польских землях, так и за границей, в качестве своей основной цели выдвигала «воссоздание Польши в границах, существовавших до разделов, на федеративной основе с учетом национальных отличий»¹⁵. Через год формулировка была изменена – Лига заявляла уже об оказании поддержки самостоятельному развитию народов, проживавших в границах I Речи Посполитой. Зету, в свою очередь, надлежало стать «школой организационной и политической подготовки и одновременно первым этапом в непрерывном служении обществу в тайных организациях»¹⁶. Основу Польской лиги составляли редакторы и читатели ставшего ее печатным органом уже упомянутого журнала «Глос», а также львовского ежесеместрника «Пшеглэнд сполэчны», который одновременно уделял внимание развитию и крестьянского (людовского) движения в Галиции. Свидетельством незавершенности процесса польской политической дифференциации можно считать то, что наряду с будущими национальными демократами, откровенно правой партией, с «Глосом» сотрудничали и сторонники социалистических идей, такие как Л. Кшивицкий или В. Налковский.

Прорывным периодом в развитии польской политической сцены стали 1890-е годы Стихийно вспыхнувшая весной 1892 г. забастовка в Лодзи («Лодзинский бунт») носила преимущественно экономический характер, ее участники требовали увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня, улучшения условий жизни и т. д. Кроме того «Лодзинский бунт» сопровождался еврейским погромом. События в Лодзи получили широкую огласку¹⁷. Под их влиянием усилилась тенденция к созданию единой массовой социалистической партии для организации борьбы за смену политического строя и создание независимого польского государства. В ноябре 1892 г. съезд представителей польских социалистических организаций в

---

¹⁴ Цит. по: Krzywiec G. Szowinizm po polsku. Przypadek Romana Dmowskiego (1886–1905). Warszawa, 2009. S. 50.

¹⁵ Ustawa Ligi Polskiej z 1887 roku.

¹⁶ ZET w walce o niepodległość i budowę państwa. Szkice i wspomnienia. Warszawa, 1996. S. 33–34.

¹⁷ Kaczyńska E. Tłum a władza... S. 70–77.

Париже решил создать Зарубежный союз польских социалистов (ЗСПС) и подготовить проект программы Польской социалистической партии (ППС).

В проекте программы вина за упадок Польши и проигранные национальные восстания возлагалась на аристократию и шляхту, а будущее страны связывалось с «рабочей Польшей», с деятельностью нелегальной массовой партии, способной решать общенациональные задачи, т. е. ППС. В качестве цели партии определялось завоевание пролетариатом власти в независимой демократической Польше, граждане которой будут равны между собой независимо от пола, национальной и религиозной принадлежности. Польская социалистическая партия должна была бороться за завоевание широких демократических свобод, приведение социального законодательства в соответствие с нормами передовых стран Запада. Добиться этих целей планировалось с помощью забастовок и манифестаций. Террор рассматривался в качестве крайней меры. Допускалась возможность сотрудничества только с социалистическими партиями. Поскольку своей деятельностью ППС намеревалась охватить все земли бывшей Речи Посполитой, то первыми ее партнерами должны были стать литовские и украинские социалисты. Важным для партии авторы проекта программы ППС считали ее признание международным социалистическим движением и особенно – выдвижение в качестве первоочередной задачи борьбу за национальную независимость.

Сформулированные в проекте программы политические задачи формально и фактически еще не существовавшей Польской социалистической партии не нашли однозначной поддержки даже в среде польских социалистов. Против включения борьбы за национальную независимость в круг целей социалистов выступила цюрихская группа. Ее лидер Роза Люксембург считала, что, во-первых, это неизбежно приведет к ослаблению борьбы польского пролетариата за социальное освобождение, а во-вторых, сама постановка задачи завоевания независимости в современных условиях утопична, поскольку польские земли уже «органическим образом инкорпорированы» в Австрию, Германию и Россию. Люксембург также выступала за тесное взаимодействие польских социалистов с единомышленниками в этих государствах. Под давлением данной группы проект программы ППС не был принят.

Но ЗСПС не отказался от создания ППС, особенно в России, где отсутствовали легальные возможности для деятельности организаций социалистического толка. Это удалось сделать в 1893 г. С. Мендельсону в ходе совещаний, проведенных в Варшаве, Вильно, Риге и Петербурге с членами польских социалистических кружков. Именно тогда с Мендельсоном встретился и решил примкнуть к социалистическому движению 25-летний Юзеф Пилсудский, незадолго до этого вернувшийся из сибирской ссылки и мечтавший о будущей независимой Польше. В скором времени он стал одним из лидеров ППС¹⁸.

В рядах Польской социалистической партии с самого начала не было согласия относительно путей достижения независимости Польши. Одни связывали решение польского вопроса с очередным восстанием, которое могло начаться в случае общеевропейского вооруженного конфликта, другие – с общеевропейской социальной революцией¹⁹, а кто-то с либерализацией отношений в разделивших Польшу империях. На начальном этапе организационного и идеологического становления ППС в Царстве Польском ее лидеры допускали возможность сотрудничества с другими демократическими организациями, прежде всего с Национальной лигой и Зет²⁰.

Но постепенно в Польской социалистической партии крепло убеждение, что ее деятельность должна строиться строго на принципах классовой борьбы, в связи с чем компромиссы с

---

¹⁸ Матвеев Г. Ф. Пилсудский. М., 2008. С. 36–37.

¹⁹ В 1897 г. Пилсудский говорил, что «после периода отказа нужно приучить людей к идее независимости, а как эта идея будет реализована, мы не знаем. Может война, может революция». – Цит. по: Pajewski J. Odbudowa państwa Polskiego 1914–1918. Poznań, 2005. S. 22.

²⁰ Wasilewski St. Pięćdziesiąt lat zwątpienia, nadziei i walki 1864–1914. Warszawa, 2005. S. 142.

другими классами и партиями недопустимы, а члены ППС не могут состоять в других организациях политического характера. Контакты ППС и ЗСПС с Национальной лигой были объявлены наносящими вред интересам партии. Это решение во многом способствовало противопоставлению двух движений. По мере развития организационной структуры ППС все чаще стала позиционировать себя в качестве единственной социалистической партии, имеющей право действовать на землях бывшей Речи Посполитой. Правда, она проявляла готовность к сотрудничеству с литовскими социал-демократами, но отказывалась от взаимодействия со связанным с российскими социал-демократами Всеобщим еврейским рабочим союзом (Бундом), конституировавшимся в 1897 г. Бунд выступал за культурную и национальную автономию еврейского населения в Литве, Польше и России. ППС считала, что деятельность союза мешает борьбе за освобождение Польши и Литвы, а посему вредит интересам польского, литовского и еврейского пролетариата.

II «Пролетариат» и Союз польских рабочих отказались сотрудничать с ЗСПС, назвав программу ППС националистической, поскольку она своей первоочередной задачей считала завоевание независимости Польши, а не социалистическую революцию. В июле 1893 г. Ю. Мархлевский и Р. Люксембург на базе этих двух организаций учредили Социал-демократическую партию (СДП). СДП с самого начала деятельности противопоставила себя ППС, заявив, что рассматривает «программу возрождения Польши как отказ в нынешних условиях от эффективной политической борьбы и отход от целей пролетариата, как долгосрочных, так и ближайших». Политическую линию партии определил I съезд весной 1894 г.: достижение социализма в рамках всемирной революции пролетариата. Тогда же было принято новое название партии – Социал-демократическая партия Королевства Польского (СДКП). Это означало ограничение деятельности Привислинским краем. Важным моментом было выражение солидарности с рабочим движением России и социал-демократическими партиями других стран. Результаты работы съезда получили высокую оценку Р. Люксембург, особенно за то, что принятая программа была лишена «патриотического налета».

После волны арестов в 1893–1894 гг. деятельность СДКП практически прекратилась. Только в декабре 1899 г. удалось созвать съезд, который принял решение о возобновлении партии и ее переименовании в Социал-демократию Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). Это означало, что свою деятельность она распространяла и на западные губернии Российской империи. СДКПиЛ сохранила приверженность линии, определенной Р. Люксембург для польского социалистического движения, была против выдвижения лозунгов борьбы за независимость и считала, что польские рабочие в борьбе за свое социальное освобождение должны теснейшим образом взаимодействовать с пролетариатом других стран. Только успешная социалистическая революция, полагали вожди СДКПиЛ, могла решить все проблемы, волновавшие рабочий класс.

Социалистические идеи находили отклик и в других польских землях. В начале 1892 г. во Львове прошел I съезд галицийских социал-демократов, объявивший о создании легальной Социал-демократической партии Галиции, позднее преобразованной в Польскую социал-демократическую партию Галиции и Тешинской Силезии (ППСД). Организационная структура партии начала формироваться после ее II съезда в 1893 г. Одним из ее основателей был Игнаций Дашиньский. В 1897 г. он и второй представитель соцпартии Я. Козакевич были избраны в австрийский парламент, что свидетельствовало о возросшем влиянии социалистических идей в Галиции. Программа-минимум ППСД включала борьбу за улучшение положения рабочего класса, расширение гражданских прав, демократизацию парламентской системы, улучшение условий жизни и труда рабочих. Партия была сторонницей объединения и независимости польских земель.

Осенью 1893 г. в Берлине на I съезде польских социалистов Германии была образована Польская социалистическая партия Пруссии, малочисленная и слабая, до 1913 г. связанная с

Социал-демократической партией Германии в вопросах как финансирования своей деятельности, так и участия в парламентских выборах.

Организационную и идейную трансформацию в последней декаде XIX в. переживал и национально-демократический лагерь. В 1893 г. Р. Дмовский с единомышленниками произвел переворот в Польской лиге, преобразовав ее в Национальную лигу. Программа новой организации была разработана Дмовским и в 1895 г. опубликована в виде брошюры под названием «Наш патриотизм». Ее суть сводилась к следующему: «Национальная политика... должна быть общепольской... Каждый поступок поляка независимо от того, где он совершается и против кого направлен, должен осуществляться с мыслью об интересах всего народа». В программе осуждались не только самодержавие, но и те поляки, которые вступили на путь соглашения («угоды») с разделившими Речь Посполитую государствами. Дмовский ратовал за проведение «революционной политики», которая включала бы организацию торжественных шествий по случаю памятных дат и стачек, отказ от уплаты налогов, уничтожение внешних символов русификации, порчу казенного имущества, наказание наиболее рьяных представителей российских властей и предателей национальной идеи, причем применять ту или иную меру следовало в зависимости от ситуации. Главное внимание он предлагал сосредоточить на борьбе с «угодниками».

Из инициатив Национальной лиги наиболее широкую огласку получила манифестация в апреле 1894 г. в связи со 100-летней годовщиной восстания жителей Варшавы под руководством Я. Килиньского. Последовавшие вслед за этим аресты ослабили, но не положили конец деятельности Зет и Национальной лиги. Эмигрировавшие в Галицию руководители национальной демократии активно продолжили начатое в Царстве Польском дело, подчеркивая его общепольский характер. Во Львове в 1895 г. стал издаваться печатный орган эндеков – «Пшеглэнд вшехпольский», давший лагерю еще одно название – «вшехполяки». Национал-демократы очень быстро оценили важность работы не только с интеллигенцией и учащейся молодежью, но и с крестьянами и рабочими. С 1896 г. этой массовой аудитории они адресовали журнал «Поляк». В 1899 г. по инициативе Национальной лиги развернуло деятельность нелегальное Общество народного просвещения, затем лагерь пополнился Союзом им. Я. Килиньского, действовавшим среди рабочих и ремесленников.

Не оставили эндеки без внимания и польские земли в составе Пруссии, используя для распространения своего влияния недовольство местного польского населения активной политикой германизации. К началу XX в. национальные демократы стали здесь весьма влиятельной политической силой, потеснив консерваторов.

В 1890-е годы на польских землях появилось еще одно политическое течение, ориентированное на работу с массовой социальной базой, – крестьянское (людовское) движение. Его зачинателями и первыми идеологами были интеллигенты. Колыбелью людовского движения стала австрийская Галиция, где крестьяне имели право голоса и на выборах 1899 г. провели в провинциальный сейм пять своих депутатов.

Идею создания в Галиции самостоятельного крестьянского движения сформулировали на страницах уже упоминавшегося «Пшеглэнда сполэчного» супруги Б. и М. Вислоухи. Ими двигало убеждение, что крестьянство, как самое многочисленное сословие польского общества, может и должно сыграть ведущую роль в восстановлении независимости Польши. Но для этого его нужно просветить и обеспечить достойные условия существования. В 1899 г. Б. Вислоух стал издавать во Львове газету «Пшиячель люду». В 1894 г. вместе с единомышленниками К. Леваковским, Х. Реваковым, Я. Стапиньским он основал Польское демократическое общество, которое в том же году во время Галицийской хозяйственной выставки провело съезд более 2 тыс. крестьян. Этот форум показал, что назрел момент для создания крестьянской политической партии.

В июле 1895 г. на съезде крестьянских делегатов избирательных комитетов в Жешуве было провозглашено создание Стронництва людowego (Крестьянской партии). С 1903 г. оно станет называться Польское стронництво людowe (ПСЛ). Партию возглавил юрист, публицист, прекрасный оратор и известный галицийский политический деятель К. Леваковский. Ее руководящее ядро составили священник С. Стояловский, Я. Бойко и Я. Стапиньский, последний в скором времени превратился в наиболее авторитетного лидера партии. Роль печатного органа выполнял популярная у крестьян газета «Пшиячель люду».

В программе, с которой партия в том же 1895 г. пошла на выборы в галицийский сейм, содержались требования как политического (уравнение крестьян в правах с другими сословиями, отказ от куриальной избирательной системы), так и социально-экономического (справедливое налогообложение, административное объединение крестьянской гмины с помещением, поддержка добровольной парцелляции помещичьих имений как необходимого условия создания крупных крестьянских хозяйств, развитие промышленности, дорожно-транспортной инфраструктуры, увеличение числа начальных школ) характера. В целом их можно свести к триаде: «Земля крестьянам, просвещение крестьянам, власть крестьянам», которая станет кредо людовского движения на многие десятилетия.

Еще одним политическим течением нового типа следует считать христианских демократов (хадеков). Идеологической основой их движения явилось социальное учение католической церкви, главные постулаты которого папа Лев XIII сформулировал в энцикликах *Rerum Novarum* (1891) и *Graves de communi* (1901). Эта доктрина имела антисоциалистическую направленность, что предопределило выбор христианами демократами объектом своей деятельности рабочей и мелкобуржуазной городской среды, особенно в польских землях Германии. С движением активно взаимодействовал католический клир. В каждой епархии были созданы комиссии по социальным вопросам, своей деятельностью готовившие необходимую почву для укоренения нового учения.

Проживавшие на польских землях евреи и немцы также создавали свои партии различной социальной направленности, от левых до правых и консервативных. В еврейской среде существенным было влияние сионистов, отстаивавших идею переселения на историческую родину и создания в Палестине национального государства евреев. В Восточной Галиции набирали силу украинские, а также русинские партии.

Помимо этих политических лагерей в польских землях продолжали действовать традиционные консервативные организации, клиентелой которых были крупные землевладельцы, промышленники и предприниматели, церковные иерархи, т. е. социальные группы, более других интегрированные в политическую и хозяйственную жизнь Австро-Венгрии, Германии и России. Консерваторы проводили политику «угоды» с правительствами, приносившую определенные выгоды не только им, но и всему польскому обществу. Особенно сильны позиции консерваторов были в Галиции. В начале века они отчетливо делились на два крыла. Краковские консерваторы, из среды которых вышли все наместники провинции, придерживались более либеральных позиций, старались налаживать сотрудничество с основными политическими силами, в том числе и украинскими партиями. Консерваторы Восточной Галиции, так называемые «подоляки», видели в украинских партиях своего основного политического противника, что сближало их с национальными демократами²¹.

Таким образом, в конце XIX в. ситуация на политической сцене всех трех частей Польши мало чем отличалась от существовавшей в странах Западной Европы или США, с той только разницей, что не все ее акторы могли с одинаковой степенью свободы формулировать и пропагандировать разделявшиеся ими ценности. В самом благоприятном положении находились консерваторы. Их деятельность нигде не наталкивалась на противодействие правительств.

---

²¹ Подробнее см.: Булахтин М. А. Между политикой и моралью: краковские консерваторы в начале XX в. Пермь, 2006.

Достаточно благоприятные условия для развития польской политической жизни существовали в Галиции и Германии. И только в Привислинском крае все современные политические партии вели свою работу в нелегальных условиях. О современном характере главных участников политической сцены свидетельствовало взятие ими на вооружение универсальных идеологических концепций – социализма, национализма, зарождавшегося аграризма и социального католицизма, а также ориентация на завоевание массовой социальной базы. Причем если в Австро-Венгрии и Германии массовую поддержку искали для успеха на выборах, то в России – для завоевания независимости путем революции или очередного восстания.

Нелегальные условия существования политических партий в Царстве Польском предопределили формирование в них узких руководящих групп, члены которых вели свою деятельность на профессиональной основе в подполье или эмиграции. Невозможность текущей проверки практикой правильности программ и тактики компенсировалась ожесточенными теоретическими дискуссиями, вела к непрерывному делению на фракции, течения и крылья, к организационным расколам, а иногда и резким сменам выдвигаемых лозунгов.

Все эти особенности хорошо видны на примере двух наиболее влиятельных в начале XX в. политических сил Царства Польского – Польской социалистической партии и национальных демократов. Новое столетие ППС встретила с программой восстановления независимости Польши с помощью осуществляемой пролетариатом революции, чтобы затем, уже в независимой демократической Польской республике, продолжить движение к социализму путем реформ, а не революции. Партия действовала в это время как в России, так и в эмиграции. По своему составу она была интернациональной. В 1900 г. Заграничный союз польских социалистов был преобразован в зарубежное отделение ППС. Среди его членов были эмигранты из России Игнаций Мосьцицкий, В. Йодко-Наркевич, Л. Василевский, Б. Миклашевский. Они действовали в основном в Англии, в Лондон было перенесено также издание журналов «Пролетариат» и «Валька кляс».

В силу ограниченности в это время организационных возможностей деятельности, ППС делала основной упор на пропаганду. Политическая литература издавалась за рубежом, а затем нелегально переправлялась на территорию Российской империи. Особо важную роль в формировании идеологического облика ППС играли журналы «Пшедсвит» и «Святло», а также печатавшаяся в подпольной типографии сначала в Вильно, а затем в Лодзи газета «Роботник». Провал типографии «Роботника» в феврале 1900 г. и арест печатавшего эту газету Ю. Пилсудского нанесли серьезный удар по деятельности ППС. Затем последовали аресты других членов партии. Ослаблению ППС способствовал и выход из ее рядов в 1900 г. группы сторонников идеи диктатуры пролетариата во главе с Л. Кульчицким. Они создали Польскую социалистическую партию «Пролетариат», так называемый III «Пролетариат», просуществовавшую до 1907 г. Новая партия резко критиковала ППС за «националистическую и патриотическую» позицию.

ППС оправилась от удара лишь в 1902 г., но это была уже не та партия, которой безраздельно руководили Пилсудский и его соратники. В ее ряды и руководство пришли новые люди – «молодые», которые далеко не во всем соглашались со «старыми». И в этом крылся зародыш будущего конфликта, завершившегося расколом ППС.

Национальная демократия в начале XX в. также претерпела существенные идеологические изменения. В 1897 г. Национальная лига объявила о создании Демократическо-национальной партии как общепольской политической организации. Но при этом в каждой из польских земель создавались самостоятельные организационные структуры. Такое нетрадиционное для польской политической жизни решение стало возможным потому, что у всего национально-демократического движения существовал единый руководящий центр – Национальная лига. Важный вклад в разработку идеологии Национальной лиги внесли З. Балицкий и Р. Дмовский своими трудами соответственно «Национальный эгоизм и этика» (1902) и «Мысли современного поляка» (1903). Ведущие идеологи эндеков призывали к трезвой и

реалистичной оценке ситуации, в которой находились поляки. Восстановление польского государства не рассматривалось ими в качестве первоочередной задачи, больше внимания было уделено требованию автономии Царства Польского, культивированию национальной идентичности с помощью культурной и образовательной деятельности. Эти положения откровенно перекликались с еще недавно отрицавшимися эндеками принципами «органического труда». Понятие патриотизма они связывали с «национальным эгоизмом», т. е. поддерживали борьбу поляков за свое государство, без оглядки на интересы других народов и государств. Произошел отказ от антиклерикальной позиции, теперь эндеки стремились к поиску совместного поля деятельности с католической церковью, «цементирующей нацию».

Переход на открыто националистические позиции привел к тому, что национально-демократическое движение стало менее терпимо к своим политическим оппонентам, прежде всего к ППС, а также национальным движениям на бывших землях Речи Посполитой – еврейскому и украинскому, взяло на вооружение антисемитизм. В 1902 г. Демократическо-национальная партия стала легально действовать в Галиции, широко используя постоянно нараставший польско-украинский конфликт для привлечения сторонников. В Восточной Галиции эндеки активно взаимодействовали с консерваторами-«подоляками», отстаивавшими интересы крупного польского землевладения. Своими «внутренними врагами» ДНП считала людовцев и социалистов.

Следует констатировать, что Дмовский и его соратники очень чутко уловили распространенные среди поляков во всех трех империях настроения клерикализма, национализма, ксенофобии и сумели выразить их в конкретных идеологических конструкциях и политических лозунгах. В результате к началу революции 1905 г. эндеки были самой влиятельной польской политической силой в России, Австро-Венгрии и Пруссии.

I.3. Революция 1905–1907 гг.

Русско-японская война 1904–1905 гг. изначально не пользовалась популярностью даже в Великороссии: слишком непонятны подданным Романовых были ее цели. Не вызвала она позитивного отклика и в Царстве Польском, тем более что призывников из этой провинции очень часто направляли для прохождения военной службы за Урал. Важную роль в развитии событий 1904 г. сыграл так называемый кризис надежд, охвативший главным образом рабочую среду²². На протяжении 1890-х годов происходило постепенное улучшение положения рабочих, на смену которому в связи с общеевропейской депрессией 1900–1903 гг. пришло резкое снижение заработков. Наметившееся во второй половине 1903 г. оживление экономической конъюнктуры породило надежды на изменения к лучшему, которые, однако, перечеркнула война. Промышленность Царства Польского, не успев оправиться от последствий общеевропейского кризиса, оказалась втянута в кризис общероссийский. К примеру, зависимые от российского и дальневосточного рынков текстильные фабриканты Лодзи и Ченстохова только из-за перегруженности железных дорог военными перевозками сократили экспорт в первые пять месяцев войны на 20 и 55 % соответственно²³.

В полицейском донесении от июля 1904 г. сообщалось, что в результате сужения рынков сбыта владельцы фабрик были вынуждены прибегнуть к увольнению большого числа рабочих в Лодзинском, Сосновецком и Варшавском уездах. Всего работу потеряло около 100 тыс. из 250 тыс. наемных рабочих, сокращение зарплат в связи со спадом производства коснулось при-

---

²² Понятие «кризис надежд» при описании событий 1904 г. ввел Р. Льюис. (Lewis R. D. The Labor Movement in Russian Poland in the Revolution of 1905–1907. Ph.D. diss. Berkeley, 1971. P. 75.) – Цит. по: Blobaum R. E. Rewolucja: Russian Poland, 1904–1907. Ithaca; London, 1995. P. 57.

²³ Blobaum R. E. Rewolucja: Russian Poland... P. 52.

мерно 125 тыс. человек²⁴. Результатом массовых увольнений стала череда забастовок экономического характера, главным образом в Варшаве и Лодзи. Немало уволенных рабочих в весенне-летний период нашло заработок в деревне, не ощутившей еще на себе последствий кризиса. Однако к осени, когда кризис в промышленности привел к значительному росту инфляции, а возможность стороннего заработка завершилась вместе с уборкой урожая, многие из них оказались без средств к существованию.

В отличие от города, деревня в 1904 г. сохраняла спокойствие, и не только вследствие устойчивого спроса на сельскохозяйственную продукцию, но и из-за деятельности клира и национальных демократов, сумевших к тому времени завоевать существенное влияние среди крестьян.

Наиболее политизированной частью населения Царства Польского в начале века было студенчество. Еще в 1890-х годы ответом молодежи на политику русификации стало создание нелегальных кружков самообразования, многие из которых были связаны с национально-демократическим или социалистическим движением. При кружках действовали библиотеки нелегальной литературы, иногда число книг в них достигало нескольких тысяч. К 1904 г. подобные кружки различной политической направленности существовали практически во всех средних и высших учебных заведениях Царства Польского, а студенческие волнения стали носить более организованный и политизированный характер. Среди молодежи действовал не только близкий эндекам Зет, но и созданный в 1903 г. Союз социалистической молодежи.

В 1904 г. возникла благоприятная обстановка для деятельности оппозиционных сил, которые выступали против войны и винили во всех несчастьях правительство и самодержавие. Первая антивоенная демонстрация была проведена по инициативе ППС и Бунда 21 февраля 1904 г., вскоре после начала мобилизации резервистов. СДКПиЛ, ППС и Бунд по отдельности организовали первомайские демонстрации, в том числе под лозунгом освобождения М. Каспшака, арестованного в апреле за организацию типографии СДКПиЛ и убийство при задержании четырех жандармов. Лето не принесло успокоения. В 1904 г. только ППС провела 44 демонстрации в 13 городах.

Протестные выступления, хотя и не отличались массовостью, дестабилизировали политическую ситуацию, повышали градус социальной напряженности. Количество участников таких акций в среднем не превышало 500 человек. Манифестации могли быть как организованными, так и спонтанными. Первые были непродолжительными и проходили по сходному сценарию: организаторы смешивались с выходящими из церкви после службы прихожанами, начинали скандировать антиправительственные лозунги и увлекали толпу за собой на улицу. В случае спонтанных выступлений заводилами были матери и жены призывников, нападавшие на военные конвои²⁵. Число антивоенных выступлений заметно возросло после объявления в октябре призыва в армию.

Тогда же прошло первое более массовое антиправительственное выступление в Царстве Польском. Им стала демонстрация на Гжибовской площади в Варшаве в воскресенье 13 ноября 1904 г. с участием более тысячи человек. Одни из них пришли на воскресную службу, другие – для участия в объявленной ППС политической манифестации против мобилизации и войны с Японией. Демонстрация готовилась явно: организаторы заранее распространили воззвания, обращенные к рабочим, студентам, горожанам. Ни прихожане, ни готовившаяся к разгону толпы полиция, ни большинство самих участников демонстрации не подозревали, что, согласно замыслу Ю. Пилсудского, должно произойти вооруженное столкновение, чтобы «расшевелить» общество. Боевикам ППС в момент разгона демонстрации следовало открыть

---

²⁴ Narastanie rewolucji w Królestwie Polskim w latach 1900–1904. Warszawa, 1960. S. 584; Tych F. Rok 1905. S. 8–9.

²⁵ О характере демонстраций см.: Kaczyńska E. Partie polityczne a masowy ruch robotniczy w Królestwie Polskim na przełomie XIX i XX wieku. Badania historyczne – ich krytyka i propozycje // Przegląd Historyczny. T. LXXXI. 1990. Z. 1–2. S. 132; Tych F. Rok 1905. S. 14.

огонь по казакам и полиции. В полдень, после окончания богослужения, около 60 боевиков, развернув красное знамя и транспаранты с антивоенными и антиправительственными лозунгами, под пение «Варшавянки» направились в толпе прихожан в сторону одной из улиц. В ответ на попытки полиции отобрать знамя прозвучали выстрелы. Демонстрация была достаточно быстро разогнана, но в разных частях города периодически возникали стычки, так что силам правопорядка лишь к вечеру удалось восстановить спокойствие в Варшаве. В результате несколько человек было убито, около 30 ранено, более 600 арестовано²⁶. С подобным сопротивлением власти не сталкивались в Царстве Польском со времени Январского восстания 1863–1864 гг. В тот же день протестные выступления под лозунгами «Да здравствует свободная Польша!», «Долой мобилизацию!» были организованы в ряде других городов Царства Польского²⁷.

Антивоенные демонстрации в Царстве Польском не прекращались ни в декабре 1904 г., ни в начале января 1905 г. Широкий резонанс вызвало убийство 24 декабря 1904 г. в Варшаве в ходе манифестации восемнадцатилетнего рабочего В. Цимериса, его похороны переросли в очередное антиправительственное выступление. География протестных акций была достаточно широкой: Варшава, Лодзь, Седльце, Люблин. Это во многом объясняет быстроту реакции на весть о «Кровавом воскресенье» в Петербурге 9 (22) января 1905 г. На следующий день СДКПиЛ распространила обращение к рабочим «Всеобщая стачка и революция в Петербурге»; солидарность с жертвами расстрела выразила ППС.

Уже 27 января в Варшаве стачку начали рабочие завода металлических изделий Герлаха, на следующий день прекратили работу все предприятия Варшавы. В течение первых дней число бастовавших в столице достигло 110 тыс., в разных районах города происходили столкновения с полицией и армией. 28 января забастовала Лодзь, 1 февраля Домбровский бассейн. На рубеже января-февраля остановились все предприятия Царства Польского. Не ходил транспорт, со зданий срывались государственные гербы и уничтожались вывески на русском языке, громились водочные магазины, начались грабежи, не прекращавшиеся весь январь и февраль. Полиция и армия применили оружие, официально сообщалось о 90 погибших. 30 января было введено военное положение.

Забастовочное движение в Царстве Польском по своему размаху не уступало общероссийскому, а в отдельные периоды даже существенно его превосходило. В стачечном движении января-февраля 1905 г. приняло участие около 400 тыс. человек. Как правило требования рабочих носили экономический характер, лишь в Варшаве забастовка с самого начала проходила под политическими лозунгами – сказалась деятельность социалистических партий. В Варшаве по призыву социалистических партий забастовки завершились 1 февраля. В Лодзи стачки продолжались почти до середины февраля. В ходе переговоров забастовщиков с фабрикантами в ряде случаев удалось добиться сокращения рабочего дня до 9-10 часов, некоторого повышения заработной платы, открытия больничных касс, обеспечения бесплатной медицинской помощью, а иногда и оплачиваемого недельного отпуска²⁸.

Преимущественно экономический характер забастовок объяснялся несколькими причинами. Во-первых, социалистические партии были крайне немногочисленными и глубоко законспирированными, не имели опыта работы с массами. Как правило партийные активисты пыта-

²⁶ Подробное описание демонстрации на Гжибовской площади дается в: Blobaum R. E. *Revolucja: Russian Poland...* P. 41–44; Tych F. *Rok 1905*. S. 13; Матвеев Г. Ф. Пилсудский. С. 90–92.

²⁷ Оценки событий на Гжибовской площади были и остаются неоднозначными. Так, по мнению руководства СДКПиЛ, вооруженное сопротивление было не чем иным, как политической авантюрой. – Tych F. *Rok 1905*. S. 13. В данном случае успех боевиков был обеспечен тем, что нараставшее в рабочей среде возмущение экономическими условиями жизни аккумуляровалось в антивоенных настроениях. – Kaczyńska E. *Partie polityczne...* S. 131.

²⁸ Tych F. *Rok 1905*. S. 19–20; Шанин Т. Революция как момент истины... С. 75.

лись придать стихийно возникавшим стачкам организованный характер, но зачастую их усилия ограничивались участием в подготовке списка требований забастовщиков²⁹.

Во-вторых, сказывалось социальное происхождение пролетариата. Безграмотные или малограмотные крестьяне оказались в городе с багажом представлений о мире, характерных для традиционной сельской среды. Многие из них искренне верили в справедливого царя. К примеру, в марте 1905 г. рабочие собирали деньги для посылки делегации к Николаю II, чтобы рассказать ему о своем тяжелом положении³⁰. И активисты социалистических партий вынуждены были с этим считаться. В листовках зачастую использовались библейские образы, а социализм представлялся в качестве «нового евангелия». Во время демонстраций и митингов они пели вместе с рабочими религиозные песни, новые члены рабочих партий присягали на распятии³¹.

Активизация массовых выступлений наблюдалась в связи с подготовкой и проведением дня солидарности трудящихся 1 мая (кстати, в этот день в России официально отмечался Народный праздник). Все рабочие партии обратились с призывами выйти в этот день на демонстрации. Но единой демонстрации не было, ППС ограничилась проведением манифестаций в отдельных районах Варшавы. Демонстрация в Варшаве, организованная СДКПиЛ, была разогнана войсками, погибло 37 человек, несколько десятков было ранено. Первомайские шествия проходили также в Лодзи, Люблине, Ченстохове, Заверце, Домбровском бассейне.

Следующему всплеску революционных выступлений в Царстве Польском положили начало события в Лодзи. Еще с первых дней мая здесь множилось число экономических забастовок, чаще всего стихийных, т. к. влияние рабочих партий было небольшим. В город стягивались войска, казалось, что забастовки уже идут на спад, как неожиданно 18 июня несколько тысяч рабочих, возвращавшихся с митинга под Лодзью, были атакованы казаками и пехотой. Пятеро рабочих было убито. Спустя два дня их похороны превратились в огромную манифестацию с участием около 20 тыс. человек. Затем распространился слух, что убиты еще двое рабочих еврейского происхождения, хотя их тел не удалось найти. Возбужденные этим слухом горожане вышли на улицы, по официальным данным их было около 70 тыс. человек. На их разгон власти бросили солдат. В ходе столкновений погибло 25 человек, позднее от ран скончалось еще шестеро. В ночь с 22 на 23 июня рабочие начали строить баррикады, к утру 23 июня забастовали все фабрики Лодзи. Против восставших было направлено более 11 тыс. человек пехоты и кавалерии. По официальным данным, с 18 по 25 июня погиб 151 человек: 55 поляков, 79 евреев, 17 немцев. СДКПиЛ сообщала о более чем 200 убитых и более 800 раненых. Фабрики возобновили работу лишь 26 июня.

Следующие демонстрации в Варшаве, Лодзи, Люблине прошли вслед за манифестом 17 (30) октября 1905 г. 10 ноября 1905 г. по просьбе варшавского генерал-губернатора Г. А. Скалона в Царстве Польском было введено военное положение³².

В ответ в Варшаве и Лодзи 10–11 ноября прошли демонстрации с требованиями его отмены, введения конституции и установления республики. Начавшаяся тогда же забастовка продлилась до 15–16 ноября, в некоторых местах до 20-го. В конце ноября 1905 г. прошли новые забастовки – на этот раз приняли участие в общероссийской забастовке работники почты и телеграфа. Спад революционной активности наметился после поражения Декабрьского вооруженного восстания в Москве. Стачки случались и в 1906 г., особенно в Лодзи, в Варшаве их количество сокращалось³³.

---

²⁹ Kaczyńska E. Partie polityczne a masowy ruch robotniczy... S. 133.

³⁰ Tych F. Rok 1905. S. 20–21.

³¹ Chwalba A. Socjaliści polscy wobec kultu religijnego (do roku 1914). Kraków, 1989; Idem. Sacrum i rewolucja. Socjaliści polscy wobec praktyk i symboli religijnych (1870–1918). Kraków, 1992.

³² Polska w latach ruchu niepodległościowego 1904–1918 w świetle źródeł przedstawił J. Dąbrowski. Kraków, 1925. S. 3.

³³ Tych F. Rok 1905. S. 27–30, 35, 46.

Для подавления массовых волнений власти широко использовали войска. В Варшаве был расквартирован 50-тысячный гарнизон, а всего в Царстве Польском находилось 250–300 тыс. солдат. Войска стали использовать для разгона демонстраций уже в 1904 г., причем в ряде случаев применялось огнестрельное оружие, в результате чего на улицах городов не раз происходили кровавые побоища. Например, 3 февраля 1905 г. в Радоме армия без предупреждения применила оружие против мирной демонстрации. В том же месяце в Скаржиске при разгоне демонстрации погибло 24 человека, 40 было ранено. На литейном заводе «Катажина» около Сосновца в столкновениях с войсками погибло 37 человек. Зачастую инициаторами подавления манифестаций выступали фабриканты, искавшие защиты у царских властей и просившие прислать войска для охраны их собственности.

Даже те, кто считал происходившие массовые волнения следствием социалистической пропаганды, были шокированы жестокостью расправы властей с населением. На допросах арестованных били резиновыми дубинками, нагайками, прикладами, вырывали волосы на голове, использовали моральное давление и пытки бессонницей. Известны случаи, когда военные патрули без всяких на то причин открывали стрельбу по прохожим, в результате чего были жертвы, в том числе и среди детей³⁴. Тюрьмы были переполнены. Репрессии в Царстве Польском вызвали возмущение, в том числе у российских юристов и даже некоторых сотрудников судебных органов, которые старались помогать подсудимым, протестовали против расстрелов без суда и введения военно-полевых судов в августе 1906 г.

Помощь заключенным оказывала созданная в 1903 г. М. Пашковской Касса помощи политическим заключенным, которая в ноябре 1905 г. была преобразована в Союз помощи политическим жертвам. В его работе участвовали многие варшавские адвокаты. В 1908 г. возникло Общество опеки над освобожденными из тюрем, так называемый «Патронат»³⁵.

Широко распространенной формой репрессий предпринимателей в отношении забастовщиков были локауты. Одним из наиболее массовых оказался лодзинский локаут, длившийся с конца декабря 1906 г. по апрель 1907 г. и охвативший по одним данным 24 тыс., по другим 38 тыс. текстильщиков из примерно 70 тыс. рабочих Лодзи. Фабриканты стремились ликвидировать рабочие комитеты, уволить наиболее опасных работников и вернуться к условиям оплаты труда, существовавшим до революции³⁶.

Несмотря на введение чрезвычайного и военного положения ситуация в центрах забастовочного движения была близка к анархии. В охваченные волнениями Варшаву и Лодзь уже в первые дни революции устремились преступные элементы и безработные. Способствовали хаосу и отсутствие легальных профсоюзов, лишение рабочих средств к существованию вследствие локаутов. Полиция и армия не справлялись с поддержанием порядка. Рабочие пытались делать это сами, но часто это вело лишь к ухудшению ситуации. Начались кровавые расправы населения с ворами, спекулянтами, ростовщиками. Впервые это случилось в Варшаве 24 мая 1905 г., когда несколько сот рабочих напало на сутенеров, на следующий день борьба с преступными элементами была продолжена: рабочие громили публичные дома, воровские «малины», гостиницы, кафе. В ход шли дубинки и ножи. Это движение распространилось на Лодзь, Сосновец и другие города. Создавались группы самообороны, при этом наибольшую активность проявляли члены ППС, СДКПил и Бунда. Частым явлением стали самосуды. Масла в огонь подливала и деятельность боевых дружин, организуемых на партийной основе³⁷.

---

³⁴ Kaczyńska E. *Tłum a władza...* S. 86–87; Tych F. *Rok 1905*. S. 19, 44.

³⁵ Zdrada J. *Historia Polski 1795–1914*. Warszawa, 2007. S. 777.

³⁶ Kaczyńska E. *Tłum a władza...* S. 87.

³⁷ Kaczyńska E. *Tłum a władza...* S. 82; Tych F. *Rok 1905*. S. 27.

Изначально они создавались, чтобы защитить проводимые мероприятия и партийных лидеров. Но в конечном счете деятельность боевых организаций стала тяжелым испытанием для жителей Варшавы, Лодзи, Сосновца и других городов.

Официально левые партии в 90-е годы XIX в. осудили терроризм. Однако ППС под давлением своих радикальных членов допускала использование террористических методов (например, убийство провокаторов) и официально признавалась в существовании группы боевиков, хотя четкого представления об их задачах у руководителей партии не было. Между «старыми» и «молодыми» в ППС с начала века шли споры о концепции боевого движения³⁸. В апреле 1904 г. ППС перешла к тактике системы индивидуального террора. Сначала в Варшаве, а затем в других городах Валерием Славекком и Александром Прыстором, близкими соратниками Ю. Пилсудского, стали создаваться боевые группы³⁹.

Руководство СДКПиЛ, отрицавшее террор как форму политической борьбы, закрывало глаза на подобную деятельность «низов» партии, давшую о себе знать с середины 1905 г. Боевые организации с 1906 г. имели ППС-Левика и созданный по инициативе национальных демократов Национальный рабочий союз. Наряду с польскими, существовали боевые группы Литовской социал-демократической партии, еврейских Бунда, Поалей Циона и социалистов-сионистов, которые, как и СДКПиЛ, ППС, РСДРП действовали в Северо-Западных губерниях империи и Царстве Польском. Боевые группы самообороны создавались фабрикантами. У украинского, белорусского и немецкого меньшинств своих боевых организаций не было⁴⁰.

Большая часть членов боевых организаций рекрутировалась из рабочих, крестьян, мелкой буржуазии и интеллигенции. ППС и партии, возникшие после ее раскола, в 1904–1911 гг. располагали 7600 боевиками, остальные партий – более чем 3700⁴¹.

Наиболее распространенными формами их борьбы были саботаж, диверсии, покушения на высокопоставленных государственных служащих и блюстителей порядка, так называемые «эксы», т. е. нападения на гминные (волостные), сберегательные и заводские кассы, почтовые фургоны и почтовые вагоны с целью изъятия денег на текущие нужды партии, закупку оружия, помощь семьям погибших и арестованных товарищей и т. д.⁴².

В общей сложности в 1906 г. в Царстве Польском было осуществлено около 680 покушений, число убитых представителей власти (военных, жандармов, полицейских, начальников тюрем и т. п.) в 1905–1906 гг. составило 790, ранено было более 860. Объектом террористов становился все более широкий круг лиц. С 1906 г. теракты были направлены против фабрикантов, штрейкбрехеров и всех, кого считали предателями. К штрейкбрехерам причисляли владельцев магазинов, кафе, ресторанов, не прекращавших работу, извозчиков и их пассажиров, крестьян, привозивших в город продукты или приезжавших на заработки и подменявших бастовавших рабочих.

Террор был направлен и против политических противников. Температура межпартийных споров возросла после объявления Октябрьского манифеста. Одни выступали за то, чтобы воспользоваться обещанными царем свободами, другие же разделяли позицию социалистов и социал-демократов, считавших манифест обманом. Споры на этой почве нередко перерастали в драки. Кульминацией споров стали трагические события в Лодзи. 14 октября 1906 г. в городе началась стихийная стачка против полевых судов. Социалисты поддержали стачку, национальные группировки выступили против нее. Это привело к тому, что социалисты начали изгонять

³⁸ Pająk J. Organizacje bojowe partii socjalistycznych w Królestwie Polskim 1904–1911. Warszawa, 1985. S. 8.

³⁹ Подробнее о создании боевой организации ППС см.: Матвеев Г. Ф. Пилсудский. С. 86–87.

⁴⁰ Pająk J. Organizacji bojowe partii socjalistycznych... S. 5–6; Kaczyńska E. Tłum i margines społeczny w wydarzeniach rewolucyjnych (Królestwo Polskie 1904–1907)//Dzieje Najnowsze. R. XV. 1983. Z. 1–2. S. 225–226.

⁴¹ Pająk J. Organizacji bojowe partii socjalistycznych... S. 8, 207.

⁴² Kaczyńska E. Tłum a władza... S. 81; Pająk J. Organizacji bojowe partii socjalistycznych... S. 9.

с фабрик эндеков, а те в свою очередь социалистов, в результате были жертвы. Мариавиты конфликтовали с социалистами, среди бела дня вооруженные люди открывали стрельбу по витринам магазинов и ресторанов, преследовали подозреваемых в доносах и сторонников других партий. Только в Лодзи с конца 1905 по 1907 г. в результате террористических акций погибло около 400 человек и порядка 500 получили ранения. Впрочем, Лодзь выделялась по масштабам братоубийственной войны. Примечательно, что в этот период в городе не было еврейских погромов⁴³.

Первые смелые акции Боевой организации ППС вписывались в воображении поляков в романтическую традицию национальных восстаний. Наибольшую известность получили такие события, как «кровавая среда» 15 августа 1906 г., когда боевики ППС уничтожили 72 полицейских и жандарма; покушение на варшавского генерал-губернатора Г. А. Скалона 18 августа 1906 г., которое совершила 19-летняя В. Крахельская; ограбление кассы в Опатове Ю. Монтвил-Мирецким, а затем его побег из больницы в октябре 1906 г.

Ответная реакция властей на террористические акции была незамедлительной – тюрьмы Царства Польского были переполнены. Выносились и приводились в исполнение смертные приговоры: 21 июля 1905 г. был расстрелян С. Окшея, член ППС, совершивший покушение на обер-полицеймейстера Варшавы К. С. Нолькена, 8 сентября – М. Каспшак, 9 мая 1907 г. – Х. Барон, исполнитель очередного неудачного покушения на Скалона; 9 октября 1908 г. – Ю. Монтвил-Мирецкий, организатор нападений на почтовые отделения и почтовые вагоны в Опатове, Рогове, Лапах и Старожребцах. Все они вписаны в пантеон польских национальных героев⁴⁴.

Однако со временем становилось все труднее проводить границу между революционной борьбой и обычной преступностью или выходами разбушевавшейся толпы. Акции, носившие прежде революционный характер – нападения на магазины, публичные дома, похищение государственных денег, – стали все чаще обращаться в чисто уголовные⁴⁵.

Революционные события 1905–1907 гг. в Царстве Польском, как и по всей России, не оставили равнодушными ни один из слоев населения. Общим для всего общества стало требование возвращения польского языка в учебные заведения, гминное правление и суды. Вслед за общероссийской забастовкой рабочих началась школьная забастовка. Вначале она носила стихийный характер, однако достаточно быстро была создана сеть ученических, родительских и учительских комитетов. К забастовке присоединились студенты Варшавского университета и Политехнического института, активизировал свою деятельность Зет. Участники стачки требовали обязательного бесплатного начального образования, введения польского языка, отказа от русификации, свободы преподавания и организации учебных заведений, отмены ограничений по национальному и религиозному признаку при приеме в образовательные учреждения, самоуправления учащихся гимназий и высших учебных заведений, а также права на объединения.

19 февраля 1905 г. было объявлено о бессрочном бойкоте русских учебных заведений, в ответ власти 20 февраля на месяц закрыли средние школы. Делегация, отправившаяся в Петербург с подписанной 30 тыс. человек петицией с просьбой восстановить в учебных заведениях преподавание на польском языке, вернулась в марте 1905 г. ни с чем. Правда, 17 (30) апреля Комитет министров принял решение о преподавании в государственных школах польского языка и Закона Божьего на польском языке, а также его использовании в частных школах⁴⁶, но о нем объявили лишь в середине июня, когда в Царстве Польском вспыхнули новые забастовки. В октябре 1905 г. правительство согласилось на открытие средних учебных заведе-

---

⁴³ Kaczyńska E. *Tłum a władza...* S. 83–86.

⁴⁴ Micińska M. *Inteligencja na rozdrożach...* S. 144.

⁴⁵ Kaczyńska E. *Tłum i margines społeczny...* S. 226; Micińska M. *Inteligencja na rozdrożach...* S. 145.

⁴⁶ *Polska w latach ruchu niepodległościowego 1904–1918...* S. 1–2.

ний с польским языком преподавания (за исключением истории и географии России, а также с обязательным изучением русского языка). Часть молодежи ответила на это многолетним бойкотом государственных учебных заведений, другие продолжили учебу в частных учебных заведениях или за границей, особенно в Кракове и Львове. В Варшавском университете и Политехническом институте не было занятий до осени 1908 г.

Школьная забастовка разделила поляков. Часть из них, опасаясь негативных последствий перерыва в учебе для интеллектуального потенциала польского общества, отдавала предпочтение легальным инструментам давления на власть. Против забастовки и бойкота выступали варшавский архиепископ В. Хосчяк-Попель, Л. Кшивицкий, А. Свентоховский, Р. Дмовский. Эндеки предлагали придать школьному движению форму управляемых политических акций. С этой целью они в марте 1905 г. создали Союз за придание школам национального характера. СДКПиЛ и ППС поддержали забастовку⁴⁷.

Школьная забастовка, как и революционная ситуация в целом, оказала огромное влияние на женщин. Активистка женского движения Р. Пахуцкая вспоминала, как ее школьные подруги, «которые без мам не выходили на улицу, а когда шли в женскую гимназию, то за ними служанка несла портфель, теперь же, раскрепощенные, превращались в самостоятельных девушек, в общественных деятельниц, в революционерок. Они были полны отваги, веры в себя, в новую жизнь. Перед ними открылся весь мир, надо было лишь завоевать его трудом и борьбой»⁴⁸. Но когда жизнь после революции стала возвращаться в привычную колею, женщинам, осознавшим свое равноправие с мужчинами, особенно тем, кто участвовал в революционной борьбе, пришлось нелегко. Примером тому может служить трагическая судьба М. Куликовской, автора поэтических и прозаических произведений, вдохновленных революционными событиями, учительницы женской гимназии в Кракове. Чувствовавшая себя чужой в консервативном краковском обществе, гонимая за атеистические взгляды, она покончила с собой в 1910 г.⁴⁹.

Не осталась на обочине событий и польская деревня. Беспорядки в ней начались в конце февраля 1905 г., когда прошли первые забастовки сельскохозяйственных рабочих, требовавших повышения оплаты труда, сокращения рабочего дня в сезон до 13–15 часов. Основная часть выступлений в 1905 г. пришлась на Варшавскую, Люблинскую и Седлецкую губернии. В большинстве случаев в них участвовали работники хозяйств, расположенных вблизи крупных промышленных центров. Последние сельскохозяйственные забастовки прошли летом 1906 г.⁵⁰.

В Радомской, Петроковской, Келецкой, Люблинской и Седлецкой губерниях крестьяне начали самовольный выпас скота и вырубку леса, прибегнув тем самым к характерной для пореформенного периода форме борьбы за сервитуты, т. е. помещичьи угодья, которыми они имели право пользоваться по праву «старины», обычая, отказывались платить недоимки. В связи с этим в 1906 г. в села высылались карательные отряды. Включились крестьяне и в борьбу за введение польского языка в начальных школах и гминном правлении, особенно в Варшавской и Плоцкой губерниях. Не без их давления власти в июне 1905 г. разрешили использовать польский язык в гминном правлении⁵¹.

Волнения в деревне в революционный период 1905–1907 гг. отражали всю многоплановость конфликта крестьянства с помещиками, с местными и церковными властями. Эти события дали импульс к более широкому развитию в деревне таких форм социальной организации, как гминное и кооперативное движения, создание добровольных пожарных дружин, оркестров

---

⁴⁷ Zdrada J. Historia Polski... S. 771.

⁴⁸ Pachucka R. Pamiętniki z lat 1886–1914. Wrocław, 1958. S. 59.

⁴⁹ Micińska M. Inteligencja na rozdrożach... S. 148.

⁵⁰ Tych F. Rok 1905. S. 50; Zdrada J. Historia Polski... S. 770.

⁵¹ Tych F. Rok 1905. S. 24–25, 46.

и т. д. На процесс социализации крестьян существенное воздействие оказывали общественные, политические и церковные организации. В расширении влияния на деревню были заинтересованы все политические партии. Эндеки стремились направить недовольство крестьян в русло борьбы за введение польского языка в учебных заведениях и учреждениях, отстаивали необходимость солидарности польских помещиков и польских крестьян. Свое влияние на деревню они обеспечивали с помощью таких изданий, как «Газета свѣтчна», «Поляк», а также Общества народного просвещения и Центрального сельскохозяйственного общества. В декабре 1905 г. в Варшаве национальные демократы организовали съезд 1,5 тыс. крестьянских делегатов, одобривший их программу.

ППС выступала за демократизацию аграрных отношений, в связи с чем создала в марте 1905 г. специальный крестьянский отдел в Центральном исполнительном комитете во главе с А. Стругом, известным писателем, редактором изданий для крестьян «Газета людова» и «Роботник вейски». Для проведения митингов и забастовок направляли в деревню своих агитаторов ППС и СДКПиЛ, хотя они не имели специальной программы для крестьян и свою целевую группу видели в сельском пролетариате и полупролетариате.

В годы революции в Царстве Польском появились зачатки людовского движения. Осенью 1904 г. возник нелегальный Польский крестьянский союз (Польский звѣнзек людовый – ПЗЛ), в конце следующего года, воспользовавшись предоставленными Октябрьским манифестом свободами, он стал действовать открыто. Его возглавили В. Крушевский и С. Бжезиньский. ПЗЛ испытывал сильное влияние идей кооперативного социализма, пропагандировавшихся в Польше Э. Абрамовским, а также программы ППС. Организация позиционировала себя в качестве выразительницы исторических интересов крестьянства, выступала за всеобщий доступ к образованию, принудительное отчуждение крупной земельной собственности, свободу организации всех типов кооперативов, надеясь с их помощью превратить Царство Польское в независимую от властей «кооперативную республику». В политической области ПЗЛ требовал конституционных свобод и автономии Царства Польского, ликвидации контроля над религиозными организациями и учебными заведениями, введения польского языка в государственных учреждениях. На протяжении 1905–1907 гг. им издавались неподцензурные периодические издания «Глос громадзки» под редакцией Бжезиньского, преобразованный затем в «Жиче громадзке», а также «Весь польска», «Сноп» и «Загон». Все эти издания закрывались властями уже после выхода нескольких номеров. С изданиями для крестьян сотрудничали известные писатели и общественные деятели С. Жеромский, М. Конопницкая, Л. Кшивицкий, Э. Абрамовский. В связи с арестами, в том числе Бжезиньского в 1907 г., деятельность ПЗЛ была прекращена. Эту структуру трудно назвать крестьянской партией в точном смысле этого слова, скорее это была организация интеллигенции, поставившая перед собой цель разбудить деревню и вовлечь крестьян в общественную жизнь.

Близкое ПЗЛ по целям движение оформилось в 1906 г. вокруг еженедельника «Севба», органа Союза молодой народной Польши. В редакцию издания входили и интеллигенты, близкие к прогрессивным демократам, и крестьяне. В 1906 г. союз основал Общество сельскохозяйственных кружков им. С. Сташица, способствовал развитию кооперативного движения. В мае 1908 г. еженедельник и союз были закрыты.

Дело гражданского просвещения крестьянства продолжил М. Малиновский, издававший с 1907 по 1915 г. еженедельник «Заране». Вокруг этого радикально-демократического и антиклерикального по духу печатного органа сформировалось так называемое зараняское движение⁵². «Заране» поддерживал кооперативное движение, деятельность Общества сельскохозяйственных кружков им. С. Сташица.

---

⁵² Подробнее о зараняском движении см.: Piątkowski W. Dzieje ruchu zaraniarskiego. Warszawa, 1956.

Работа перечисленных выше организаций и движений в крестьянской среде дала практический результат только в декабре 1915 г., когда в оставленном русской армией Царстве Польском при активном участии ППС и пилсудчиков было образовано Польское стронництво людове (с 1918 г. ПСЛ-«Вызволение»).

С марта 1905 г. наметился рост политической активности приходского духовенства: проводились встречи, собрания, съезды священнослужителей, на которых обсуждались волновавшие прихожан и клир животрепещущие общественно-политические проблемы. Однако высшие католические иерархи заняли лояльную властям позицию. Еще в феврале 1905 г. архиепископ В. Хосчяк-Попель информировал губернатора Петроковской губернии, что рекомендовал духовенству призвать прихожан отказаться от политических выступлений. Подобное поведение соответствовало общей политике Ватикана: в декабре 1905 г. папа Пий X обратился с «Пастырским посланием к архиепископам и епископам Польши под российским скипетром», в котором призывал паству к миру и спокойствию, а также полному послушанию властям⁵³.

Царский указ от 17 (30) апреля 1905 г. о веротерпимости католическое духовенство восприняло с удовлетворением – впервые после сорокалетнего периода гонений появилась возможность для свободной деятельности в различных областях. Католическая церковь должна была сдать экзамен на знание общества, его национальных, социальных и политических чаяний, а также понимание его религиозных нужд⁵⁴. Духовные власти стремились к проведению реформ сверху и выступали против любых идущих снизу инициатив. И это несмотря на то, что уже в конце XIX столетия в польской церкви дал о себе знать кризис, выражавшийся главным образом в финансовых злоупотреблениях приходских священников и нарушении ими норм морали⁵⁵. Одним из проявлений недовольства положением в церкви можно считать популярность мариавитского движения.

Это движение стало распространяться в 1890-е годы главным образом среди крестьян, а также рабочих в первом поколении⁵⁶. В начале XX в. к нему примкнуло около 7,5 тыс. человек⁵⁷. Особых успехов мариавиты добились в Плоцкой, Люблинской и Варшавской губерниях, прежде всего в тех местах, где верующие ранее выражали недовольство качеством духовной опеки, завышенными ценами за церковные требы и т. п. На этом фоне мариавитские священники были образцом служения Богу и людям. Католическая церковь отказывалась признавать подрывавшее ее монополию на окормление прихожан учение, в центре которого стоял культ Богородицы, чинила ему всяческие препятствия⁵⁸. Между сторонниками и противниками мариавитов доходило до стычек, борьбы за церковные здания, кладбища. Наиболее сильными волнения были в 1906 г.⁵⁹ Они кончились только после официального признания российскими властями церковной организации мариавитов 11 декабря 1906 г.

Иерархи католической церкви организовывали гонения не только на мариавитов, но и священнослужителей, тяготевших к эндекам. Их недовольство вызвало, например, прошедшее по инициативе национальных демократов в Варшаве 12 декабря 1905 г. собрание около полутысячи католических священников. В декабре 1906 г. на первой конференции епископата Царства Польского было признано, что любые собрания и деятельность духовенства без раз-

⁵³ Tych F. Rok 1905. S. 21–22, 42.

⁵⁴ Lewalski K. Kościół katolicki wobec społeczno-politycznej rzeczywistości lat 1905–1907 // Rewolucja 1905–1907 w Królestwie Polskim i w Rosji. Kielce, 2005. S. 83–84.

⁵⁵ См., например: Blobaum R. E. Rewolucja: Russian Poland... P. 234–259.

⁵⁶ Górecki A. Początki mariawizmu // Przegląd Powszechny. 2002. N 4. S. 66.

⁵⁷ Lewalski K. Kościół katolicki... S. 90.

⁵⁸ Подробнее о мариавитском движении см.: Kriśań M. Chłopi wobec zmian cywilizacyjnych w Królestwie Polskim w drugiej połowie XIX – początku XX wieku. Warszawa, 2008. S. 91–96.

⁵⁹ Подробнее о трениях между крестьянами и католическими священниками см.: Крисань М. А. Отношение к католической церкви в крестьянской среде в Царстве Польском в конце XIX – начале XX в. // Профессор МГУ И. М. Белявская. Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора МГУ И. М. Белявской. М., 2005. С. 78–98.

решения епископов отвлекают священников от их пастырских обязанностей и являются свидетельством пренебрежения церковной дисциплиной. Не находили понимания у иерархов и такие инициативы, как создание Общества рабочих-христиан, членами которого могли стать и не католики⁶⁰.

Церковь последовательно воплощала в жизнь социальную доктрину католицизма. В декабре 1905 г. в Варшаве по инициативе сверху был создан Польский католический союз, печатным органом которого стало отличавшееся консерватизмом и антисемитизмом издание «Роля». Настойчиво велась работа по созданию Христианско-демократической партии, хотя идея не сразу нашла отклик у прихожан⁶¹.

Важным инструментом влияния на паству были пастырские послания, зачитывавшиеся с амвонов, а затем публиковавшиеся в газете «Пшеглэнд католицкий»⁶². Особенно резко епископы критиковали социалистическое движение, обвиняя его вождей в атеизме и антипольской деятельности.

Католическая церковь в лице прежде всего архиепископа В. Попеля выступила против бойкота государственных учебных заведений, считая, что он вредит молодежи и закрывает путь к образованию детям из бедных семей, что соответствовало истине. Кроме того часть католического духовенства не поддерживала частную школу, видя в ней угрозу для христианских ценностей⁶³.

Революция способствовала решению еще одного наболевшего вопроса из области религиозной жизни. В соответствии с указом от 30 апреля 1905 г. разрешался, в частности, переход из православия в другие христианские исповедания и вероучения. Следствием этого явился массовый приток в католическую церковь бывших униатов, насильно «возвращенных» после Январского восстания в лоно православия. Большая часть переходов «упорствующих в латинстве» произошла в 1905 г.⁶⁴ В 1905–1912 гг. правом смены конфессии в империи воспользовалось в общей сложности более 240 тыс. человек. Больше всего подобных случаев (70 %) приходилось на Царство Польское, в том числе 42 % на Седлецкую губернию⁶⁵. Кроме того, переход был отмечен в Люблинской, Варшавской и Сувалкской губерниях.

События 1905–1907 гг. в значительной степени активизировали польскую политическую сцену, вывели на нее множество партий и политических группировок левого, правого и центристского толка, как правило, существовавших недолго и результатов не достигших. В этот период наблюдался пересмотр политических программ и лозунгов «старых» польских политических организаций, возникших на рубеже веков, корректировка ими тактики применительно к новой общественно-политической реальности. Левые и правые окончательно разделились на непримиримые лагеря, и это несмотря на наличие общей для многих из них идеи солидарности всего польского народа в условиях отсутствия государственной независимости.

В годы революции особенно возросло влияние на польскую часть населения Царства Польского национальных демократов. Эндеки негативно отнеслись к январско-февральской стачке 1905 г., считали забастовочное движение вредным для общества, следствием работы «непольских агитаторов», главным образом евреев и немцев⁶⁶. Одним из основных аргумен-

---

⁶⁰ Lewalski K. Kościół katolicki... S. 85, 87, 93.

⁶¹ Ibid. S. 94–95; Tych F. Rok 1905. S. 56.

⁶² Olszewski D. Biskupi w Królestwie Polskim wobec socjalistów w latach 1905–1907 // Rewolucja 1905–1907 w Królestwie Polskim i w Rosji. Kielce, 2005. S. 115.

⁶³ Lewalski K. Kościół katolicki... S. 99–105.

⁶⁴ По данным Левальского можно говорить о 90 % переходов в 1905 г., согласно Верту – примерно о 74 %. – См.: Lewalski K. Kościół katolicki... S. 88–89; Верт П. Трудный путь к католицизму. Совесть, вероисповеданная принадлежность и гражданское состояние после 1905 г. // Доклад для ежегодника Литовской католической академии наук. Рукопись. Вильнюс, 2005. С. 9.

⁶⁵ Верт П. Трудный путь к католицизму... С. 8.

⁶⁶ Zdrada J. Historia Polski... S. 768.

тов против революции у них был так называемый политический реализм. Национальные демократы не верили, что поражение России в войне с Японией или революция принесут Польше независимость, по их мнению, очередное восстание только спровоцировало бы репрессии и привело к огромным бессмысленным потерям. Вместо этого следовало извлечь пользу для польского дела из ослабления самодержавия, взамен за лояльность получить от российского правительства важные для развития польской национальной жизни уступки, в том числе широкую автономию Царства Польского. Поэтому они были решительными противниками организуемых социал-демократами и социалистами антиправительственных манифестаций и забастовок, считали стачки вредными для всего народа, в том числе и для пролетариата. Эндеки отвергали классовые лозунги, подчеркивая, что «в первую очередь мы – поляки, а уже потом – рабочие».

В начале 1905 г. в Царстве Польском начала легальную деятельность Демократическо-национальная партия во главе с Р. Дмовским и З. Балицким, нацеленная на работу со всеми основными категориями населения. Так, в феврале 1905 г. для землевладельцев был создан Союз национального труда во главе с В. Грабским, в мае – Национальный рабочий союз (НРС), действовавший в основных промышленных центрах: Лодзи, Домбровском бассейне и Варшаве. НРС стал сильнейшей структурой эндеков. В начале 1906 г. он насчитывал около 6 тыс. членов, а спустя несколько месяцев – 23 тыс., только в Лодзинском промышленном округе в нем состояло 8 тыс. человек. Деятельность НРС с самого начала приобрела праворадикальный характер, ее боевики развернули непримиримую борьбу с революционным движением. Очень скоро кровавые стычки между боевыми отрядами НРС и ППС, особенно в Лодзи, стали обыденным явлением⁶⁷.

Эндеки распространили свое влияние и на Центральное сельскохозяйственное общество, возглавляемое одним из их видных деятелей С. Хелховским. В 1906 г. в Царстве Польском они создали гимнастическое общество «Сокол», образцом для которого послужили аналогичные организации в Галиции и Великой Польше⁶⁸. В результате интенсивной деятельности эндеки в течение нескольких месяцев утвердили свое влияние среди всех слоев населения как в городе, так и в деревне.

У национальных демократов появились политические союзники. По инициативе Э. Пильца и газеты «Край» в октябре 1905 г. была создана Партия реальной политики.

В программе «реалистов» постулировалась интегральная целостность Российской империи, а в качестве конечной цели деятельности объявлялось достижение автономии Царства Польского. Известный публицист А. Свентоховский, в свое время один из виднейших популяризаторов концепции «органического труда», опираясь на либералов, связанных с варшавской «Правдой», основал Прогрессивно-демократический союз.

Существенно усилилась и левая составляющая польского политического спектра. Еще в 1904 г. ППС, СДКПиЛ, Бунд, другие еврейские партии социалистического толка представляли собой малочисленные нелегальные организации. После январско-февральской стачки в их ряды потянулись рабочие. В конце ноября 1905 г. СДКПиЛ созвала в Варшаве партийную конференцию, посвященную текущим организационным вопросам. Было решено развивать сеть партийных ячеек не только в городе, но и в деревне среди сельскохозяйственных рабочих. Делегаты конференции пришли к выводу, что гарантией политических и национальных свобод в Царстве Польском должно стать введение широких политических свобод в самой России. Подобную позицию занимала и ППС. К середине 1906 г. количество членов СДКПиЛ составило около 30 тыс. человек. В июне 1906 г. прошел V съезд партии, на котором решался

---

⁶⁷ Kaczyńska E. *Tłum a władza...* S. 92; Micińska M. *Inteligencja na rozdrożach...* S. 144; Tych F. *Rok 1905.* S. 21, 40.

⁶⁸ Zdrada J. *Historia Polski...* S. 769.

вопрос о том, кто – пролетариат или буржуазия – является гегемоном революции в России. Партия по своим программным требованиям и формам борьбы была близка большевикам.

Еще более бурными темпами росла Польская социалистическая партия. К началу 1906 г. она насчитывала уже около 55 тыс. членов, в том числе в Варшаве 8 тыс⁶⁹. Революция привела к поляризации взглядов в рядах партии – все сильнее чувствовалось деление на «молодых» и «старых» во главе с Пилсудским. Динамика развития революции требовала корректировки программных установок. «Молодые» были убеждены в скором падении царизма под напором революционного движения, выступали за сотрудничество со всеми российскими социалистическими организациями. «Старые» критически отнеслись к этим установкам, допускали возможность взаимодействия только с эсерами.

На VII съезде ППС в начале марта 1905 г. обсуждались два принципиальных вопроса: 1) как относиться к революции и участвовать ли в ней ППС; 2) за какую Польшу бороться – автономную или независимую. Прения выявили разногласия по обоим вопросам, но итоговое решение носило компромиссный характер: приоритетом должна стать совместная с российскими революционерами борьба за демократическое преобразование империи Романовых, на первый план выдвигалась задача достижения автономии Царства Польского, и только в отдаленном будущем – независимости.

В июне 1905 г. «молодые» окончательно признали постулат, что польское социалистическое движение может быть только частью российского революционного лагеря и нет никаких шансов на создание «независимой Польской республики»: после победы над самодержавием Царству Польскому будет предоставлена самостоятельность в рамках Российского государства. Этот постулат в корне противоречил парижской программе ППС. Для «старых» идея сохранения польских земель в составе России, пусть даже на федеративной основе, была неприемлема. «Старые» во главе с Пилсудским оказались в меньшинстве и вышли из состава Центрального рабочего комитета, в котором теперь доминировали «молодые». На VI съезде ППС в Вене в ноябре 1906 г. партия раскололась на ППС – революционную фракцию, возглавленную Пилсудским и его единомышленниками, и ППС-левицу, готовую к сотрудничеству с российским революционным движением и к отказу от требований независимости. Раскол ослабил партию, а начавшийся откат революции повлек за собой быстрое сокращение ее рядов. После эмиграции большинства «старых», в том числе руководителей и активистов Боевой организации, в Галицию ППС – революционная фракция почти полностью утратила в Царстве Польском свои позиции. В общей сложности в ней осталось несколько сот членов. Сходная судьба постигла также ППС-левицу и СДКПиЛ.

1905 год привел к огромным переменам в развитии общественных, научных и профессиональных организаций. Провозглашенные Октябрьским манифестом и реализовавшиеся в ходе революционного подъема явочным порядком гражданские свободы, указ от 4 (17) марта 1906 г. «Об обществах и союзах» дали возможность учреждения легальных профессиональных и общественных объединений. До 1907 г. было зарегистрировано более 500 польских организаций. И хотя с усилением реакции деятельность значительной их части была запрещена, раз запущенный процесс формирования гражданского общества было уже не остановить.

Осенью 1905 г. в Варшаве начал работу открытый лекторий Общества научных курсов. В числе его основателей были Г. Сенкевич, Т. Корзон, И. Хшановский и другие видные деятели науки и культуры. Курсы превратились в независимое от властей фактически высшее учебное заведение, лекции в котором до 1914 г. прослушало несколько тысяч человек. Члены Краковской академии знаний основали Варшавское научное общество (1907–1952), возобновив тем самым традицию существовавшего до восстания 1830 г. Общества друзей науки. Общество, возглавляемое В. Яблоновским, проделало большую работу по организации научной жизни

---

⁶⁹ Ibid. S. 767.

Царства Польского, включая создание исследовательских центров и учреждение научных журналов. В 1906 г. по инициативе А. Свентоховского и К. Натансона родилось Общество польской культуры, просуществовавшее до 1913 г. Большой популярностью пользовался действовавший с декабря 1905 г. нелегально, а с октября 1906 г. по ноябрь 1908 г. легально Всеобщий университет под председательством Л. Кшивицкого.

В 1906 г. в Царстве Польском открыто функционировали десятки просветительских, научных, экономических, кооперативных организаций, в том числе Общество курсов ликвидации неграмотности, Общество любителей истории, Польский союз учителей, Польское общество психологов, Общество польских врачей, Общество польских юристов, Союз инженеров и техников, Центральное сельскохозяйственное общество, Польское краеведческое общество и др.

Огромное значение имела легализация в июне 1906 г. Польской матицы школьной, занимавшейся в первую очередь начальным образованием. В июле 1907 г. общество насчитывало 20 тыс. активных членов. Тогда же получило легальный статус кооперативное движение, инициаторами которого были Э. Абрамовский, Станислав Войцеховский и Р. Мельчарский, исходившие в своей деятельности из того, что кооперация должна стать школой формирования нового человека. Общество издавало журнал «Сполэм». По инициативе социалистических партий создавались профсоюзы железнодорожников, металлистов, шахтеров, текстильщиков. Одновременно национальные демократы, Национальный рабочий союз и христианские демократы при поддержке католического клира учреждали так называемые польские профсоюзы и общества христианских рабочих, куда не допускались евреи. Женщины получили возможность объединиться в рядах созданного в декабре 1905 г. Польского союза равноправных женщин. Изменения в положении поляков произошли и в западных губерниях Российской империи. В Вильно впервые после 1893 г. стала издаваться польская пресса, открылись польские культурные и общественные организации, в том числе Виленское общество друзей науки (1906)⁷⁰.

В ноябре 1905 г. в России отменили предварительную цензуру, что дало толчок к развитию польской прессы, в 1906 г. насчитывалось уже 208 периодических изданий (против 88 в 1904 г.). Легально печатало свои газеты и социалистическое движение. Лишь некоторые издания продолжали выходить на нелегальной основе, например орган ППС «Роботник», редактируемый Я. Строжецким. В декабре 1905 г. ППС назвала своим официальным органом варшавскую газету «Курьер цодзенны», в скором времени закрытую властями. Подобной была судьба и издававшейся легально СДКПиЛ «Трибуны люду». Однако уже с середины 1906 г. начались ограничения свободы слова, 21 марта 1907 г. возобновил работу Варшавский цензурный комитет⁷¹.

Таким образом, революционные события 1904–1907 гг. в Царстве Польском стали квинт-эссенцией польской политической истории начала XX столетия. Произошел естественный отбор идей и политических организаций, выражавших интересы и чаяния отдельных социальных и национальных групп. На историческую арену вышли новые классы и партии, которые будут определять ход польской истории в ближайшие полвека. Революция выявила и обострила конфликты в позициях и идеях, подчеркнула различия между главными политическими силами, в том числе и в вопросе о путях решения главного на тот момент для поляков вопроса – национального.

Революция 1905 г. в России отозвалась эхом и в других польских землях. В Германии осенью 1906 г. началась забастовка польских учеников народных школ, требовавших включения польского языка в учебную программу и преподавания на нем Закона Божьего. Последовали репрессии со стороны властей (штрафы и аресты родителей), и спустя несколько месяцев

---

⁷⁰ Micińska M. Inteligencja na rozdrożach... S. 142; Tych F. Rok 1905. S. 50, 53–54; Zdrada J. Historia Polski... S. 773–774.

⁷¹ Tych F. Rok 1905. S. 39, 53; Zdrada J. Historia Polski... S. 778.

забастовка прекратилась. В Галиции революционные события в Царстве Польском привели к радикализации политической жизни: в Кракове, Львове и других городах провинции прошел ряд забастовок и демонстраций⁷². Во многом под влиянием событий в России в Австро-Венгрии было введено всеобщее избирательное право, создававшее еще более благоприятные условия для деятельности политических партий.

---

⁷² Micińska M. Inteligencja na rozdrożach... S. 149.

Очерк II

Канун великой войны. Россия и польский вопрос

II.1. Борьба за язык и умы в Царстве Польском

Политическая жизнь в Царстве Польском в начале 1906 г. проходила под знаком подготовки к выборам в I Государственную думу. Царству Польскому в ней было выделено 37 из 478 мест. Национальные демократы, Партия реальной политики, Прогрессивно-демократический союз восприняли создание парламента в России как одну из важных уступок царизма и решили участвовать в выборах, в то время как ППС, ПЗ Л и С ДКПиЛ объявили бойкот выборов, заявив, что сам факт присутствия польских депутатов в Петербурге послужит спасению царского правительства от банкротства.

Идеолог и лидер национальных демократов Р. Дмовский призывал польских политиков к поиску компромисса с Россией. Он полагал, что союз с русским народом необходим для совместного противодействия немецкой экспансии. Признавая необходимость сохранения государственного единства Российской империи, Дмовский добивался от центральных властей уважения национальных прав польского народа. В ходе предвыборной кампании эндеки и «реалисты» обещали развернуть в Думе борьбу за автономию Царства Польского и учреждение собственного сейма.

Выборы проводились по 4 куриям: крестьянской, средних и крупных землевладельцев, городской и рабочей. В выборах приняло участие 1 905 тыс. человек из 2 128 тыс. имевших право голоса жителей Царства Польского. Эндекам было отдано около 1 713 тыс. голосов, что позволило им получить 34 места в думе (два мандата завоевали литовские партии, действовавшие в Сувалкской губернии, один – православный епископ из Холма)⁷³. Призыв левых бойкотировать выборы реального отклика у избирателей не нашел. Среди депутатов от национальных демократов были, в частности, Владислав Грабский, А. Парчевский, Ю. Свежиньский, В. Тышкевич, С. Хелховский, В. Яроньский. Лидеры партии в выборах не участвовали. В Думе польские депутаты создали собственную фракцию – польское коло, возглавляемое Я. Харусевичем. Депутаты-поляки из западных губерний к польскому коло не присоединились и образовали отдельное парламентское представительство – Территориальное коло⁷⁴.

В повестку дня работы думских депутатов были поставлены вопросы о земле, подотчетности правительства Думе и всеобщей амнистии. Ответом на эти требования стало решение царя о роспуске I Государственной думы уже в июле 1906 г., через 73 дня после ее первого заседания.

1907 год начался в атмосфере подготовки к назначенным на февраль выборам во II Государственную думу. В Царстве Польском сформировалось два конкурирующих блока: Национальная концентрация (Национально-демократическая партия, Партия реальной политики, Польская партия прогрессистов, отделившаяся от Прогрессивно-демократического союза) и Прогрессивное объединение (Прогрессивно-демократический союз и Еврейский избирательный комитет). На этот раз в выборах приняла участие и СДКПиЛ, выступившая единым блоком с Бундом. ППС – революционная фракция, руководство которой практически в полном составе эмигрировало в Австро-Венгрию, была мало заметна в политической жизни Царства Польского. Осенью 1907 г. комитет Сената внес поправки в закон о выборах, заметно умень-

---

⁷³ Siedlik T. A. Historia Polski 1900–1939. Warszawa, 1993. S. 66, 83.

⁷⁴ Zdrada J. Historia Polski... S. 782.

шившие число избирателей в городской курии. В ней могли голосовать только те горожане, чьи жилища, в частности, имели отдельный выход на улицу и отдельную кухню.

Национальная концентрация пошла на выборы с программой эндеков об автономии Царства Польского, в политической риторике ею широко использовались антисемитские лозунги. На этот раз в выборах принял участие Р. Дмовский. Успех был на стороне Национальной концентрации: эндеки получили 29 мандатов, 3 пришлось на долю Польской прогрессивной партии, 2 – Партии реальной политики, остальные места распределились так же, как на выборах 1906 г. СДКПиЛ не получила ни одного места. Таким образом, была заложена традиция, продолженная и в межвоенный период, когда на свободных выборах большинство голосов польских избирателей получали эндеки.

Польское коло, руководимое Р. Дмовским, в апреле 1907 г. представило в Думе законопроект об автономии Царства Польского, копировавший систему галицийской автономии. Им предусматривалось предоставление русской Польше права иметь собственный законодательный сейм, бюджет, польского министра в российском правительстве – статс-секретаря по делам Царства Польского, польскую гражданскую администрацию, судопроизводство, а также введение польского языка в государственных школах⁷⁵. Все эти новшества должны были способствовать установлению согласия между польским и русским народами. В пояснении к законопроекту отмечалось, что российские «правительственные учреждения и чиновничьи канцелярии в Польше служат образцовой школой всех отрицательных сторон бюрократии», низкое моральное качество которой является причиной оппозиционности и недовольства действующей властью, распространенных в польском обществе⁷⁶. Посредством децентрализации власти авторы проекта планировали уменьшить произвол чиновничества в Царстве Польском. Национальные демократы были убеждены в готовности российских либералов поддержать требования поляков об автономии.

По свидетельству польских консерваторов, этот законопроект был воспринят негативно в правящих кругах империи, он звучал как ультиматум в сложный для самодержавия момент⁷⁷. Дмовскому не удалось добиться поддержки польской инициативы ни одной из думских партий. А уже 3 (16) июня 1907 г. II Государственная дума была распущена.

Немаловажную роль в определении позиции Петербурга в польском вопросе играла Германия. По свидетельству члена Государственного совета И. Корвина-Милевского, кайзер Вильгельм II через своего посла в России передал Николаю II, что предоставление полякам автономии будет недружественным актом по отношению к его стране⁷⁸. В последующем министр иностранных дел России С.Д. Сазонов в своих воспоминаниях признавал, что «наша польская политика обуславливалась... в значительной мере берлинскими влияниями, которые проявлялись под видом бескорыстных родственных советов и предостережений, каждый раз, как германское правительство обнаруживало в Петербурге малейший уклон в сторону примирения с Польшей»⁷⁹.

Сотрудничество затрудняло и общее недоверие российских властей к полякам, которых считали «неблагодарными» и «коварными». Само слово «автономия» раздражало власть держащих. Правительство не без оснований опасалось, что автономия может стать первым шагом на пути к отделению Польши от России. Самолюбие русской стороны задевали и надменные высказывания Р. Дмовского. Так, он заявил, что искреннее соглашение между рус-

---

⁷⁵ Проект основных положений автономного устройства Царства Польского // Погодин А. Главные течения польской политической мысли (1863–1907). СПб., 1907. С. 645–652.

⁷⁶ Объяснительная записка к проекту основных положений автономного устройства Царства Польского // Погодин А. Главные течения... С. 661.

⁷⁷ Korwin-Milewski H. Siedemdziesiąt lat wspomnień. Warszawa, 1993. S. 192.

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 374.

ским и польским народами затруднено тем, что «мы поляки – европейцы, а русские – азиаты». По свидетельству современников, П. А. Столыпин якобы заметил: «Если это так, то я быстро покажу господину Дмовскому, откуда эта Азия начинается!»⁸⁰.

Самодержавная власть не хотела, чтобы депутаты от национальных меньшинств влияли на характер принимаемых Думой решений. В июньском манифесте 1907 г. о роспуске II Государственной думы прямо говорилось: «Созданная для укрепления Российского государства Государственная дума должна быть русской также по духу, а другие народности, входящие в состав нашей родины, должны иметь в Думе представительство своих нужд, но они не должны и не будут пребывать в числе, позволяющем им решать чисто русские вопросы»⁸¹. Согласно измененному правительством по приказу царя положению о выборах в III Государственную думу, Царству Польскому выделялось только 14 мандатов, в том числе один для литовских и два для русских избирателей. В результате поляки уже не могли играть в российском парламенте сколько-нибудь заметной роли.

На выборах 1908 г. в III Государственную думу эндеки в очередной раз праздновали победу, получив все 11 польских мест. Руководимое Дмовским Польское коло сотрудничало с шестью членами Польско-литовско-белорусской группы. СДКПиЛ, Бунд и ППС-левица получили менее 0,5 % голосов и остались без мандатов. Влияние польской фракции в Думе было минимальным, представители Царства Польского использовали ее главным образом как трибуну для пропаганды идеи решения польского вопроса. Так, при обсуждении в Думе текста приветственного адреса императору в декабре 1907 г. Дмовский предложил включить в него просьбу об удовлетворении обоснованных требований народов России. А тремя днями позже, при обсуждении программной декларации П.А. Столыпина, он заявил, что польский народ никогда не согласится с положением граждан «второго разряда». На это председатель Совета министров заметил: «Станьте сначала на нашу точку зрения, признайте, что высшее благо – это быть русским гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права»⁸².

Дмовский пытался добиться благожелательного отношения российской общественности к польскому вопросу на Всеславянском съезде в Праге в июле 1908 г. Но эффект от этой акции был незначительным⁸³. Тогда же он опубликовал во Львове работу «Германия, Россия и польский вопрос», ставшую своеобразным манифестом национальных демократов и их союзников на период до Февральской революции 1917 г. Ее главной задачей было убедить польское общество в том, что ключ к решению польского вопроса находится в руках России. У России, в отличие от Германии, нет никакого плана ассимиляции поляков, а установленный ими в Царстве Польском режим по сути является военной оккупацией. Зато у поляков и России есть общая цель – борьба с германским *Дранг нах Остен*, и на этой основе возможно их взаимодействие. Дмовский не давал никаких конкретных рекомендаций к действию, но всякому внимательному читателю было ясно, что он предлагал России союз, надеясь взамен добиться от нее практических шагов по решению польского вопроса применительно ко всем польским территориям, а не только Царству Польскому. О международном резонансе этого труда свидетельствует его незамедлительный перевод на русский и французский языки.

Столь радикальный поворот в политике Дмовского, на тот момент непререкаемого авторитета эндеции, привел к внутреннему кризису этого политического лагеря. В 1908–1911 гг. его ряды покинули Союз польской молодежи, Национальный рабочий союз, а также несколько мелких групп. Их не устраивали не только теоретические конструкции Дмовского, но и его

⁸⁰ Korwin-Milewski H. Siedemdziesiąt lat wspomnień... S. 196.

⁸¹ Polska w latach ruchu niepodległościowego 1904–1918 w świetle źródeł przedstawił J. Dąbrowski. Kraków, 1925. S. 5.

⁸² Цит. по: Ahmatowicz A. Polityka Rosji w kwestii polskiej w pierwszym roku Wielkiej Wojny 1914–1915. Warszawa, 2003. S. 18.

⁸³ Ibid. S. 20.

практические действия – участие в движении сторонников славянского единства (неослави-стов), призывы к прекращению бойкота российских образовательных учреждений, соглаша-тельная тактика в Думе⁸⁴.

Но правительство не торопилось идти навстречу польским постулатам, реализация кото-рых, по его убеждению, грозила ослаблением России. С целью пресечения угрозы сепаратизма в Царстве Польском оно приступило к ликвидации общественных организаций, прививавших польское национальное самосознание широким массам. В декабре 1907 г. была запрещена деятельность Польской матицы школьной – крупнейшей общественной организации, занимав-шейся организацией польских начальных школ, детских садов, читален, библиотек, курсов ликвидации неграмотности. Одной из причин этой меры было названо то, что «своей главной целью она считает не столько просвещение народных масс, заслуживающее поддержки прави-тельства, сколько преступное пробуждение в народе духа узко-национального отличия»⁸⁵.

Особое значение правящие круги России придавали ограничению польского влияния в северо-западных и юго-западных губерниях империи. В этих регионах была запрещена дея-тельность ряда польских просветительских обществ, во внутреннем делопроизводстве допус-калось использование только русского языка. С 1910 г. в Северо-Западном крае началась ликвидация польских школ, из начальных школ увольнялись польские и литовские учителя. В некоторых губерниях местные власти запрещали вывешивать двуязычные польско-русские вывески, делать польские надписи на товарах в магазинах и афишах польских представлений.

На укрепление «русских» позиций в Западном крае был направлен закон 1911 г. о вве-дении земства. Несомненно, его авторам было хорошо известно, что доля польского населе-ния в крае не превышала 3,4 % от общего числа жителей, но польские помещики владели большей частью земель, что поддерживало доминировавшее в польском обществе убеждение в историческом праве Польши на восточные территории шляхетской Речи Посполитой. П.А. Столыпин защищал этот законопроект в Государственной думе самым решительным образом. Премьер указывал на то, что после крестьянской реформы и реформы губернского управления этот вопрос имеет первостепенное значение. Обосновывая необходимость принятия законо-проекта, П.А. Столыпин отмечал, что в 1905 г. в результате политики «послабления» полякам, «польскому населению представилась возможность идти вместе... рука об руку с русскими по культурному пути, по спокойному государственному руслу... Как же воспользовалась польская интеллигенция этой возможностью? – спрашивал премьер. – Да так же, как и в первые два раза (польские восстания в XIX в. – М.Б.): сильным поднятием враждебного настроения по отношению ко всему русскому»⁸⁶.

П. А. Столыпин осуждал попытки полонизации Западного края, обращал внимание на «полное игнорирование всего русского», не одобрял высказываний о превосходстве польской культуры над русской⁸⁷. Доказывая необходимость введения национальных курий на выборах в земства, он отмечал, что в Западном крае верхний, влиятельный слой населения является пре-имущественно польским⁸⁸. В будущих избирательных собраниях, если они не будут разделены на национальные отделения, поляки получают преобладающее влияние. «Силой своего влияния – союзов, избирательных блоков, экономического если не давления, то авторитета – поляки, конечно, будут иметь возможность провести в земские гласные лиц им желательных», – заме-

---

⁸⁴ Pajewski J. Odbudowa państwa Polskiego 1914–1918. Poznań, 2005. S. 38.

⁸⁵ Polska w latach ruchu niepodległościowego... S. 6.

⁸⁶ Речь по поводу законопроекта о распространении Земского положения 1890 г. на девять губерний Западного края, произнесенная в Государственной думе 7 мая 1910 года // Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия...: Поли. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 1991. С. 279.

⁸⁷ Там же. С. 280–281.

⁸⁸ Речь по вопросу о национальных отделениях, произнесенная в Государственном совете 4 марта 1911 года // Там же. С. 339.

чал премьер⁸⁹. Он был убежден, что Западный край должен быть огражден от доминирования в экономической жизни «польского элемента»⁹⁰. «В законе [о западном земстве] проводится принцип не утеснения, не угнетения нерусских народностей, а охранения прав коренного русского населения...», – констатировал Столыпин⁹¹. Без национальных курий на выборах в земства русский элемент «будет оттеснен, будет отброшен». Поэтому законопроект призван защитить «властным и решительным словом русские государственные начала..., запечатлев открыто и нелицемерно, что Западный край есть и будет край русский навсегда, навеки»⁹².

В законе вводилась фиксация количества гласных, вдвое сокращавшая представительство поляков по сравнению с тем, которое они должны были иметь по Положению о земстве 1890 г. Закреплялось также преобладание неполяков в управах и в составе земских служащих.

Противники Столыпина стремились использовать вопрос о введении национальных курий как повод для ослабления политических позиций премьера. Законопроект о западном земстве не получил поддержки Государственного совета. Лидер правой группы Совета П.Н. Дурново подал царю записку, в которой назвал введение национальных курий опасной мерой, способной оттолкнуть от правительства весь класс польских землевладельцев в Западном крае, лояльно настроенных к России, и усилить антирусские настроения в регионе⁹³.

Несмотря на интриги, закон о земской реформе был принят – с использованием ст. 87 Основных законов и роспуском на три дня обеих палат парламента. Однако обстоятельства, связанные с его принятием, негативно сказались на моральном состоянии П.А. Столыпина. «Что-то в нем оборвалось, – вспоминал В.Н. Коковцов, – былая уверенность в себе куда-то ушла, и сам он, видимо, чувствовал, что всё кругом него молчаливо или открыто, но настроено враждебно»⁹⁴.

П.А. Столыпин выступал также за административное выделение из состава Царства Польского территорий с преобладанием восточнославянского населения⁹⁵. Еще в 1865 г. в правящих кругах обсуждалась идея образования особой губернии из юго-восточной части уже существовавшей тогда Люблинской губернии путем выделения «русского» (украинского) меньшинства в особую административную единицу. Комитет по делам Царства Польского подчеркивал важность этой меры, поскольку нужно было восстановить «подавленную» в данном регионе «русскую» народность. Однако из-за дороговизны содержания государственных учреждений новой губернии проект был отклонен.

Вопрос об образовании Холмской губернии с целью «спасения» Холмской Руси от «окаатоличивания» и «ополячивания» вновь был поднят в 1895 г. генерал-губернатором П.А. Шуваловым. Русские националисты поддерживали эту идею и настаивали на том, что Холмщина должна стать составной частью русской национальной территории.

Актуальность Холмского вопроса усилилась после массового перехода в 1905 г. бывших униатов из православной в католическую церковь. Это подтолкнуло православное духовенство Холмщины во главе с епископом Евлогием (членом II и III Государственных дум) усиленно добиваться создания новой губернии. На вопрос о цели выделения Холмской Руси епископ заявлял: «...это необходимо для спасения погибающей там русской народности. Особенно

---

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Речь по поводу законопроекта о распространении Земского положения 1890 года на девять губерний Западного края // Там же. С. 281.

⁹¹ Последняя публичная речь П. А. Столыпина, произнесенная 27 апреля 1911 года в ответ на запрос Государственной думы // Там же. С. 362–363.

⁹² Речь по поводу законопроекта о распространении Земского положения 1890 года на девять губерний Западного края // Там же. С. 282.

⁹³ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 1. М., 1992. С. 388.

⁹⁴ Там же. С. 397.

⁹⁵ Письмо Н. А. Хомякову, октябрь 1908 г. // Столыпин П. А. Переписка. М., 2004. С. 279–280.

трагичным является тот факт, что процесс денационализации продолжается и тогда, когда Холмщина перешла под русское владычество, и с особой интенсивностью развивался в XIX в. Только государственным мероприятием можно положить конец этому процессу исчезновения русской народности»⁹⁶.

Имелись также и другие мотивы для осуществления этого плана. Как вспоминал СЕ. Крыжановский, «по официальной, никогда не высказанной мысли, мера эта имела целью установление национально-государственной границы между Россией и Польшей, на случай дарования Царству Польскому автономии»⁹⁷.

Во время обсуждения Холмского проекта польские политики заявляли, что он является посягательством, «на какое до сих пор не решались даже самые отъявленные русификаторы». Депутат Л. Дымша отмечал, что принятие закона приведет к серьезному обострению польско-русских отношений, будет нанесением национальной обиды полякам и преумножит конфликты между двумя народами⁹⁸. Против выделения Холмщины выступали кадеты, прогрессисты, социал-демократы. Однако большинством голосов думцев закон об образовании Холмской губернии был принят в 1912 г. Новая губерния подчинялась не варшавскому генерал-губернатору, а министру внутренних дел. В судебном отношении Холмщина была присоединена к округу Киевской судебной палаты, учебные заведения подчинены попечителю Киевского учебного округа.

Еще одним шагом правительства, который в польском общественном мнении также воспринимался негативно, был выкуп государством Варшавско-Венской железной дороги. Польские депутаты утверждали, что правительство осуществляло эту меру исключительно в целях борьбы с польскими интересами, желая удалить всех польских служащих с этого предприятия. Перечисляли они и случаи ущемления национальных прав поляков на Привислинской железной дороге, где были уволены все служащие и инженеры-поляки, даже вокзальные врачи и носильщики. Премьер-министр В.Н. Коковцов отрицал политические мотивы этого мероприятия. «...Всему делу [был] придан чисто деловой, финансовый и технический характер, а неприкосновенности служащим, готовым служить на правительственной службе так же, как они служили частному обществу, мной [были] даны от имени правительства все гарантии справедливости», – вспоминал Коковцов⁹⁹.

Последние предвоенные выборы в Думу в 1912 г. проходили на основании в очередной раз скорректированного закона о выборах, существенно изменявшего состав избирателей и выборщиков в Царстве Польском. В результате голосования эндеки потеряли мандаты в Варшаве и Лодзи, двух крупнейших городах провинции. В Варшаве, в частности, не прошел Р. Дмовский. Но в целом провинция вновь поддержала национальных демократов.

Польские депутаты упрекали российские власти и в том, что они систематически препятствуют полякам в продвижении по карьерной лестнице в судебных учреждениях Царства Польского. Министр юстиции И.Г. Щегловитов на эти упреки ответил, что он и не думает «засорять» русское судопроизводство примесью «польского элемента»¹⁰⁰.

Не получали поддержки правящих кругов империи и такие требования польской стороны, как проведение в Царстве Польском школьной реформы, учреждение земского и городского^[2] самоуправления. Ко всему, что могло бы даже косвенно повысить политическую активность польского населения, власти относились крайне настороженно. Отсутствие городского самоуправления в провинции привело в конечном итоге к отставанию в развитии социальной

⁹⁶ Государственная дума. Третий созыв. Стенограф, отчеты. Сессия 5. Ч. I. СПб., 1912. Стб. 2582–2584.

⁹⁷ Позняк С. В. «Польский вопрос» во властных структурах императорской России накануне и в годы Первой мировой войны // Российские и славянские исследования. Минск, 2004. Вып. 1. С. 159–160.

⁹⁸ Государственная дума. Третий созыв. Стенограф, отчеты. Сессия 5. Ч. I. Стб. 2573–2582.

⁹⁹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991. С. 76–77.

¹⁰⁰ Korwin-Milewski H. Siedemdziesiąt lat wspomnień... S. 214.

сферы польских городов, процветанию в их магистратах злоупотреблений и финансовых махинаций. Городские власти мало заботились о состоянии здоровья и гигиены населения подопечных территорий. Грязь была повсюду – в магазинах, ресторанах, постоянных дворах, стационарных зданиях¹⁰¹. В плане чистоты наблюдался разительный контраст с польскими городами Германии.

Не самым лучшим образом складывалась ситуация в системе образования. По численности неграмотного населения Царство Польское являлось одним из самых отсталых регионов Европы. По этому показателю оно начинало уступать и внутренним губерниям России, в которых благодаря деятельности земств и правительственных учреждений быстро росло количество учащихся. Хотя власти дали согласие на создание частных школ с польским языком обучения, однако их выпускники не имели права поступать в государственные вузы, так как не получали аттестатов зрелости государственного образца.

Не прекращались преследования за домашнее обучение детей на польском языке. Согласно постановлению 1908 г., лица польского происхождения не могли преподавать историю и географию. Согласно закону об образовании, подписанному царем в 1912 г., учителями в государственных школах могли быть только православные, в то время как на момент издания этого постановления 85 % учителей в Царстве Польском являлись католиками.

Польское общество затронули также репрессии, связанные с усилением борьбы с подрывными действиями и бандитизмом. «Достаточно сказать, – отмечалось в одной из публицистических работ, – что количество смертных приговоров в одной только Варшаве, и это только в течение двух летумиротворения 1907–1908 гг., на полсотни превосходит число казней в повстанческом четырехлетии 1861–1865 гг. во всем Царстве, а с известным палачом Литвы, Муравьевым, по количеству подписанных смертных приговоров сравнился генерал-губернатор одной только Лодзи, единственного в современной Европе города, в котором есть постоянная виселица»¹⁰².

И все же, несмотря на чинимые правительственными органами препятствия развитию национальной жизни польского народа, в послереволюционное время в Царстве Польском наблюдалось всеобщее оживление в культурно-образовательной сфере. Продолжали работать объединения художников, музыкантов, актеров, юристов, врачей, экономистов. Росло количество периодических изданий на польском языке. Действовали польские издательства, театры с национальным репертуаром, названия улиц и вывески на магазинах были двуязычными.

Активное развитие получило женское движение. К началу Первой мировой войны было зарегистрировано 26 женских организаций¹⁰³. Среди них были объединения, многое сделавшие в области просвещения. Так, например, под патронатом Общества объединенных помещиц организовывались кружки для крестьянок, сельскохозяйственные школы для девушек, издавались журналы для жительниц села. В целом значительная часть польских частных школ были женскими.

Если власти закрывали одни просветительские учреждения, то поляки создавали новые. Действовали нигде не зарегистрированные школы, занятия проводились в группах на частных квартирах, преподавались польский язык, история и география Польши, создавались библиотеки, организовывались курсы для сельских учителей, издавалась учебная литература для крестьян, из-за границы ввозились учебные материалы для школ и богослужебные книги. При гимназиях и профессиональных школах создавались тайные кружки самообразования. Школьники выпускали нелегальные журналы. «Образовательное подполье» функционировало в том

---

¹⁰¹ Chwalba A. Historia Polski 1795–1918. Kraków, 2000. S. 32–33.

¹⁰² Цит. по: Łepkowski T., Nałęcz T., Samsonowicz H, Tazbir J. Polska. Losy Państwa i Narodu. Warszawa, 1992. S. 437.

¹⁰³ Матвеева В. С. Женское движение в Царстве Польском в конце XIX – начале XX в. // Индустриализация и общество. Социальные последствия индустриализации в Европе в XIX–XX веках. М., 2004. С. 64.

числе и благодаря взяткам полицейским, чиновникам от образования, школьным инспекторам. Не случайно Р. Дмовский отмечал, что русификаторская политика (в отличие от германизации) не представляла для польского общества серьезной угрозы из-за низкого культурного уровня русской бюрократии, ее организационной неумелости и коррумпированности.

Интересным явлением в жизни польского общества были общественные гражданские суды: товарищеские, примирительные, чести¹⁰⁴. За растрату общественных средств или доносительство такой суд мог приговорить обвиняемого к исключению из общества навсегда либо на определенный срок, запрету занимать выборные должности в общественных организациях, возвращению растраченных средств. В рабочей среде суды рассматривали дела о кражах, пьянстве, долгах, посредничали в урегулировании семейных ссор.

Несмотря на то, что в польском общественном сознании, литературе, а затем и в исторических трудах утвердилось мнение о полной русификации государственного аппарата в Царстве Польском, на самом деле русские доминировали только на высших должностях, количество которых было относительно невелико. Поляки продолжали сохранять численное преобладание в администрации, полиции и судебных учреждениях. Хорошей репутацией у поляков пользовались русские судьи и прокуроры, отличавшиеся образованностью, компетентностью, независимостью и неподкупностью¹⁰⁵. Среди русских чиновников были не только «миссионеры-русификаторы», но и те, кто выполнял свои обязанности без большого рвения, а некоторые даже были дружественно настроены к польскому народу. Многие поляки делали карьеру в русской армии, занимали ответственные посты в российских министерствах, лоббируя интересы польских предпринимателей в различных уголках империи. Существенно меньшими возможностями обладало еврейское население Царства Польского, для которого был закрыт доступ ко многим сферам деятельности и в провинции, и в других регионах России.

Некоторые высшие сановники понимали важное значение польского вопроса для судеб страны. Одним из таких людей был министр иностранных дел России С.Д. Сазонов. В ноябре 1913 г. он писал Николаю II, что «крайне желательно избегать... новых поводов к недовольству, толкающему поляков в объятия наших зарубежных врагов»¹⁰⁶. В записке на имя императора в начале 1914 г. министр подчеркивал, что «решение вопроса заключается... в создании реального интереса, который бы связал поляков с русской государственностью»¹⁰⁷. Во имя «великодержавных интересов» России он считал целесообразным пойти навстречу «разумным желаниям польского общества в области самоуправления, языка, школы и церкви». Однако в последующем российский политик был вынужден признать, что ему так и не удалось склонить высшую власть к более «доверчивым отношениям с поляками». «Я ожидал от моего назначения министром иностранных дел возможности с большим успехом отстаивать и проводить мои взгляды в вопросах нашей польской политики, – вспоминал С.Д. Сазонов. – Однако я должен был вскоре убедиться, насколько трудно бюрократическому государству порвать с укоренившимися долгой практикой мнениями и привычками»¹⁰⁸.

Но в целом следует признать, что к началу Первой мировой войны политическая ситуация в Царстве Польском была достаточно стабильной. Левые партии в условиях спада революционного движения растеряли большинство своих членов и вновь превратились в небольшие нелегальные организации профессиональных революционеров. Пилсудский и его соратники, весьма заметные на политической сцене в годы революции, находились в эмиграции в соседней Галиции и лишь периодически направляли в Россию своих эмиссаров, главным образом для

---

¹⁰⁴ Chwalba A. Historia Polski... S. 362.

¹⁰⁵ Ibid. S. 347.

¹⁰⁶ Бахтурина А. Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 22.

¹⁰⁷ Там же. С. 23.

¹⁰⁸ Сазонов С. Д. Воспоминания... С. 373.

сбора средств и информации разведывательного характера, которую затем передавали австрийской военной разведке. А первую скрипку на политической сцене играли национальные демократы и их союзники, связывавшие первый этап решения польского вопроса – объединение всех польских земель в единое целое – с победой России и ее союзников в будущей войне с германским блоком.

II.2. Борьба за язык и землю в Германии

В Германии начала XX в. сложились весьма сложные условия для польской национальной жизни. Власти не оставляли бисмарковской политики германизации польского населения и усиления немецкого присутствия в восточных провинциях империи. Все также активно действовала Колонизационная комиссия, выкупавшая оказывавшуюся на местном рынке землю и затем продававшая ее на выгодных условиях немецким колонистам из внутренних районов Германии. Бюджет этой организации постоянно рос: если в 1902 г. он составлял 350 млн марок, то в 1913 г. – около 1 млрд марок¹⁰⁹. В задачи комиссии также входило создание крупных немецких поселений в регионах с преобладающим польским населением, сдерживание процесса реполонизации городов в восточных провинциях Пруссии, экономическое ослабление польской землевладельческой знати, формирование условий для культурной ассимиляции поляков.

Осуществлению этой стратегии было призвано служить специальное законодательство. Так, в 1904 г. был принят закон, запрещающий строительство жилых домов и хозяйственных построек на новоприобретенных участках земли. Согласно тайным распоряжениям, чиновникам предписывалось отказывать в таком строительстве подданным Германии польского происхождения.

Другой закон, принятый в 1908 г., предусматривал принудительное отчуждение польских земельных владений в тех местностях, где «их немецкий характер нельзя обеспечить иначе как укреплением и увеличением немецких владений путем создания поселений»¹¹⁰. Это постановление вызвало возмущение в Европе, где право собственности считалось основой общественной морали и порядка.

В 1907 г. в германский рейхстаг был внесен законопроект о «союзах и собраниях», гласивший, что прения на публичных собраниях должны вестись только на немецком языке. Под давлением немецких либералов правительство было вынуждено пойти на уступки и согласиться с тем, что «в тех частях страны, где ко времени вступления в силу настоящего закона существуют коренные части населения не немецкого природного языка, если только они по данным последней переписи превосходят 60 % всего населения, допускается в течение первых двадцати лет по вступлении в силу данного закона употребление не немецкого языка, при условии, что организатор публичного собрания по меньшей мере за трое суток до его начала известит полицейские власти, что заседание будет вестись не по-немецки и на каком именно языке»¹¹¹. Тем не менее, несмотря на эту поправку, поляки называли этот закон «намордником», поскольку он лишал права на публичное использование родного языка 45 % польского населения Пруссии, проживавшего в районах с преобладанием инонационального населения.

Власти увольняли поляков с государственной службы, вытесняли из органов местного самоуправления, стремились полностью устранить польский язык из школьного образования. Польские учителя переводились в центральные и западные районы Германии, на их место приглашались немецкие педагоги, получавшие дополнительные денежные выплаты («восточная

---

¹⁰⁹ Łepkowski T., Nałęcz T., Samsonowicz H., Tazbir J. Polska. Losy Państwa i Narodu... S. 439.

¹¹⁰ Polska w latach ruchu niepodległościowego... S. 7.

¹¹¹ Германский общеимперский закон 19 апреля 1908 г. о союзах и собраниях // Вестник министерства юстиции. 1909. № 4. С. 252.

надбавка»). Учителя приносили присягу в том, что будут учить и воспитывать молодежь в духе верности немецким идеалам, Германии и кайзеру.

Немцы пользовались преференциями на выборах в органы местного самоуправления. Администрация поддерживала немецкий капитал, предоставляла субвенции для немецких предпринимателей. Полякам трудно было устроиться на работу в государственные и муниципальные предприятия, которыми руководили немцы.

Националистически настроенные чиновники, полицейские использовали любую возможность для дискриминации поляков. Владельцев магазинов штрафовали за вывески, написанные по-польски, редакции польских газет наказывали за публикации, якобы оскорблявшие государство и императора.

Процесс германизации отражался даже на польских фамилиях. Они переводились на немецкий язык, польская фонетика записывалась в соответствии с принципами немецкой орфографии и с изменением элемента фамилии (например, суффикса). Онемечивались не только имена и фамилии, но и географические названия. На почте не принимались письма и посылки, адресованные по-польски. Даже таблички на надгробных памятниках заставляли писать по-немецки.

Продолжала свою антипольскую деятельность «Гаката». Ее активисты убеждали немцев в необходимости выкупать недвижимость у поляков, переселяться в восточные провинции, укреплять немецкий средний класс в восточных городах страны, организовывали патриотические собрания, поддерживали немецкую школу.

Многие государственные деятели Германии были настроены антипольски. О. Бисмарк называл поляков «врагами империи». Канцлер Б. Бюлов постоянно говорил о «социалистической и польской опасности для Пруссии и империи», считая положение в восточных районах страны одной из самых важных проблем внутренней политики, от разрешения которой зависит будущее Германии. В беседе с французским журналистом Бюлов сравнил поляков с кроликами, «размножение» которых следует остановить¹¹². Антипольские выступления поддерживал и кайзер Вильгельм II.

Р. Дмовский не без оснований считал, что сохранение польских земель в составе рейха было жизненно важным вопросом для его руководства¹¹³. Благодаря польским землям владения Пруссии были объединены в единое территориальное целое. Их наличие во многом обеспечивало мощь Пруссии и ее доминирующее положение в объединенной Германии. Растворение поляков в немецком море, их этническая ассимиляция являлись гарантией сохранения этих земель в составе империи. Со своей стороны Дмовский не представлял польского народа и будущей независимой Польши без польского населения восточных провинций Германии. Главной угрозой для поляков он называл империю Гогенцоллернов. «Германия наш непримиримый враг, – писал Дмовский. – Мы стоим у них на пути таким образом, что между нами нет компромисса»¹¹⁴. Следует сказать, что его отношение к судьбе поляков в Пруссии коренным образом отличалось от позиции Ю. Пилсудского, вообще не затрагивавшего этот вопрос в своих публикациях и выступлениях.

Реакцией на германизаторскую политику конца XIX – начала XX в. стал подъем польского национального движения, которое нередко называют «польским национальным Возрождением». Угроза германизации отодвигала на второй план социальные противоречия, заставляла поляков консолидироваться с целью противодействия враждебной политике властей. Даже в прессе Польской социалистической партии Пруссии большое место занимала католи-

---

¹¹² Płygawko D. «Prusy i Polska». Ankieta Henryka Sienkiewicza. Poznań, 1994. S. 87.

¹¹³ Dmowski R. Niemcy, Rosja i kwestia polska // [http://wserecupolska.org/przeczytaj/Niemcy, Rosja i kwestia polska.pdf/](http://wserecupolska.org/przeczytaj/Niemcy_Rosja_i_kwestia_polska.pdf/)

¹¹⁴ Dmowski R. Upadek myśli konserwatywnej w Polsce. Warszawa, 1914. S. 219.

ческая тематика, частым было обращение к традициям польской национальной культуры и государственности.

Значительные усилия польского общества были направлены на сохранение национальных позиций в экономической сфере. В процессе сопротивления германизации поляки организовали по сути дела собственную национальную экономику. Создавались многочисленные кооперативные объединения и экономические товарищества, ссудно-сберегательные общества. В борьбе за «сохранение родной земли» парцелляционные организации и сельскохозяйственные кружки старались не допустить их выкупа Колонизационной комиссией. Земля стала не только важной материальной ценностью, но и духовной святыней. Те, кто продавал ее немцам, подвергались осуждению соотечественников.

С помощью национальных кредитных обществ, парцелляционных банков поляки все более активно выкупали землю у самих немцев. Посредством кооперации было налажено снабжение польских крестьян машинами, инвентарем, удобрениями, оказывалась помощь в сбыте аграрной продукции, проводились сельскохозяйственные выставки. В результате польское землевладение в Познаньской провинции и Гданьском Поморье за период 1885–1913 гг. увеличилось с 1631 тыс. га до 1731 тыс. га¹¹⁵.

Польские банки обеспечивали соотечественникам независимость от немецких кредитных учреждений, создавали выгодные условия возврата займов¹¹⁶. Заботясь о повышении уровня экономической культуры польского населения, промышленные и ремесленные объединения организовывали курсы повышения квалификации, торговые школы и выставки выпускаемой продукции. Польские финансовые организации поддерживали инициативы, направленные на сбор средств для обучения детей тем или иным профессиям. В польской публицистике звучали призывы бойкотировать немцев и их товары, покупать только польское – «свой к своему за своим», «покупайте у своих, кто грошем делает богатыми польских врагов, тот обкрадывает свою родину и братьев»¹¹⁷. Польские интеллектуалы превозносили такие качества, как хозяйственность, бережливость, деловая этика, скромность, пунктуальность, осуждали расточительность.

В целом, благодаря трудолюбию, кооперации и предприимчивости, правовой культуре, в жесткой конкурентной борьбе за выживание поляки демонстрировали успешное сопротивление политике властей. Хотя в Поморье, Вармии и Мазурах, где молодые поколения поляков подвергались ассимиляционным процессам, ситуация с национальной точки зрения оставалась тревожной, в Великой Польше и отдельных районах Верхней Силезии немцам не удалось добиться экономического и демографического перелома в свою пользу. Как отмечал Р. Дмовский, польское общество противопоставило немцам «собственную культуру, активную и способную к конкуренции»¹¹⁸. Борьбу с более развитым противником он считал тяжелой, но хорошей школой для поляков.

Особое значение польские деятели придавали национально-просветительской и культурной работе. «Полонизационными» мероприятиями занимались многочисленные культурно-просветительские общества. В ответ на германизацию школ была создана сеть библиотек и читален, призванных поддерживать знание польского языка, прививать вкус к чтению польской литературы, укреплять национальное самосознание у широких слоев населения. Развивалась лекционная работа, издавались польские буквари, национальная литература, поэзия, песенники, исторические труды, пресса, создавались польские региональные музеи, хоровые и оркестровые коллективы, гимнастические союзы и общества трезвости, отмечались памятные

---

¹¹⁵ Łepkowski T., Nałęcz T., Samsonowicz H., Tazbir J. Polska. Losy Państwa i Narodu... S. 439.

¹¹⁶ Dybowska A., Żaryn J., Żaryn M. Polskie dzieje od czasów najdawniejszych do współczesności. Warszawa, 1994. S. 199.

¹¹⁷ Chwalba A. Historia Polski... S. 464.

¹¹⁸ Dmowski R. Niemcy, Rosja i kwestia polska...

даты, открывались книжные магазины, собирались подписи под различного рода петициями, проводились митинги протеста, для молодежи организовывались поездки в Краков и Львов. Многочисленные делегации из прусской Польши приняли участие в имевших антинемецкую направленность торжествах по случаю 500-летия победы под Грюнвальдом, которые проходили в Кракове в июле 1910 г. и собрали 150 тыс. человек со всех польских земель.

Борьба польского народа за свои права привлекала внимание международного общественного мнения. Одним из событий, имевших широкий резонанс в Европе, стали забастовки польских школьников. Они были спровоцированы стремлением властей перевести преподавание Закона Божьего с польского на немецкий язык. Символом борьбы за родной язык стал отказ школьников в селе Вжесня в 1901 г. подчиниться указанным нововведениям, за что они подверглись телесным наказаниям, а против вставших на их защиту родителей было возбуждено судебное разбирательство. Ситуация повторилась в 1906 г., когда в знак протеста против очередной попытки властей ввести немецкий язык на уроках религии в забастовках приняло участие уже более 70 тыс. детей в Познанской провинции и более 20 тыс. в Западной Пруссии. В защиту пострадавших выступили видные деятели культуры, среди них был и лауреат Нобелевской премии по литературе Г. Сенкевич. В своем открытом письме императору Вильгельму он писал: «Школа, а в ней учитель, в Прусском королевстве не являются наставником, который просвещает и ведет ребенка к Богу. Напротив, это какой-то беспощадный садовник, в должностные обязанности которого входит насильственная прививка здоровой польской поросли на пусть даже кривой, но немецкий карликовый дичок. С каждым годом в этих школах все больше слез, свиста розг, издевательств... Сегодня самая большая проблема – это война всего государства, всей прусской мощи с детьми»¹¹⁹. Сенкевич упрекал кайзера в том, что миллионы поляков в период его правления несчастливы «как никогда до этого».

Другим символом борьбы с германизацией стал польский крестьянин М. Джимала, который в 1904–1909 гг. вел тяжбу с прусской администрацией. Получив отказ на возведение жилого дома на только что приобретенной земле, Джимала поставил на участке цирковой фургон и стал в нем жить. Так он обошел дискриминационный закон 1904 г., поскольку фургон (с точки зрения права) был не домом, а средством передвижения.

Действия М. Джималы вызвали недовольство властей, которые всеми доступными им правовыми средствами стремились ликвидировать его «дом». Сначала Джимале было велено убрать из фургона печку, так как ее наличие в средстве передвижения противоречило нормативным предписаниям. За невыполнение этого требования Джимала провел неделю под арестом. Затем упрямого польского крестьянина обязали вынести из овина мебель и постель, так как он там «незаконно» устроил спальню. В конце концов, власти убрали фургон, и Джимала был вынужден продать свою землю. Судебно-административная тяжба, длившаяся несколько лет, принесла польскому крестьянину широкую известность, в том числе за рубежом. За него заступались Г. Сенкевич, Л. Н. Толстой.

При активном участии Г. Сенкевича поляки организовали международное общественное мнение против закона, допускавшего возможность принудительной экспроприации польских землевладений. В защиту польского народа высказались многие известные интеллектуалы Европы. «Государством бандитов» назвал Германию Л. Н. Толстой¹²⁰. По предложению польского кола в рейхсрате в 1908 г. австрийский парламент осудил закон об экспроприации. Предпринятые усилия принесли нужный эффект: введение закона в действие было приостановлено на несколько лет.

Долгое время в парламентских учреждениях Германии польские интересы представляли консерваторы, выступавшие в защиту права поляков на свободное отправление культа, язы-

---

¹¹⁹ Sienkiewicz H. List otwarty do J.C. Mości Wilhelma II, króla pruskiego // <http://www.sienkiewicz.ovh.org/>

¹²⁰ Płygawko D. «Prusy i Polska»... S. 91.

ковую самобытность, против колониционной политики, принудительного отчуждения польской земли. Однако в целом консерваторы проводили умеренную и лояльную властям политику, искали согласия, компромисса с государством. Их позиции пошатнулись в начале XX в., когда на польских землях Германии стали усиливаться национальные демократы, выступавшие за более решительные действия в защиту прав польского народа. Польские земли, захваченные Пруссией в период разделов Речи Посполитой в XVIII в., рассматривались эндеками как колыбель польской государственности и неотъемлемая часть будущей независимой Польши.

Эндеки стали действовать в прусской Польше как нелегальная группа с 1898 г. Их руководителем был Б. Хжановский – первый эндек, избранный в 1901 г. в немецкий рейхстаг. Национальные демократы создавали многочисленные польские организации, пропагандировавшие гражданскую и патриотическую активность, призывавшие отмечать национальные праздники и памятные даты, исполнять патриотические песни. По их инициативе был учрежден общественный форум – Национальный совет – координировавший польские мероприятия в различных регионах Германии. Национальные демократы заметно укрепили свои позиции в представительных учреждениях страны. По итогам выборов 1907 г. из 20 депутатов польского коло рейхстага 7 были связаны с эндецией. С 1909 г. национальные демократы действовали в прусской части как Польское демократическое общество.

Одним из наиболее ярких польских деятелей рассматриваемого времени в прусской Польше являлся Войцех Корфанты. В своей публицистике он соединял социальные интересы простого народа с национальными лозунгами, пропагандировал идею единства польской нации от «Одера до Двины и Днепра»¹²¹, призывал соотечественников к «борьбе за язык, веру, обычаи, права, унаследованные от предков», убеждал выбирать не немецких, а польских депутатов («поляка только поляк защитит»), добивался возвращения польского языка в школу, администрацию и судопроизводство¹²². Определенное время Корфанты являлся приверженцем национально-демократической партии, однако с 1910 г., не порывая контактов с эндецией, связал свою деятельность с христианской демократией. В заключенном с хадеками соглашении о партнерстве отмечалось, что «основой существования нашего народа с точки зрения национальной социальной и экономической является позитивный труд... борьба с социал-демократами, гакатистами и германизаторскими силами»¹²³.

II.3. Политическая жизнь на польских землях Австро-Венгрии (Галиция)

Революционные события в России 1905–1907 гг. придали либеральным и левым силам дополнительный импульс в борьбе за демократизацию Габсбургской монархии. Важным шагом на этом пути было принятие в 1907 г. нового закона о выборах в рейхсрат, согласно которому избирательные права предоставлялись всем мужчинам, достигшим 24-летнего возраста. Первые выборы, состоявшиеся на основе этого закона в мае того же года, принесли успех массовым политическим партиям. В Галиции Польские социалисты получили 4, либералы – 11, национальные демократы – 16, а людовцы 17 депутатских мандатов, став самой сильной польской фракцией в австрийском парламенте. Укрепилось и парламентское представительство украинских партий.

Весьма болезненное поражение потерпели на выборах польские консерваторы. До 1907 г. в состав польского коло входило 35 консервативных помещиков (из 65 членов коло), в том

---

¹²¹ Зашкільняк Л., Крикун М. Історія Польщі. Львів, 2002. С. 414.

¹²² Bloch T. Wojciech Korfanty – Polak z urodzenia i z wyboru // http://www.npw.pl/ARCHIWUM_NPW/2001_07_08/TMS-Bloch_Wojciech-Korfanty.html/

¹²³ Ibidem.

числе 9 «краковских консерваторов» и 21 «подоляк»¹²⁴. В новый австрийский парламент прошло всего 11 консерваторов. Особенно тяжелым было поражение «краковских консерваторов», получивших лишь 4 мандата. В польском коло лидирующие позиции захватили эндеки и польские либералы. Оппозиционные консерваторам силы добивались принятия более демократичного закона о выборах и в краевой сейм Галиции. Подобная перспектива вызвала серьезное беспокойство консервативных сил, опасавшихся утраты политического влияния не только на общегосударственном уровне, но и в Галиции, где они занимали доминирующее положение.

Наиболее активная часть польской правящей элиты – «краковские консерваторы» (станьчики) – стремились избежать реализации такого сценария, полагая, что вытеснение традиционной элиты с политической сцены будет иметь самые негативные последствия для края и для польской политики в Австрии. Исходя из этого, они прилагали усилия к сохранению влияния консерватизма если не в качестве доминирующей силы (что в новых условиях представлялось маловероятным), то, по меньшей мере, как политического фактора, выполняющего важную роль в регулировании общественных процессов.

В новых условиях было уже недостаточно связей при венском дворе и в администрации края для сохранения политического влияния. Для этого требовалась поддержка широких слоев населения. Решить данную задачу позволяла модернизация консервативной партии, освоение новых приемов политической борьбы. Обновление должно было обеспечить не только выживание, но и успешное функционирование консерватизма в современную эпоху.

И «станьчики» продемонстрировали способность провести необходимую модернизацию. Из неформального политического объединения их партия была преобразована в официально оформленную политическую организацию – Правицу народоу. Строительство партии современного типа было призвано усилить политическое влияние консерваторов в широких слоях населения, обеспечить более эффективное воздействие на общественное мнение, повысить конкурентоспособность консерваторов в политической борьбе с другими партиями.

«Станьчики» осваивали новые приемы завоевания симпатий избирателей. Демократизация политической жизни заставляла их более тщательно подходить к организации предвыборных кампаний, использовать широкий спектр политических средств. Наряду с привлечением финансовых, информационных и организационных ресурсов государственных органов власти «станьчики» начали более активно налаживать личный контакт с избирателями.

Желая добиться поддержки широких слоев населения, «краковские консерваторы» в публичной сфере позиционировали себя как общенациональная партия, ориентированная на защиту интересов различных слоев населения¹²⁵. Они подчеркивали реформистский характер Правицы народовой, готовность к преобразованиям при сохранении традиций и польского национального наследия¹²⁶. Достоинством консерватизма как идейно-политического направления называлась осторожная и ответственная политика.

В процессе освоения современных политических технологий порой возникали курьезные ситуации. Так, по свидетельству современников, один консерватор после предвыборного собрания настолько увлекся пожатием рук, что, «бросившись в толпу, обнял и какого-то уголовника, а потом лакея..., который предпочел бы получить гульден, чем пожатие руки»¹²⁷.

¹²⁴ Buszko J. Polacy w parlamencie wiedeńskim. Kraków, 1996. S. 276.

¹²⁵ Archiwum Państwowe w Krakowie (далее APK). Archiwum Zesp. Tarnowskich z Dzikowa. Jedn. 649. Statut Stowarzyszenia «Stronictwo Prawicy Narodowej». 1907; Jedn. 650. Drugie Walne Zgromadzenie Stronictwa Prawicy Narodowej odbyte w dniu 26 kwietnia 1909 r. w Krakowie (broszura). 1909.

¹²⁶ Ibid. Jedn. 657. Конспект выступления 3. Тарновского в Кракове 24.05.1908 г.; Po wyborach // Czas. 1911. 5 września; Zgromadzenie wyborców ziemi krakowskiej. Poseł Wł.L. Jaworski // Czas. 1912. 5 stycznia; Idea konserwatywna // Czas. 1913. 7 sierpnia.

¹²⁷ Biblioteka Jagiellońska. Korespondencja Michała Bobrzyńskiego. Sygn. 8090 III. List Jana Hupki do Michała Bobrzyńskiego z 2.07.1908. K. 321–321 (ob).

Видный представитель «краковских консерваторов» М. Хылиньский в переписке с председателем Правицы З. Тарновским причины неудачного проведения им агитационной работы объяснял следующим образом: «У меня был самый плохой опыт во время последних выборов в парламент¹²⁸. Я привлек нескольких студентов, которые должны были вести агитацию... Они израсходовали очень много [средств], а, в конце концов, только ели и пили с крестьянами, и не только не принесли пользы, но часто своим вызывающим поведением лишь вредили кандидату»¹²⁸.

Стремясь привлечь симпатии населения, консерваторы извинялись перед обществом за допущенные в прошлом ошибки. Главной из них они называли пренебрежение мнением широких слоев населения, прежде всего крестьянства. «[Консерваторы] слишком мало сближались с народом..., поступали так, как будто бы думали: "У нас власть в крае, потому что у нас есть разум, опыт и добрая воля. Мы делаем для вас, крестьяне, все то, что считаем хорошим и полезным..., но спрашивать ваше мнение у нас нет необходимости, потому что вы сами своего блага еще не понимаете"», – писали публицисты консервативного издания «Роля»¹²⁹. Негативным следствием этой «плохой» и «немудрой» политики был проигрыш консерваторов на выборах 1907 г. «Однако поляк задним умом крепок, – отмечала «Роля». – Наученные собственным поражением и ущербом для края, консерваторы убедились, что недостаточно делать крестьянам хорошо. Нужно, чтобы крестьяне знали о том, что им делают хорошо, следовательно, нужно их просвещать, нужно с ними разговаривать, нужно слушать их мнение и с этим мнением считаться. И консерваторы начинают меняться, начинают освобождаться от своей исключительности и неприступности, начинают притягивать к себе людей, начинают организовываться»¹³⁰.

В рассматриваемый период «краковские консерваторы» отстаивали принципы, традиционные для консервативной идеологии: осуждали классовую борьбу, высказывались за установление социального и национального мира в Галиции и солидарность польских партий, осуждали антисемитизм, выступали за конструктивный подход к украинскому вопросу, проповедовали лояльность Габсбургам¹³¹. С проавстрийским курсом они связывали сохранение особого статуса и национальных завоеваний поляков в империи, получение помощи государства для решения региональных проблем Галиции. Являясь последовательными государственниками, «краковские консерваторы» осуждали действия политиков, подрывавших стабильность монархии и целостности страны. К числу антиавстрийских сил в самой Галиции они причисляли прежде всего «москвофилов».

Отступление от курса по искоренению в регионе пророссийского движения имело место лишь в политике наместника Галиции, «краковского консерватора» А. Потоцкого. По итогам выборов в австрийский рейхсрат в 1907 г. украинские националисты увеличили свое представительство в центральном парламенте до 20 мест. Желая освободиться от обвинений в излишних уступках украинским националистам, якобы поощрявших их к еще более радикальному поведению, Потоцкий во время выборов в краевой сейм в 1908 г. оказал поддержку более умеренной «старорусской» партии. В результате выборов «старорусины» получили 10 мандатов. Это вызвало возмущение украинских националистов. Получив лишь 12 мандатов, они сочли, что сеймовое представительство «старорусинов» не соответствовало их реальному влиянию среди украинцев¹⁴. Вину за успех пророссийских сил на выборах в сейм в 1908 г. представители Украинской национально-демократической партии (УНДП) возложили на наместника и

---

¹²⁸ APK. Zesp. Tarnowskich z Dzikowa. Jedn. 652. List Michała Chylińskiego do Zdzisława Tarnowskiego z 21.05.1913. K. 495–496.

¹²⁹ Przemiana Stronnictw // Rola. 1907. N 13.

¹³⁰ Ibidem.

¹³¹ Opinia rządem // Czas. 1907.18 lipca; Potrzeba organizacji // Czas. 1907.23 lipca; Stronnictwo Prawicy Narodowej // Czas. 1907. 4 września.

развернули против него агрессивную пропагандистскую кампанию. Ее итогом стало убийство А. Потоцкого в апреле 1908 г. украинским студентом М. Сичиньским. Новым главой края был назначен другой «краковский консерватор», известный историк Михал Бобжиньский. Он придерживался курса на взаимодействие с УНДП, которая отстаивала идею самобытности украинского народа и враждебно относилась к России.

Заметным явлением в политической жизни Галиции стало налаживание сотрудничества между «краковскими консерваторами» и партиями, имевшими поддержку в широких слоях населения. Главным объектом усилий на этом направлении стал их вчерашний противник – Польское стронництво людовое. Союз с ПСЛ давал «станьчикам» возможность укрепить свои позиции в региональной и общеавстрийской политике, эффективнее вести предвыборную кампанию, противодействовать политическим оппонентам. ПСЛ была нужна консерваторам как для достижения равновесия сил в польском коло¹³², так и для укрепления позиций коло в австрийском парламенте. «Станьчики» рассматривали людовцев в качестве своих возможных союзников и при формировании коалиции большинства в краевом сейме Галиции¹³³. Особый интерес к этому движению был продиктован также желанием смягчать антипомещичьи и анти-клерикальные настроения в крестьянской среде.

Соглашение с «краковскими консерваторами» помогло людовцам добиться успеха на выборах в краевой сейм в 1908 г. Если в предыдущем сейме они располагали только 4 мандатами, то теперь – 19. На выборах в австрийский парламент в 1911 г. ПСЛ также увеличило свое представительство (с 17 до 24 депутатских мест).

Благодаря поддержке «станьчиков» крестьянские деятели интегрировались в чиновничье-бюрократический аппарат Галиции, получали финансовую и политическую помощь центральных и краевых властей, различные экономические преференции. При их поддержке лидеру ПСЛ Я. Стапиньскому удалось создать страховое общество «Висла», смягчить последствия банкротства подконтрольного ему Парцелляционного банка^[5]. Ярким примером такой финансовой помощи было предоставление в декабре 1912 г. лидеру ПСЛ кредита в размере 80 тыс. крон для покупки газеты «Иллюстрированный курьер цодзенный». Газета нужна была Стапиньскому для ведения агитационно-пропагандистской деятельности. Средства для покупки были выделены центральным правительством. Со своей стороны крестьянский лидер дал письменные обязательства поддерживать политику венского правительства, наместника Бобжиньского и Правицы народной¹³⁴. Данное соглашение, естественно, не афишировалось.

Курс на сотрудничество с консерваторами вызвал в среде людовцев оппозиционные настроения. Уже в 1908 г. на встрече с доверенными лицами и членами высшего совета ПСЛ Стапиньский оправдывался и заявлял, что он «вовсе не продался станьчикам, однако там, где нельзя победить открыто, необходимо действовать хитростью, следовательно, он направился по этому пути для блага партии»¹³⁵.

На съезде ПСЛ в июне 1910 г. один из лидеров оппозиции, Я. Домбский, обвинил руководство партии в отказе от борьбы с консерваторами, свержение власти которых он считал важнейшим условием строительства будущей Польши¹³⁶. Признав нарушение 20-летней традиции ПСЛ неустанной борьбы с консерваторами, Стапиньский тем не менее заявил, что, вступая в польское коло, руководство партии стремилось подорвать влияние консерваторов и с этой

¹³² Zgromadzenie wyborców. Mowa J. E. Bobrzynskiego // Czas. 1908. 6 marca.

¹³³ APK. Zesp. Tarnowskich z Dzikowa. Jedn. 651. Текст речи 3. Тарновского (1907?).

¹³⁴ Jaskólski M. Między normatywizmem a uniwersalizmem. Myśl prawno-polityczna Władysława L. Jaworskiego. Wrocław, 1988. S. 16.

¹³⁵ Центральний державний історичний архів України у м. Львові Ф. 146 (Галицьке намісництво). Оп. 8. Од. зб. 851. Zjazd mężów zaufania i członków Rady Naczelnej PSL w Krakowie 12.12.1908. Л. 148.

¹³⁶ Там же. Оп. 8. Од. зб. 113. Obrady stronnictwa ludowego w Tarnowie (14.06.1910). Starostwo w Tarnowie do Prezydium Namiestnictwa we Lwowie. Л. 6.

задачей справилось¹³⁷. Кроме того, утверждал он, партия ведет успешную борьбу и против эндеции, самого опасного врага людовцев.

Стапиньский категорически отрицал наличие договоров или его личных обязательств по поводу поддержки каких-либо политических сил. «Я искал лишь помощи в борьбе, – утверждал лидер ПСЛ, – а для этого использовал тех, кого удавалось... Я знаю только один интерес: крестьянин. Если этот интерес потребует, то я разорву и растопчу любые союзы – об этом хорошо знает наместник и маршал [сейма]... Если я посчитаю, что этого требует интерес крестьянина, то отстраню Бобжиньского и Бадени^[6]. Но сегодня я не надеюсь, что смогу найти лучших, чем они, любой другой будет хуже, поэтому отдаю предпочтение этим. Я считаю их нашими противниками. Друзьями они для нас никогда не будут, потому что они с рождения являются станьчиками. Но я оставляю их, потому что против них я сильный, и все, что захочу, они выполнят, я все смогу из них выжать»¹³⁸.

В том же ключе высказывались и другие влиятельные деятели ПСЛ. В частности, М. Ольшевский назвал действующую власть Галиции не идеальной, но лучшей, чем прежняя, потому что с ней, по меньшей мере, не приходится вести борьбу¹³⁹. В этих условиях людовцы должны стараться выторговать все, что возможно у «станьчиков». Отвечая на упреки оппонентов, депутат заметил, что власть легко поменять только в академической дискуссии, в реальности же для этого следует провести серьезную подготовительную работу.

Из 1300 делегатов съезда ПСЛ в поддержку курса Стапиньского проголосовало подавляющее большинство, против высказалось лишь 15 делегатов. Однако, по мнению представителя властей, оппозиция составляла около 100 человек. «На такой неблагоприятный для фронды результат голосования, – отмечалось в его донесении, – повлияли тактические соображения, а именно желание получить протекцию по концессиям в трактирном деле^[7]»¹⁴⁰.

Тем не менее противники лидера ПСЛ Б. Вислоух и Я. Домбский в 1912 г. создали отдельную партию под названием ПСЛ-Объединение независимых людовцев. После раскола ПСЛ в конце 1913 г., эта партия объединилась с другой оппозиционной Стапиньскому группой в ПСЛ-«Пяст». Несмотря на то что образование новой крестьянской партии официально шло под лозунгом возвращения к традициям ПСЛ, к числу которых относилась и борьба с консерваторами, в своих политических комбинациях «станьчики» сделали ставку именно на взаимодействие с ПСЛ-«Пяст» и отказались от сотрудничества с Я. Стапиньским, все еще популярным в крестьянской среде, но грубо скомпрометировавшим себя.

«Краковские консерваторы» стремились привлечь на свою сторону и либеральную Польскую демократическую партию. Еще в период оформления Правичы народной в 1907 г. ее председатель З. Тарновский рассматривал либералов как потенциальных союзников. В 1911 г. обе партии сблизились для проведения выборов в парламент. По их итогам либералы укрепили свои позиции, получив в австрийском рейхсрате 13 депутатских мест. Для самой Правичы парламентские выборы 1911 г. тоже прошли удачно. «Станьчики» получили 10 депутатских мест, столько же «подольские консерваторы».

Хотя партнерские отношения консерваторов и польских демократов развивались непросто, тем не менее лидеры Правичы трактовали либералов как союзническую партию. Партнеров объединяла общность подходов к решению национального вопроса, сближение позиций в отношении национальных демократов, главного противника «станьчиков».

Интересную метаморфозу в рассматриваемый период претерпела политика социалистов. Противники «станьчиков» (прежде всего эндеки) замечали, что социалисты не выступали про-

---

¹³⁷ Там же. Л. 5.

¹³⁸ Там же. Л. 5–7.

¹³⁹ Там же. Л. 6.

¹⁴⁰ Там же. Л. 9.

тив Бобжиньского, из чего делался вывод о наличии негласного соглашения между ними. Действительно, социалисты не только воздерживались от борьбы с наместником, но и относились к нему доброжелательно¹⁴¹. М. Бобжиньский был первым наместником Галиции, с которым социалисты не вели борьбы¹⁴². Объяснение этому факту можно найти в том, что после русской революции 1905–1907 гг. в Галиции нашли пристанище наиболее активные деятели ППС – революционной фракции и члены Боевой организации ППС. При их участии стали формироваться военные организации антироссийской направленности, лояльные Австрии. К таковым относились созданные на легальных основаниях в 1910 г. Стрелковый союз во Львове и «Стрелок» в Кракове. Руководила организациями конспиративная структура – отдел Союза активной борьбы^[8], возглавляемая Ю. Пилсудским. Формальным главой стрелковых организаций он стал в 1912 г. Именно во время пребывания в эмиграции в Австро-Венгрии Пилсудский разработал новый план решения польского вопроса в отошедшей к России части шляхетской Речи Посполитой. Он заключался в том, чтобы до начала войны между Центральными державами и Антантой подготовить с помощью военизированных стрелковых организаций офицерские и унтер-офицерские кадры для будущей польской армии. Ее создание он связывал с очередным восстанием, которое, по его убеждению, должно было вспыхнуть сразу же после начала европейской войны¹⁴³.

Начиная с 1906 г. Пилсудский стремился к сотрудничеству с австрийской военной разведкой, рассчитывая получить поддержку своей военной деятельности на территории Галиции. Такое содействие было оказано взамен на предоставление организацией Пилсудского разведывательных услуг. Предложение Пилсудского о сотрудничестве пришлось очень кстати для австрийской разведки, имевшей в 1906 г. на территории России лишь двух (!) тайных агентов. Следует также отметить, что организация Пилсудского накануне Первой мировой войны поставляла информацию военного характера о России не только австрийцам, но и спецслужбам Германии и Японии¹⁴⁴. Австрийцы широко использовали возможности Пилсудского для борьбы с русской агентурой в Австро-Венгрии. Большинство русских разведчиков в Галиции были разоблачены при самом активном участии людей Пилсудского¹⁴⁵.

Соглашение между австрийской разведкой и Пилсудским было одобрено Генеральным штабом в Вене, однако лишь в декабре 1912 г. военное министерство в письме министерству внутренних дел и премьер-министру решилось раскрыть факт существования контактов с польскими военизированными структурами¹⁴⁶. Наместник Галиции М. Бобжиньский был проинформирован о подобном сотрудничестве еще в декабре 1909 г.¹⁴⁷ На встрече с представителем Правитц М. Хылиньским, интересовавшимся мнением наместника о том, какую позицию следует занять в отношении стрелковых организаций, Бобжиньский заявил, что «не следует выступать против этих организаций и прямо бороться с ними, но в то же время не следует их поддерживать ни материально, ни другим образом, и по мере возможности не терять влияния на эти организации и действовать смягчающе»¹⁴⁸.

Польская социал-демократическая партия оказывала содействие этим структурам. Российская дипломатия сообщала в австрийское Министерство иностранных дел о том, что поль-

¹⁴¹ Lazuga W. Michał Bobrzyński. Myśl historyczna a działalność polityczna. Warszawa, 1982. S. 154–155.

¹⁴² Buszko J. Polityka Michała Bobrzyńskiego w kwestii ukraińskiej (1906–1913) // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. Kraków, 1993. Z. 103. S. 68.

¹⁴³ Подробнее об этом плане и его реализации см.: Матвеев Г. Ф. Пилсудский. С. 127–169.

¹⁴⁴ Świętek R. Lodowa ściana: Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego 1904–1918. Kraków, 1998. S. 375–377, 857.

¹⁴⁵ Матвеев Г. Ф. Пилсудский. С. 151, 159.

¹⁴⁶ Rozmowy z wywiadem austriackim przed pierwszą wojną światową // Sprawy Międzynarodowe. 1960. R. 13. № 3. S. 67, 70.

¹⁴⁷ Działalność polskich organizacji w Galicji w świetle rosyjsko-austriackiej korespondencji dyplomatycznej z okresu 1906–1912 // Sprawy Międzynarodowe. 1960. R. 13. N 10. S. 55.

¹⁴⁸ APK. Zesp. Tarnowskich z Dzikowa. Jedn. 652. List Michała Chylińskiego do Zdzisława Tarnowskiego z 18.02.1913. K. 449.

ские военные организации окружены опекой депутатов венского парламента И. Дашиньского и Г. Диаманда, которые сумели убедить руководство галицийской полиции в «безвредном характере» их деятельности¹⁴⁹.

Таким образом, тактика социалистов объяснялась нежеланием создавать напряженность в отношениях с властями Галиции. Правда, есть свидетельство архиепископа Бильчевского о том, что Бобжиньский потребовал от мэра Кракова Ю. Лео не допустить избрания Дашиньского в парламент. Однако, судя по результатам парламентских выборов 1911 г., правящие круги не чинили препятствий кандидатам-социалистам. В самом Кракове они получили 60 % голосов избирателей и 3 мандата (из 5)¹⁵⁰. Дашиньский был избран депутатом рейхсрата. Всего деятели ПСДП получили 8 мест в парламенте, увеличив в два раза свое представительство по сравнению с предыдущим составом.

После выборов «краковский консерватор» В. Л. Яворский по просьбе Дашиньского ходатайствовал перед наместником за одного эмигранта из Царства Польского, обвиненного в «анархизме»: просил не выдавать его российским властям. Яворский отмечал, что лидер социалистов не будет выступать в парламенте против консерваторов по важному для них вопросу. «Дашиньский сказал также, – сообщал Яворский, – что не в их [социалистов] интересах ослабление наместника Бобжиньского. Они убеждены в его самых лучших намерениях и верят, что он желал легальности на выборах^[9]»¹⁵¹. Современник событий, известный польский публицист В. Фельдман отмечал, что критика наместника по поводу парламентских выборов 1911 г. была весьма мягкой «даже со стороны социалистов»¹⁵². Примечательно, что во имя национально-освободительных идей Дашиньский был готов отказаться от пропаганды классовой борьбы и выступить с программой национальной солидарности¹⁵³.

Все более влиятельной силой на политической сцене Галиции становились польские национальные демократы. По итогам парламентских выборов 1907 г. эндеция оказалась самой крупной фракцией в польском коло рейхсрата. Воодушевленные успехом, ее руководители выступили с лозунгом «замены мозгов» на различных уровнях власти, заявив тем самым о своих претензиях на лидерство в общественно-политической жизни края.

Другой причиной конфронтации между краевой властью, возглавляемой М. Бобжиньским, и национальными демократами были расхождения по украинскому вопросу. Бобжиньский был убежден, что пропаганда идей крайнего национализма, ненависти и борьбы с украинцами разрушает национальный мир в крае и сводит на нет все конструктивное, что создавалось в сфере межнациональных отношений на протяжении веков многими поколениями поляков. Национальные демократы, со своей стороны, считали, что наместник идет на неоправданные уступки украинцам, ущемляя интересы польского населения в восточной части края. В итоге съезд национальной демократии 22 мая 1910 г. принял резолюцию, в которой призвал «центральный комитет, депутатов и прессу партии к решительной оппозиции краевому правительству, которое для сохранения видимости спокойствия жертвует самыми насущными национальными интересами в пользу враждебной нам украинской партии и одновременно, опираясь на элементы, которым доступны соблазны сословных или личных выгод, деморализует общественную жизнь народа»¹⁵⁴.

¹⁴⁹ Działalność polskich organizacji w Galicji w świetle rosyjsko-austriackiej korespondencji dyplomatycznej z okresu 1906–1912... S. 63–64.

¹⁵⁰ Buszko J. Działalność Polaków w parlamencie austriackim doby konstytucyjnej // Polacy w austriackim parlamencie. W 130 rocznicę Koła Polskiego. Lublin; Wiedeń, 1997. S. 34.

¹⁵¹ Biblioteka Jagiellońska. Korespondencja Michała Bobrzynskiego. Sygn. 8095 III. List Władysława Leopolda Jaworskiego do Michała Bobrzynskiego z 22.07.1911. K. 167.

¹⁵² Feldman W. Ewolucje partyjne w Galicji // Krytyka. 1912. T. 33. S. 208.

¹⁵³ Garlicki A. U źródeł obozu belwederskiego. Warszawa, 1983. S. 219.

¹⁵⁴ Wiadomości polityczne // Rzeczpospolita. 1910. 28 maja. S. 129.

От позиции национальных демократов зависело стабильное функционирование центральных органов власти. Недовольство эндеков вызывало сближение правительства Р. Бинерта-Шмерлинга с украинцами и сионистами, благодаря поддержке которых в 1909 г. оно избежало отставки. Радикальное крыло эндееции призывало партию перейти в оппозицию действующему кабинету¹⁵⁵. На встрече с премьером один из лидеров галицийских эндеков С. Гломбиньский заявил, что не может гарантировать участия всех своих соратников в голосовании по бюджету. Император Франц Иосиф был хорошо осведомлен о возникших затруднениях и на встрече с польскими консерваторами выказал недовольство таким развитием событий¹⁵⁶. В конечном итоге премьер принял решение распустить парламент и назначить новые выборы.

Конфронтационная политика эндееции привела к тому, что на парламентских выборах 1911 г. она получила лишь 9 мандатов, в то время как в предыдущем рейхсрате имела 16 депутатских мест. Комментируя отношение Бобжиньского к эндекам, газета краковских консерваторов «Час» писала, что на выборах «наместник не поддержал национальную демократию, так как она добивалась власти; Бобжиньский же хотел, чтобы она присоединилась к совместной, органической работе в крае»¹⁵⁷. Газета приводила также высказывания главы края о том, что в 1910 г. эндееция заявила о борьбе с ним «не на жизнь, а на смерть», не пошла на компромисс с другими партиями и тем самым породила против себя коалицию¹⁵⁸.

Эндееция развернула пропагандистскую кампанию по дискредитации политики краевых властей в отношении украинцев. Так, видный деятель галицийских эндеков Я. Г. Павликовский отмечал, что в «определенных политических кругах» возникла концепция, согласно которой следует «угождать» украинцам, чтобы в случае войны с Россией Австрия могла на них опереться¹⁵⁹. Однако, по его мнению, сепаратистское украинское течение не имеет широкой поддержки у населения Восточной Галиции. Я. Г. Павликовский упрекал польского наместника в том, что он не указал на «фиктивность» подобной концепции и что на украинцев, как «элемент политически незрелый и анархичный», никто опереться не может. Государственные интересы Австрии, отмечал он, должны, как и прежде, руководствоваться польским интересом.

Я. Г. Павликовский также высказывал обеспокоенность тем, что постоянные уступки украинцам могут привести к утрате поляками главенствующей роли в Галиции, а ослабление здесь польского влияния в свою очередь затруднит распространение «польскости» на другие земли бывшей Речи Посполитой. Он обвинял участников правящего блока в игнорировании интересов польской нации, преследовании узкопартийных целей, неразборчивости в средствах ради достижения собственных выгод. Эндееция же представлялась поборницей морального оздоровления общественной жизни, готовой бороться со злом «до победного конца».

И. Дашиньский вспоминал, что после парламентских выборов 1911 г. ведущий деятель эндееции Станислав Грабский наносил «дикие оскорбления» наместнику М. Бобжиньскому в «Слове польском», доходя даже до сравнения его с Муравьевым-«Вешателем»¹⁶⁰. В. Л. Яворский отмечал в своем дневнике, что «Ст. Грабский в свое время представил Теодоровичу

¹⁵⁵ Höbelt L. Parteien und Fraktionen im cisleithanischen Reichsrat // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Wien, 2000. Bd. 7. T. 1. S. 984–985.

¹⁵⁶ Biblioteka Jagiellońska. Korespondencja Michała Bobrzynskiego. Sygn. 8095 III. List Wacława Zaleskiego do Michała Bobrzynskiego z 20.03.1911. K. 86–86(ob).

¹⁵⁷ «Diło» o PN // Czas. 1911. 24 listopada.

¹⁵⁸ Namieśnik w Kole sejmowym. Przemówienie namiestnika Dra Bobrzynskiego na posiedzeniu dn. 16 b. m // Czas. 1912. 19 stycznia.

¹⁵⁹ Archiwum PAN w Krakowie. Korespondencja Jana Gwałberta Pawlikowskiego. Sygn. 7817. Zjazd Stronnictwa Demokratyczno-Narodowego // Słowo Polskie. 1912. 26 marca. K. 20–21.

¹⁶⁰ Daszyński J. Pamiętniki. T. 2. Warszawa, 1957. S. 92.

(армянскому архиепископу. — М. Б.) документы, что я, Бобжиньский... являемся масонами из шотландской ложи. Вот такие вот средства борьбы»¹⁶¹.

В пропагандистской деятельности национальных демократов Бобжиньский видел серьезную угрозу польским интересам. Он считал, что с помощью «национально-освободительного, антиавстрийского патриотизма, а скорее польского шовинизма» эндеция стремится привлечь на свою сторону «толпу»¹⁶². По словам наместника, национальные демократы создавали антитезу между «польскостью» и австрийским государством. «Они делают это, — писал Бобжиньский, — в минуту наивысшего гнета в Пруссии и России, происходящего в Холме^[10]. Они хотят строить Польшу в антагонизме и к Австрии. Это более чем безумие, потому что является увязыванием польского вопроса с интересом партии»¹⁶³. Наместник же считал, что Польшу нужно строить не вопреки Австрии, а с ее помощью.

С целью ослабления позиций наместника и поддерживавшей его партии «краковских консерваторов» национальные демократы стремились распространить свое влияние на помещиков в центральных и западных областях края, пытались посеять раздоры в рядах самой Правлицы народной, сблизиться с «подоляками», пользуясь тем, что последних не устраивала политика М. Бобжиньского по целому ряду вопросов. Свои интересы «подоляки» усматривали в том, чтобы препятствовать процессу демократизации политической системы Галиции, не допустить укрепления политических позиций массовых партий, помешать расширению украинского национального представительства в краевых органах власти. Руководство же Правлицы народной исходило прежде всего из того, что процесс демократизации остановить невозможно и реформы в сфере политических отношений неотвратимы. Поэтому необходимо участвовать в этом процессе и добиваться выработки и принятия выгодных для консерваторов решений.

Позиции «станьчиков» были близки определенной части «подольских консерваторов», например, Д. Абрахамовичу, В. Залескому, В. Чайковскому. Тем не менее последовательный курс «станьчиков» на компромисс с другими политическими силами, конструктивная политика в отношении украинских национальных требований привели к кризису в консервативном лагере и размежеванию с большей частью «подоляков». Особенно ярко данная тенденция проявилась в образовании в январе 1912 г. крайне консервативной сеймовой фракции Центр. К числу наиболее известных деятелей этой группы принадлежали В. Козловский, С. Стажиньский, Т. Ценьский, В. Чарторьский.

Весной 1913 г. «подольские консерваторы» участвовали в срыве проекта реформы краевого избирательного законодательства. Он был подготовлен под руководством лидера «краковских консерваторов» наместника М. Бобжиньского и являлся результатом далеко идущего компромисса между польскими и украинскими политиками. «Станьчики» были вынуждены поддержать этот проект ради достижения общего согласия по реформе. Однако им удалось отстоять куриальную избирательную систему, сохранить численный состав курии крупных собственников и обеспечить незначительное преобладание в сейме депутатов от цензовых курий и лиц, входивших в состав представительного органа по должности (архиепископы и епископы, ректоры университетов).

Дополнительный голос на выборах получали избиратели сельской курии, платившие прямые налоги. Важным достижением было обеспечение польского населения гарантированным количеством мандатов в тех регионах Восточной Галиции, где преобладали украинцы. Так, в сельских районах, где доля поляков составляла как минимум 35 % общего числа жителей, предполагалось создать двухмандатные избирательные округа с пропорциональным распреде-

---

¹⁶¹ Archiwum PAN w Warszawie. Materiały Władysława Leopolda Jaworskiego. Sygn. III—84. Jedn. 21. Diariusz. K. 484.

¹⁶² Ibid. Jedn. 39. List Michała Bobrzynskiego do Władysława Leopolda Jaworskiego z 2.12.1911. K.51.

¹⁶³ Ibidem.

лением мандатов, гарантировавшим один мандат польскому кандидату. Там же, где польское меньшинство являлось незначительным, планировалось организовать одномандатные округа исключительно для польских избирателей.

Со своей стороны консерваторы были вынуждены пойти на значительные уступки оппонентам. В частности, они согласились на создание городской курии «всеобщего избирательного права», одобрили процедуру всеобщих, прямых и тайных выборов в сельской курии, пошли на значительное увеличение количества мандатов в городской цензовой и сельской куриях, согласились с увеличением количества украинских мандатов до 27 % общего числа мест в краевом сейме, а также с правом украинских депутатов избирать из своего числа без участия поляков членов краевого отдела галицийского сейма^[11] и сеймовых комиссий. «Станьчики» приняли систему так называемого «национального кадастра» для избрания украинских депутатов, на чем решительно настаивали последние. Данная система предполагала формирование специальных одномандатных округов, в которых украинские избиратели голосовали бы исключительно за своих национальных кандидатов. По поводу уступок украинцам в публицистике «станьчиков» отмечалось: «Краковские консерваторы делали все, что могли, чтобы добиться для поляков как можно большего, а русинам дать то, без чего они не пошли бы на примирение. Жертвы доставляли беспокойство членам Стронництва правицы народовой, так как любая жертва, приносимая в силу необходимости, приятной быть не может. Но они шли на нее во имя успокоения в крае, во имя примирения с братским русинским народом»¹⁶⁴.

«Подольские консерваторы» считали предложенный проект слишком демократичным и чрезмерно проукраинским. Их позицию поддержало польское духовенство Галиции. Епископы были убеждены, что новая избирательная система приведет к увеличению числа радикальных польских депутатов-людовцев, а также украинских националистов, социалистов и евреев¹⁶⁵. Высказывалось опасение, что если эти силы составят большинство депутатского корпуса, то может возникнуть угроза позициям церкви и религии в Галиции, законодательного и политического преследования духовенства со стороны враждебного церкви большинства сейма. На выборах в городских округах победят еврейские кандидаты. Предоставление украинцам возможности самостоятельно (без участия поляков) избирать своих представителей в краевой отдел и сеймовые комиссии епископы считали началом раздела Галиции на западную (польскую) и восточную (украинскую) части.

О демонстративном осуждении епископатом предложенного проекта очень резко отзывался император Франц Иосиф во время встречи с польским министром в центральном правительстве В. Залеским¹⁶⁶. Он заявил, что епископат вторгся в сферу политических споров, практически не затрагивающих его интересы, что церковь не сможет задержать растущую демократизацию общества, а должна к этим процессам приспособиться и решать свои задачи в новых условиях. Кроме того император с раздражением отметил, что по вопросу избирательной реформы католический епископат резко выступил против другой народности (т. е. украинцев и евреев) и вместо того, чтобы смягчать межнациональные отношения, способствует их обострению. По мнению императора, ответственность за крушение достигнутого компромисса падет на епископат, и его отношения с народом будут значительно осложнены.

Следствием выступления польских епископов против проекта реформы стало заявление М. Бобжиньского об отставке с поста наместника Галиции. Она была принята центральным правительством, по признанию премьера К. Штургка, с «тяжелым сердцем»¹⁶⁷. Рушился поль-

¹⁶⁴ Z ruchu wyborczego // Rola. 1913. N 24.

¹⁶⁵ Archiwum, Biblioteka i Muzeum Metropolii Lwowskiej obrządku łacińskiego w Krakowie. Dzienniczek Arcybiskupa Józefa Bilczewskiego. K. 54.

¹⁶⁶ Archiwum Kurii Metropolitarnej w Krakowie. Teki Sapieżyńskie. Teka 4. List Wacława Zaleskiego do Adama Sapiehy. K. 113.

¹⁶⁷ Biblioteka Jagiellońska. Korespondencja Michała Bobrzynskiego. Sygn. 8097 III. List Karla Stürgkha do Michała Bobrzynskiego z 24.04.1913. K. 133.

ско-украинский компромисс, который был так нужен Вене. На встрече представителем Польской демократической партии Л. Германом император сказал: «Никогда не забуду этого епископам... это было вероломством с их стороны»¹⁶⁸. На реплику Германа, что среди епископов был «армянин» (т. е. Ю. Теодорович), император ответил: «Я знаю об этом, он даже был председателем».

Действительно, армянско-католический архиепископ Ю. Теодорович проявлял особую активность в противодействии избирательной реформе. Он упрекал краевую власть в том, что она выступает в «союзе с масонством, еврейством, радикализмом»¹⁶⁹. Недовольство Теодоровича вызывало также потворствование краевой администрации «коррумпированному индивиду» Я. Стапиньскому, который, по его словам, вел «религиозную войну», подрывал здоровые начала в общественном организме¹⁷⁰.

Сорвав принятие избирательной реформы весной 1913 г., ее противники в конечном итоге все же не смогли предложить альтернативы, которая устроила бы большинство политических сил в Галиции. К преодолению крупномасштабного политического кризиса в регионе была вынуждена подключиться Вена. Центральные власти проявляли заинтересованность в скорейшем решении польско-украинского спора, рассчитывая, что это поможет стабилизации парламентской системы Австрии и укрепит внешнеполитические позиции империи: в связи с усилением угрозы военного столкновения с Россией украинский вопрос приобретал геополитическое значение для монархии Габсбургов. Подходы правящих кругов Вены и «краковских консерваторов» к урегулированию польско-украинских отношений во многом совпадали. Не случайно австрийский премьер К. Штюргк заявил новому наместнику Галиции В. Кобытовскому, что для него польская политика является политикой «краковских консерваторов»¹⁷¹.

В феврале 1914 г. краевой сейм принял новый избирательный закон, лишь незначительно отличавшийся от проекта, разработанного под руководством М. Бобжиньского. Это событие «краковские консерваторы» расценили как первый шаг к согласию между польским и украинским народами¹⁷². Однако наметившаяся тенденция к большему взаимопониманию двух основных национальных общин Галиции была прервана войной.

В целом же накануне мировой войны в политической жизни просматривались три главных течения, различавшиеся в вопросе о путях решения польского вопроса. «Краковские консерваторы» связывали будущее польского вопроса с Австро-Венгрией, надеясь, что после победы Центральных держав она присоединит Царство Польское и трансформируется из дуалистической в триалистическую монархию. Национальные демократы, как и их единомышленники в Царстве Польском, выступали за объединение всех польских земель, поэтому их не устраивала австрофильская ориентация.

Пилсудский, группировавшиеся вокруг него эмигранты из Царства Польского и тесно сотрудничавшие с ним галицийские социалисты делали ставку на всеобщее вооруженное восстание в русской Польше, которое помогло бы им создать самостоятельную польскую армию на стороне Центральных держав и склонить Вену и Берлин в случае победы к созданию самостоятельного польского государства из Конгрессовки и «забранных» земель. Все другие поль-

¹⁶⁸ Ibid. List Władysława Leopolda Jaworskiego do Michała Bobrzynskiego z 25.10.1913. K. 277.

¹⁶⁹ Listy Arcybiskupa Józefa Teodorowicza do Arcybiskupa Józefa Bilczewskiego z lat 1900–1923. Część 2. List 91 // Przegląd Wschodni. 2004. T. 9. Z. 2(34). S. 425.

¹⁷⁰ Львівська наукова бібліотека ім. В. Стефаника НАН України. Ф. 5 (Papiery Zaleskich). Оп. 1. Справа 7096/III. List Józefa Teodorowicza do Wacława Zaleskiego z 18.04.1913. Л. 403–405.

¹⁷¹ Biblioteka Jagiellońska. Korespondencja Michała Bobrzynskiego. Sygn. 8097 III. List Władysława Leopolda Jaworskiego do Michała Bobrzynskiego z 1.05.1914. K. 105.

¹⁷² Archiwum Państwowe w Krakowie oddział w Tarnowie. Zespół № 223. Archiwum rodzinne Konopków z Brnia. Jedn. 84. Записи Я. Конопки, сделанные во время заседания «краковских консерваторов» 14.02.1914. К. 205–206.

ские партии Галиции в большей или меньшей степени солидаризировались с одним из этих направлений.

Очерк III

Великая война и судьбы польского вопроса

III.1. Довоенные концепции решения польского вопроса: проверка практикой

Война народов», о пришествии которой как Спасителя Польши молил в свое время А. Мицкевич, обрушилась на польские земли буквально с первых же часов боевых действий в августе 1914 г. И больше года терзала их разрывами бомб и снарядов, опоясывала линиями окопов, освещала зловещим заревом пожаров, усеивала могилами одетых в солдатские шинели выходцев из разных краев многонациональных империй Габсбургов, Романовых и Гогенцоллернов. Наиболее активные боевые действия на польских землях велись в августе-ноябре 1914 г. В это время русские войска овладели австрийской Восточной Галицией, но уступили немцам западные районы Царства Польского и Петраковскую губернию. Затем ситуация стабилизировалась до мая 1915 г., когда австро-германские войска прорвали фронт в Карпатах, отвоевали Галицию и продолжили наступление в направлении Люблина, заставив русскую армию покинуть Царство Польское. 5 августа немцы вошли в Варшаву, в середине сентября они были уже в Вильно, австрийцы оккупировали юго-восточные области Конгрессовки.

Население Царства Польского и значительной части Галиции познало тяготы и самой войны, и проживания вблизи театра военных действий. В то время стороны конфликта еще более или менее соблюдали законы и обычаи войны, поэтому крупные польские города от артиллерийских обстрелов пострадали незначительно. Некоторое исключение составляли Лодзь и особенно Калиш. С 3 по 22 августа этот губернский город, оставленный русскими уже 2 августа, немцы неоднократно обстреливали из орудий, жгли дома, убивали мирных жителей. От их рук погибло не менее 250 горожан, сгорело около 450 домов. Из почти 70 тыс. жителей к концу августа в городе осталось примерно 5 тыс., остальные были вынуждены покинуть его. Случаи немотивированных расстрелов гражданских лиц были и в других оккупированных немцами городах Царства Польского: например в Ченстохове в том же августе 1914 г. были расстреляны 18 человек. Немцы и австрийцы накладывали на занятые города контрибуции, брали заложников.

Далеко не всегда корректным было поведение русских в оккупированной ими части Галиции: здесь сразу же приступили к русификации. Вглубь России были депортированы многие видные польские и украинские политические и общественные деятели, не придерживавшиеся прорусской ориентации, в частности львовский униатский митрополит А. Шептицкий.

Существенными были демографические изменения. В условиях обязательной во всех трех империях воинской повинности в противоборствующие армии было мобилизовано до 2 млн жителей их польских провинций, в том числе около 600 тыс. в Царстве Польском. Людские потери на территориях, вошедших к 1921 г. в состав Польши, составили за годы войны порядка 385 тыс. человек. Существенный урон понесла польская экономика. Было разрушено 41 % мостов (длиной более 20 метров), 63 % железнодорожных вокзалов, около 18 % строений, в основном в сельской местности¹⁷³.

Русские войска при отступлении из Царства Польского в 1915 г. применяли тактику выжженной земли, эвакуировали во внутренние районы империи более 700 тыс. гражданских лиц, в подавляющем большинстве крестьян, включая немцев-колонистов, вывозили промыш-

---

¹⁷³ Kostrowicka J., Landau Z., Tomaszewski J. Historia gospodarcza Polski XIX i XX wieku. Warszawa, 1975. S. 253, 259.

ленные предприятия вместе с работниками, служащих государственных учреждений и органов местного самоуправления, архивы, запасы сырья и продовольствия, рабочий и домашний скот, подвижной состав, культурные ценности. С учетом мобилизованных в армию в 1915 г. из Привислинского края на восток было перемещено более 1,3 млн жителей русской Польши. Их репатриация на родину затянулась до 1924 г.¹⁷⁴

На долю русских властей приходится наименьший ущерб, нанесенный в годы войны польской промышленности, – 18 %. Было эвакуировано оборудование, главным образом шерстяных, металлообрабатывающих и машиностроительных предприятий Варшавского и Белостокского промышленных округов. Металлургические, текстильные и др. заводы Домбровского бассейна и Лодзинского округа остались на месте, так как эти районы немцы оккупировали уже в 1914 г.¹⁷⁵ К тому же для русских Царство Польское было всего лишь одной из провинций России, совершенно лояльной, поэтому они вели себя вплоть до отступления вполне корректно.

Совершенно по-иному смотрели на Царство Польское политики и военные Центральных держав. Для них это была временно оккупированная территория, полной инкорпорации которой в состав своих государств после войны они не планировали. И превратили Конгрессовую Польшу в объект нещадной эксплуатации, о чем свидетельствует доля Германии и Австро-Венгрии в нанесенном ущербе промышленности русской Польши, – 52 % и 22 % соответственно. При этом лишь 4 % ущерба были следствием военных действий¹⁷⁶. Оккупанты не только вывозили из страны запасы готовых изделий, сырье, продовольствие, станки и оборудование, но и всячески поощряли выезд поляков на работы в Германию, испытывавшую вследствие массовой мобилизации нехватку рабочей силы в сельском хозяйстве и промышленности, не позволили вернуться домой почти 300 тыс. захваченных врасплох началом войны сезонных рабочих из Царства Польского. Оккупационные власти своими действиями не только решали текущие вопросы снабжения собственной армии и населения Германии продовольствием и сырьем, но и стремились максимально ослабить конкурентоспособность промышленности Царства Польского, а также подчинить себе его рынок. В результате после ухода русских из Царства Польского население испытывало двойные чувства. С одной стороны, больше не грозила мобилизация в армию, но с другой – жизнь с каждым днем становилась все тяжелее, росла безработица, а продовольствием, производство которого неуклонно сокращалось, приходилось делиться и с оккупационными войсками, и с населением Центральных держав, особенно Германии.

На польских землях в составе Германии и Австрии правительства в целом проводили ту же политику, что и в чисто немецких областях. Здесь во многих отраслях наблюдался спад производства в связи с убылью рабочей силы, нехваткой сырья, минеральных удобрений и др. обстоятельствами военного времени, в том числе порожденными русской оккупацией Галиции и экономической блокадой, в которой оказались страны Центрального блока. Конечно, эти и другие трудности повседневной жизни дали о себе знать не сразу, на какое-то время хватило запаса благополучия, который был накоплен в условиях хорошей хозяйственной конъюнктуры в предвоенные годы.

Среди поляков всех трех частей Польши достаточно долго не было настроений отчаяния, пессимизма, недовольства властями и войной. Напротив, во всех землях наблюдался всплеск настроений государственного патриотизма. Особенно заметным это было в первые недели войны в Царстве Польском. Далеко не единичны были случаи, когда на призывные пункты русской армии приходили резервисты из районов, уже занятых на тот момент австрий-

---

¹⁷⁴ Ibid. S. 261.

¹⁷⁵ Архив внешней политики РФ (далее АВП РФ). Ф. 04. Оп. 32. П. 208. Д. 64. Л. 51.

¹⁷⁶ Kieniewicz S. Historia Polski 1795–1918. Warszawa, 1975. S. 513–514.

скими и немецкими войсками, хотя немцы за это расстреливали¹⁷⁷. Стихийно возникали партизанские отряды, снабжавшие русские войска разведывательными данными и нападавшие на мелкие немецкие подразделения. Ковенский помещик В. Горчинский выступил с инициативой создания польских добровольческих формирований на стороне России, которая была поддержана и военным командованием, и эндеками. В итоге началось формирование Пулавского и Люблинского легионов, затем преобразованных в Новоалександрийскую и Люблинскую дружины и 2 конные сотни ополчения, из которых в 1915 г. организовали польскую стрелковую бригаду численностью около 2,5 тыс. человек¹⁷⁸.

Подобным образом повели себя и польские депутаты Государственной думы. 9 августа депутат В. Яроньский от имени польского коло заверил в полной преданности поляков Царства Польского России и славянству в их борьбе с германизмом и высказал пожелание, чтобы война завершилась воссоединением всех частей разорванной Польши в единое целое¹⁷⁹.

Но, несомненно, наиболее яркий пример лояльности – реакция жителей Келецкой губернии на появление 6 августа 1914 г. сформированной Пилсудским для вторжения в Царство Польское так называемой первой кадровой роты стрелков. Несмотря на сугубо польский состав, оригинальную форму и знаки различия пришедшего из Кракова отряда, надеявшегося одним своим появлением вызвать всеобщее вооруженное восстание в русской Польше, население смотрело на стрелков как на австрийских наемников, врагов Польши и славянства. Вот как вспоминал один из легионеров момент, когда его подразделение проходило маршем через местечко Скала: «На рынке толпа любопытных наблюдает за прохождением "чужого" войска. "Наши" ушли. Этих "чужих" никто не приветствует, никто не поздравляет. Толпа любопытных – смотрят и молчат. Никто не вынесет стакана воды, не подаст краюхи хлеба. Это уже не Краковщина, не польская Галиция, это Россия, заселенная племенем, говорящим по-польски, но чувствующим по-русски... Под влиянием такого приема у нас рождались мысли, которые затем нашли свое выражение в гимне первой бригады»¹⁸⁰. Конечно, среди жителей русской Польши были и желавшие поражения России, но на общем фоне подобные настроения оставались малозаметными. Польское общество находилось под влиянием национальных демократов или было нейтральным.

Сходным образом вели себя австрийские и германские подданные польской национальности. Их депутаты в парламентах голосовали за военные расходы и желали победы своим правительствам и императорам, в Галиции консервативные политики, сторонники австрофильского решения польского вопроса, создали 16 августа 1914 г. политическое представительство – Главный национальный комитет (ГНК), в который первоначально входили все польские политические партии. В польских землях Пруссии демонстративных проявлений государственного патриотизма, как в Царстве Польском и Галиции, не было, но лояльность поляков по отношению к кайзеру Вильгельму была полная, к этому их призвал и местный архиепископ Э. Ликовский. Чтобы не раздражать своих польских подданных правительство прекратило деятельность таких символов и инструментов германизации, как Колонизационная комиссия и «Гаката».

Польские земли на начальном этапе войны оказались главной ареной военного противостояния на востоке, поэтому противники были весьма заинтересованы в привлечении симпатий поляков на свою сторону. В результате уже в первой половине августа появилось три воззвания. 9 августа 1914 г. к жителям занятых австрийскими войсками районов Царства Польского обратилось австрийское военное командование, пообещав им «справедливое и челове-

¹⁷⁷ Русские ведомости. 1914.1 авг.

¹⁷⁸ Wrzosek M. Polski czyn zbrojny podczas pierwszej wojny światowej, 1914–1918. Warszawa, 1990. S. 189.

¹⁷⁹ Seyda M. Polska na przełomie dziejów. Fakty i dokumenty. T. I. Od wybuchu wojny do zbrojnego wystąpienia Stanów Zjednoczonych. Poznań, 1927. S. 534.

¹⁸⁰ Starzyński R. Cztery lata w służbie Komendanta. Warszawa, 1937. S. 50–51.

ное отношение»¹⁸¹. Одновременно немцы, без согласования с австрийцами¹⁸², распространили обращение от имени главных командований немецкой и австро-венгерской восточных армий, в котором призывали поляков Конгрессовки к восстанию и пообещали в случае победы создать из этой провинции самостоятельное государство¹⁸³. Спустя пять дней появилось воззвание русского Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича¹⁸⁴.

Несмотря на внешнее сходство этих воззваний (напоминание о славном боевом содружестве в прошлом, подчеркивание высоких моральных и военных качеств поляков) между ними существовали принципиальные различия. Немцы и австрийцы обращались к полякам только Царства Польского, призывали их к восстанию и обещали обеспечить независимость. «Своих» поляков они не вспоминали и никаких обещаний им не давали. Манифест же русского Верховного главнокомандующего от 1 (14) августа 1914 г. формально был адресован всем полякам (хотя на самом деле полякам Германии и Австро-Венгрии¹⁸⁵). Это им дядя Николай II сулил освобождение от австрийского и германского гнета и объединение на правах автономии с соплеменниками в России под скипетром русского царя. Характерно, что практически в то же самое время Николай Николаевич обратился с отдельными воззваниями к чехам и словакам Австро-Венгрии, не упоминая при этом австрийских поляков. Именно потому, что все три документа были адресованы гражданам противоборствующей стороны, ни одно из них не обещало немедленных действий по выполнению обещаний.

Немецкое и австрийское воззвания ожидаемого результата не дали, поляки сохранили лояльность России и своей кровью успех армиям Центральных держав не облегчили. А обращение Николая Николаевича имело определенные последствия. Одним из кратковременных можно считать всплеск надежд и энтузиазма в обществе Царства Польского на скорое обретение автономии. Легальные польские политические партии и организации Царства Польского, а также польское коло в Государственной думе высказались в его поддержку, призывали поляков встать на сторону России и ее западных союзников в борьбе с Центральными державами. Одновременно они потребовали от Главного национального комитета в Галиции прекратить свою деятельность, наносящую вред польскому делу¹⁸⁶. Кроме того ориентированная на сотрудничество с Россией часть польской элиты укрепила в правильности избранной стратегии движения к независимости. Более долговременным последствием можно считать то, что воззвание, даже не подписанное императором, стало рассматриваться официальным Петербургом как изложение русской позиции по польскому вопросу¹⁸⁷. Правительство уже не могло игнорировать польский вопрос и должно было периодически к нему возвращаться. Допустимые пределы автономии дискутировались им в ноябре 1914 и марте 1915 г. В марте 1915 г. Николай II подписал закон о выделении Холмской губернии из состава Царства Польского, что свидетельствовало о серьезности намерений русской стороны в отношении предоставления Царству Польскому автономии. Несомненно, правительство понимало, что этот шаг вызовет недовольство поляков, и все же пошло на него. В начале июля 1915 г. была создана русско-польская смешанная комиссия для выработки мер по реализации обещаний великого князя в обра-

¹⁸¹ Kumaniecki K. W. Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty 1912 – styczeń 1924. Warszawa; Kraków, 1924. S. 25–26.

¹⁸² Hölzer J., Molenda J. Polska w pierwszej wojnie światowej. Warszawa, 1963. S. 46.

¹⁸³ Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów 1866–1925. Warszawa, 1984. S. 220.

¹⁸⁴ Ibid. S. 223–224.

¹⁸⁵ В декабре 1914 г. об этом откровенно написал в циркуляре губернаторам польских воеводств министр внутренних дел России Н. А. Маклаков. – Filasiewicz S. La question polonaise pendant la guerre mondiale. Paryż, 1920. S. 14.

¹⁸⁶ Polska w latach ruchu niepodległościowego... S. 13–14; Piszczkowski T. Odbudowanie Polski 1914–1921. Historia i polityka. London, 1969. S. 39; Acmatowicz A. Polityka Rosji w kwestii polskiej... S. 266–279.

¹⁸⁷ Filasiewicz S. La question polonaise... S. 18.

нии к полякам¹⁸⁸. 1 августа 1915 г. председатель Совета министров И. Л. Горемыкин заявил на заседании Государственной думы о поручении императора подготовить законодательную базу для дарования Царству Польскому после войны права «на свободное устройство своей национальной, культурной и хозяйственной жизни» на принципах автономии, под скипетром российской монархии и с сохранением единой государственности¹⁸⁹.

Показательно, что Горемыкин не вспомнил об обещании объединить все польские земли в единое целое. Это можно было истолковывать и как нежелание российской стороны создавать непреодолимое препятствие возможному сепаратному миру с Германией, и как ее приверженность международному праву, и как неуверенность в возможной реакции союзников.

Наконец, воззвание накладывало на русское правительство определенные моральные обязательства, и оно не могло их в будущем проигнорировать, не потеряв лица в глазах мировой общественности.

Определенные моральные обязательства брали на себя и западные союзники России, которые позитивно прореагировали на манифест¹⁹⁰. Правда, до поры до времени Англия и Франция, много говорившие о милитаризме Центральных держав и необходимости освобождения малых народов (имея в виду Бельгию, а с 1915 г. и Сербию), официально не ставили вопрос о будущем Царства Польского, считая его внутренним делом союзной России. Точно так же в Париже и Лондоне серьезно не обсуждали судьбу польских земель Австро-Венгрии и Германии, хотя и не отказывались выслушивать российских политиков и дипломатов, когда те заговаривали со своими коллегами о передаче России Галиции и создании автономной Польши под скипетром Романовых. Например, так было во время встречи министра иностранных дел С. Д. Сазонова с послами Франции и Великобритании 13 сентября 1914 г., когда он представил им видение русской стороной послевоенного переустройства в Центрально-Восточной Европе¹⁹¹. США до 1916 г., прикрываясь доктриной Монро, также не определялись со своей позицией по польскому вопросу. Но линию своего поведения при его решении продумывали.

Неясная ситуация вокруг польского вопроса в начальный период войны не способствовала преодолению раскола польского политического класса. Более того, в новых условиях и Дмовский, и Пилсудский без труда находили аргументы в пользу правильности именно своего курса. В польском общественном сознании и историографии применительно ко времени Первой мировой войны особое место занимает деятельность Пилсудского. Именно тогда рождался и вплетался в ткань национальной исторической традиции миф о Пилсудском и его легионах¹⁹² как о главных творцах польской независимости. Провал надежды на всеобщее вооруженное восстание Пилсудский пережил болезненно¹⁹³, однако воспрял духом после того, как главный национальный комитет получил разрешение австрийцев на формирование двух добровольческих легионов со статусом ополчения. Р. Дмовский совершенно справедливо указывал, что это решение положило конец мечтаниям о самостоятельной польской армии. Просто армия Габсбургов должна была пополниться двумя польскими добровольческими частями, и не более¹⁹³.

Австрийцы даже в условиях временной потери Восточной Галиции в 1914–1915 гг. не пожелали вступать с Пилсудским в политические переговоры и делать какие-либо заявления

¹⁸⁸ Dmowski R. *Polityka Polska i odbudowanie państwa*. T. I. Warszawa, 1988. S. 226.

¹⁸⁹ Seyda M. *Polska na przełomie dziejów. Fakty i dokumenty*. T. I. S. 545.

¹⁹⁰ Acmatowicz A. *Polityka Rosji w kwestii polskiej...* S. 295–313.

¹⁹¹ Pajewski J. *Wokół sprawy polskiej*. Paryż – Lozanna – Londyn. 1914–1918. Warszawa, 1970. S. 21.

¹⁹² Об этом в частности свидетельствует его приказ от 5 августа 1915 г. по случаю первой годовщины начала войны. В нем он с сожалением констатировал: «В том, что наша сабля была маленькой, что она не была достойна большого 20-миллионного народа, нет нашей вины. Не встал за нами народ, не отваживавшийся посмотреть великим событиям в глаза и ожидающий в состоянии какого-то пассивного "нейтралитета" каких-то для себя от кого-то "гарантий"». – Piłsudski J. *Pisma zbiorowe*. T. IV. Warszawa, 1937. S. 39–40.

¹⁹³ Dmowski R. *Polityka Polska i odbudowanie państwa*. T. I. S. 210.

относительно будущего Царства Польского. Об этом свидетельствует хотя бы ход обсуждения вопроса об издании манифеста императора Франца Иосифа I к населению Царства Польского на совещании у министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Л. Берхтольда 20 августа 1914 г. с участием ведущих австрийских и венгерских государственных деятелей, а также польских политиков. На нем венгерский премьер-министр Ш. Тиса высказался против всяких обещаний полякам, которые император «не смог бы выполнить без ведения войны *a outrance* и обречения своего государства на весьма серьезные опасности». Россия, утверждал он, если не произойдет ее полного разгрома, вряд ли откажется от Польши, поэтому «императорский манифест, провозглашающий включение Польши в состав монархии, чрезмерно затруднил бы установление лучших отношений с Россией».

Кроме того назывались и другие причины, по которым не следовало торопиться с принятием обязывающего решения по вопросу о Царстве Польском, в том числе высказывалось опасение, что это может спровоцировать польский сепаратизм в Галиции. Поэтому участники совещания постановили, что объединение Царства Польского с «Галицией в рамках монархии, с австро-венгерской точки зрения, желательно только при условии, что прочность и единство монархии в результате этого не ослабнут, и мы будем уверены в том, что государственно-созидательные элементы в Царстве Польском будут работать в этом направлении и противодействовать развитию центробежных стремлений»¹⁹⁴. Решения совещания показывали несостоятельность не только австрофильской концепции «краковских консерваторов» в решении польского вопроса, но и нежелание Вены и Будапешта способствовать реализации предвоенного проекта Пилсудского.

Поскольку обещанного Пилсудским восстания в тылу русской армии не случилось, то он остался для Вены малозначимой фигурой. Более перспективным австрийцы считали сотрудничество с ГНК, гарантировавшим им спокойствие в прифронтовой полосе и лояльность галицийских поляков трону. Таким образом, план Пилсудского, реализации которого он посвятил долгих 6 лет, сорвался. Самым простым для него решением было бы ограничиться чисто военной деятельностью в надежде на благоприятный для Центральных держав исход войны и благодарный жест победителей в виде отторжения земель бывшей Речи Посполитой от России и устройства на них союзного им самостоятельного польского государства. Именно по такому пути пошел, например, один из активных деятелей стрелкового движения В. Сикорский, возглавивший военный департамент Главного национального комитета.

Но Пилсудский по складу характера был политиком, а не военным. Он только тогда связал бы свою карьеру с легионом и австрийцами неразрывно, если бы его сделали командиром этого формирования. Вплоть до осени 1916 г. он будет безуспешно добиваться занятия этой должности. Но австрийцы и ГНК не желали превращения легиона в политический инструмент в руках Пилсудского. Достаточно хлопот им доставлял 1-й полк (с декабря 1914 г. 1-я бригада), который под его командованием превратился в своеобразный политический клуб¹⁹⁵.

Видя, что Вена не считает с его политическими амбициями, Пилсудский уже в первые недели войны вернулся к хорошо освоенной в бытность социалистом подпольной деятельности, но с прежней ориентацией на Австро-Венгрию не порывал. Впрочем, и австрийцы не желали расставаться с этим своенравным уроженцем Виленщины. Об этом свидетельствовали присвоение Пилсудскому 15 ноября 1914 г. звания бригадира (что-то среднее между полковником и генералом, сам Пилсудский считал себя полковником¹⁹⁶), его аудиенция у императора Франца Иосифа и, наконец, награждение в 1915 г. высоким австрийским орденом Железной короны.

---

¹⁹⁴ Galicyjska działalność wojskowa Piłsudskiego... S. 652–656.

¹⁹⁵ Подробнее см.: Матвеев Г. Ф. Пилсудский. С. 184–198.

¹⁹⁶ Piłsudski J. Pisma zbiorowe. T. IV. S. 23.

Первым политическим детищем Пилсудского стала Польская национальная организация (ПНО), предназначенная им для поддержания политических контактов с немцами, а также ведения разведывательной деятельности в тылах русской армии. ПНО, а затем и Пилсудский лично в октябре 1914 г. вели переговоры с представителями наступавшей на Варшаву немецкой армии. Ему очень хотелось первым войти в освобожденную от русских столицу во главе своего полка. Но австрийцы своего согласия на это не дали. Берлину Пилсудский и его люди нужны были только как поставщики разведывательной информации и пушечное мясо, никаких политических соглашений немцы заключать не намеревались, более того, потребовали от ПНО прекратить деятельность на оккупированной территории. Пилсудский попытался переубедить немцев, но в этот момент их наступление на Варшаву захлебнулось. Вскоре Пилсудский утратил интерес к ПНО, и в ноябре 1914 г. она прекратила существование.

В октябре 1914 г. Пилсудский инициировал образование нелегальной Польской военной организации (ПОВ)^[13] в контролируемой русскими властями части Царства Польского. Ее основу должны были составить действовавшие в Варшаве небольшие группы членов Союза активной борьбы и стрелковых дружин, объединившиеся после начала войны. Новая организация позиционировала себя как независимое, сугубо аполитичное объединение людей различных убеждений, которое подчинится только будущему Национальному правительству¹⁹⁷. Главными задачами ПОВ были вербовка добровольцев в легион, пропаганда идей независимости в «дезориентированном, пассивном и в большинстве москалофильском обществе»¹⁹⁸. Постепенно ячейки ПОВ возникли в других городах русской Польши, и даже в Петрограде и Киеве. Наряду с организационной и пропагандистской работой существенное внимание уделялось разведке, саботажу и диверсиям, в том числе и на железнодорожном транспорте, вербовке добровольцев для службы в легионе, прежде всего в полку и бригаде Пилсудского.

После оккупации войсками Центральных держав Царства Польского летом 1915 г., когда, казалось бы, ничто не могло помешать Вене и Берлину решить польский вопрос устраивавшим его образом, Пилсудский вступил в затяжной конфликт с ГНК, который якобы недостаточно настойчиво и решительно добивался от Вены практических шагов в этом направлении. И даже запретил ПОВ вербовку волонтеров в легион, хотя для этого наконец-то наступили благоприятные времена.

Таким образом, внешне сохраняя приверженность своей предвоенной концепции обретения независимости русскими провинциями бывшей Речи Посполитой, Пилсудский на самом деле мало верил в возможности Вены и готовил для себя некий запасной вариант действий на не очень ясное будущее.

Второго центрального актора польской политической сцены, Р. Дмовского, война застала за границей. Он приехал в Петербург 12 августа 1914 г. и даже успел еще до оглашения познать с манифестом Николая Николаевича. Содержание вполне его удовлетворило. Национальные демократы и их союзники из партии реальной политики всячески старались склонить Петербург к идее расширения национальных прав и свобод поляков вплоть до автономии и обещанию после победы собрать все польские земли воедино. В ноябре они учредили в Варшаве Польский национальный комитет в составе 27 человек (14 эндеков, 6 реалистов и 7 беспартийных), в который вошел и будущий польский президент С. Войцеховский, в конце XIX в. бывший одним из основателей ППС. Возглавил первый ПНК реалист граф З. Велёпольский; Р. Дмовский вынужден был согласиться на пост председателя исполнительного комитета. Создатели комитета намеревались превратить его в политического партнера русского правительства. К главным направлениям деятельности варшавского Польского национального коми-

---

¹⁹⁷ Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów... S. 238–239.

¹⁹⁸ Rowiński J. Wkład Polskiej Organizacji Wojskowej w odzyskanie niepodległości // U progu niepodległości Polski. Wrzesień 1918 – marzec 1919. Londyn, 1990. S. 81.

тета (ПНК) относились пропаганда позиции эндеков по национальному вопросу, противодействие сторонникам Пилсудского, а также установление контроля над процессом формирования Пулавского и Люблинского легионов. Р. Дмовский объяснял заинтересованность ПНК в формировании польских добровольческих частей на стороне России желанием сгладить негативное впечатление в Петербурге, Париже и Лондоне, вызванное появлением на фронте польского легиона на стороне Австро-Венгрии¹⁹⁹.

Однако намерение эндеков превратить эти формирования в зародыш польской армии не нашло, как и в Австрии, поддержки у русских военных и гражданских властей. И не только потому, что существование польского легиона на стороне австрийцев порождало у них сомнение в полной преданности населения Царства Польского династии. Предоставление эндекам права на политический патронат над добровольческими частями было равнозначно признанию их политическим партнером правительства. А этого самодержавие делать не собиралось. Чтобы исключить все попытки такого рода, русское военное командование, ссылаясь на необходимость обеспечить легионерам права комбатантов, придало легионам статус ополчения со всеми вытекающими из этого последствиями. По тому же пути пошли и австрийские военные применительно к своему польскому легиону, в котором к тому же было немало поляков с российским подданством.

Активная антинемецкая пропаганда эндеков и реалистов, убеждение ими общества в правильности ориентации только на Россию и Антанту в немалой степени обеспечили вполне корректное отношение гражданской администрации и военных к местному населению вплоть до августа 1915 г. Хорошо известно, что когда русские покидали Царство Польское, их не провожали ни проклятиями, ни злыми словами, никто не издевался над отступавшими, не совершал «актов возмездия». Многие жители Царства Польского выражали симпатию «своим», т. е. русской администрации и войскам²⁰⁰.

Особую позицию занимало революционное течение в рабочем движении. Руководящие деятели СДКПиЛ и ППС-левицы уже 4 августа 1914 г. приняли резолюцию, в которой осудили войну как империалистическую с обеих сторон, подчеркнули, что хотя она и ведется на польских землях, но не является войной за Польшу, призвали польский пролетариат готовиться к будущей социальной революции²⁰¹. Все надежды на справедливое, отвечающее интересам польских трудящихся решение польского вопроса они связывали с мировой революцией, наступление которой в конце войны считали неизбежным²⁰². Упование на мировую революцию отвлекало внимание революционных партий от подготовки к будущей борьбе за власть в масштабе не континента, а отдельной страны. Поэтому у них не было ни военной организации, ни программы, которая была бы привлекательной не только для радикально настроенных рабочих. К тому же деятельность революционных партий затруднял их нелегальный статус в России, а в оккупированном Царстве Польском – преследования активистов немецкими и австрийскими властями за антивоенную пропаганду, вплоть до арестов и заключения в тюрьмы, пребывание ряда видных деятелей в эмиграции.

Отношение Центральных держав к вопросу о судьбе Царства Польского оставалось сдержанным достаточно долго. Это объяснялось рядом веских причин. Во-первых, любые изменения статуса этой провинции России немедленно похоронили бы возможность сепаратного соглашения с ней, на что Берлин и Вена делали определенный расчет, зная, что в окружении Николая II немало сторонников выхода России из войны. Во-вторых, это было бы следующее после оккупации нейтральной Бельгии грубое нарушение норм и обычаев войны, запрещавших

---

¹⁹⁹ Dmowski R. *Polityka Polska i odbudowanie państwa*. T. I. S. 222–223.

²⁰⁰ Chwalba A. *Polacy w służbie moskali*. Kraków, 1999. S. 241.

²⁰¹ *Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów...* S. 217–218.

²⁰² *Ibid.* S. 252–256.

любые изменения государственных границ кроме как на мирной конференции. Антантовская пропаганда и так активно формировала образ Германии как страны, грубо попирающей нормы международного права. В-третьих, созданное на территории Царства Польского самостоятельное польское государство, даже тесно связанное с Центральными империями, все равно было бы своего рода польским Пьемонтом, подпитывало бы сепаратизм в их собственных польских провинциях.

От своей сдержанной позиции Берлин и Вена отказались лишь в середине 1915 г. В августе этой теме было уделено серьезное внимание на переговорах австро-венгерского министра иностранных дел С. Буриана с канцлером Германии Т. Бетман-Гольвегом в Берлине. Как отметил венский министр, «о том, чтобы сделать Царство Польское самостоятельным государством пока что не было речи из-за опасения, чтобы она [Польша], еще недостаточно окрепшая, не стала объектом разнообразных влияний или же рассадником ирриденции, грозящей внутренней безопасности Австрии и Пруссии»²⁰³. Вместе с тем участники переговоров сошлись во мнении, что русская Польша не может трактоваться просто как временно оккупированная территория, и к вопросу о судьбе этой провинции надлежит вернуться еще в ходе войны. С этого момента можно говорить о начале перехода Берлина и Вены к политике изменения статуса Царства Польского уже в ходе войны. А это означало не что иное, как реанимацию предвоенного проекта Пилсудского.

О том, что Царство Польское ждет иная судьба, чем другие оккупированные Центральными державами территории, свидетельствовал характер устанавливаемой здесь оккупационной администрации. Царство Польское было разделено на три области с особым статусом. Сувалкская губерния и часть Подляшья стали обычными оккупированными территориями. Наряду с занятыми немцами литовскими и белорусскими районами они подчинялись этапному командованию Главного командования армий на Востоке (Обер-Ост). Исследователи считают, что Берлин намеревался оставить эти территории после победы под собственным управлением. В австрийской зоне оккупации было создано военное генерал-губернаторство с центром в Люблине, которое подчинялось Главному командованию австро-венгерской армии. Необычным в данном случае был сам факт организации генеральной губернии (в оккупированных австрийцами Сербии и Черногории подобных институтов власти не учреждалось). Остальные районы Царства Польского, в которых проживало почти 2/3 его населения и находились главные промышленные центры, немцы отдали под управление военного генерал-губернатора, расположившего свою резиденцию в Варшаве. В отличие от австрийского коллеги он подчинялся непосредственно канцлеру Германии, а не Главному командованию армий на Востоке²⁰⁴. Таким образом, Люблинское и Варшавское генерал-губернаторства имели иной статус, чем просто оккупированная войсками территория вражеского государства. Но до ноября 1916 г. эта особенность реального значения не имела. Варшавским генерал-губернатором от начала до конца оккупации был Г. фон Безелер, командовавший немецкими войсками под Антверпеном и Модлином (Новогеоргиевском). В Люблине сменилось несколько генерал-губернаторов – Э. фон Диллер, К. фон Кук, Станислав Шептицкий (брат львовского униатского архиепископа А. Шептицкого).

Проводя политику экономической эксплуатации оккупированного Царства Польского (это не возбраняется международным правом, нормами и обычаями ведения войны), немцы и австрийцы позволили польским политическим партиям легально действовать, издавать прессу, если только она не имела враждебного им характера, разрешили образование всех уровней на польском языке. В 1915 г. в Варшаве с согласия немцев начали работать польские Политехнический институт и университет взамен русских вузов, эвакуированных соответственно в

²⁰³ Sokolnicki M. Polska w pamiętnikach Wielkiej wojny. 1914–1918. Warszawa, 1925. S. 465.

²⁰⁴ Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski... T. I. S. 283–284.

Нижний Новгород и Ростов-на-Дону. Было позволено создать польские органы местного самоуправления – советы и магистраты в городах, сеймики в поветах. Правда, и это легко объясняется статусом Царства Польского как «военной карты», их первый состав был назначен оккупационной администрацией, но уже в 1916 г. были проведены выборы. Самоуправление было предоставлено и еврейским религиозным общинам. Но административную и судебную системы оккупанты оставили за собой, чтобы не выпустить из рук нити управления генеральными губерниями.

Эта политика оккупационных властей дала ожидаемые результаты, усилив влияние «активистов», т. е. сторонников взаимодействия с Центральными державами в интересах польского дела. На «активистских» позициях стояли ППС – революционная фракция, консервативные группировки, значительная часть столичной интеллигенции. «Активисты» вошли в органы местного самоуправления и образования, основали влиятельную филантропическую организацию – Главный опекунский совет. Они выступили энтузиастами вербовки добровольцев в польский легион на стороне Австрии.

Правда, результат их усилий был меньше, чем им хотелось бы. Причины, по которым общество без особого энтузиазма включалось в сотрудничество с оккупационными властями, крылись и в обыкновенной осторожности жителей Царства Польского, веривших в возвращение русских²⁰⁵, и в сильном антинемецком синдроме, сформировавшемся в довоенные годы, и в противодействии «пассивистов». В этот лагерь входили национальные демократы, реалисты и некоторые другие небольшие политические группы. Политическим представителем «пассивистов» стало Межпартийное политическое коло.

Таким образом, на первом этапе войны, до 1916 г., польский вопрос не утратил своего прежнего характера, оставаясь внутренним делом разделивших Польшу империй, а предпринимавшиеся пилсудчиками и эндеками попытки сдвинуть его с мертвой точки в рамках своих довоенных концепций не дали реальных результатов. Власти благосклонно воспринимали их верноподданнические декларации и действия, но практических встречных шагов не делали.

Но у всякого события планетарного масштаба – а мировая война имела именно такой характер – своя логика развития, которую невозможно точно спрогнозировать. Если бы зачинщики войны знали, куда она приведет Европу, вряд ли они решились бы ее начинать.

III.2. Поворот в истории польского вопроса (ноябрь 1916 – март 1917 г.)

Одним из непредвиденных последствий войны, давшим о себе знать уже в ее ходе, стало превращение польского вопроса из внутренней проблемы владевших польскими землями империй в открытый международный вопрос, в решении которого получили право участвовать также страны Антанты и США.

До конца 1916 г. союзники Петрограда продолжали считать судьбу Царства Польского внутренним делом России, но это не значило, что они не думали о будущем Польши. Французское и британское правительства тревожили слухи о намерении Центральных держав провести в Царстве Польском мобилизацию в армию. На них оказывали давление инспирируемые польскими эмигрантами собственные левые силы, требовавшие от государственных лидеров более решительной позиции по вопросу независимости Царства Польского. Поэтому например нельзя считать случайностью обсуждение будущего государственного статуса Польши в ходе переговоров в январе-феврале 1916 г. британских политиков с полковником Хаузом, доверенным лицом президента США В. Вильсона²⁰⁶.

---

²⁰⁵ Jędrzejewicz W. Wspomnienia. Wrocław, 1993. S. 31.

²⁰⁶ Архив полковника Хауза. Т.П. М., 1937. С. 99, 138.

Существенно дальше Антанты в польском вопросе применительно к Царству Польскому пошли Центральные державы, хотя и они не сразу после оккупации этой провинции решились на радикальные шаги. Как писал в своих мемуарах германский канцлер Т. Бетман-Гольвег, «польский вопрос оставался без движения так долго, как долго взаимоотношения трех империй не изменялись коренным образом...

Теоретически всего лучше было бы оставить эту проблему без решения на всем протяжении войны. Однако после того, как война не была прервана в одной из начальных фаз, не позже первых месяцев 1915 г., не могло быть и речи *o partie remise*»²⁰⁷.

Решительная перемена в позиции Центральных держав произошла в 1916 г., когда баланс сил в этом блоке окончательно изменился в пользу Германии. В начале апреля 1916 г. Бетман-Гольвег заявил в рейхстаге, что польский вопрос, который Центральные державы не хотели прежде ставить, «был открыт на полях сражений» и что «история не знает *status quo* после столь выдающихся событий»²⁰⁸. Это заявление было полной неожиданностью для Вены, надеявшейся получить согласие Германии на присоединение Царства Польского к Австрии. Во время визита Буриана в Берлин 4–5 апреля 1916 г. он узнал от Бетман-Гольвега о намерении Германии создать в Царстве Польском марионеточное буферное государство^[14]. В ходе напряженных переговоров 11–12 августа 1916 г. в Вене стороны принципиально договорились о создании на территории Царства Польского самостоятельного Польского королевства, полностью от них зависимого в экономическом, политическом и военном отношениях²⁰⁹. Австрийцам удалось только настоять на временном оставлении за ними оккупационной зоны. Но точная дата провозглашения этого государства не была установлена.

По утверждению С. Буриана, Германию на столь смелый шаг в польском вопросе подтолкнули два обстоятельства: распространявшийся слух о том, что Россия собирается пообещать полякам объединение и независимость всех их земель, а также желание сформировать польское войско, чего нельзя было сделать, пока Царство Польское не получило статуса государства²¹⁰. Т. Бетман-Гольвег причинами решения, помимо давления немецких военных, надеявшихся сформировать здесь союзную им польскую армию²¹¹, называет также: исчезновение надежд на сепаратный мир с Россией; нежелание отдавать все Царство Польское Австрии, в том числе и из опасения, что последняя может попасть под польский контроль; понимание невозможности как восстановления довоенного *status quo*, так и очередного раздела Польши.

В ряду причин августовского решения исследователи называют также стремление немцев воплотить в жизнь давно вынашивавшуюся ими идею Срединной Европы. Польское королевство должно было стать первым самостоятельным государством на западных окраинах Российской империи, призванным сыграть роль буфера между Великороссией и Германией. Затем аналогичные государства-сателлиты были бы созданы в Прибалтике, Финляндии и на Украине. Это освободило бы Германию от опасного соседства на востоке и облегчило ведение колониальной политики. Потому-то Берлин и пошел на поддержку и поощрение сепаратизма угнетенных народов. Что же касается Вены, то для нее согласие с Берлином означало отказ от идеи польско-австрийского решения судьбы Царства Польского. Но у Австро-Венгрии, более слабого союзника, не было иного выбора, как согласиться с Германией.

²⁰⁷ Sokolnicki M. Polska w pamiętnikach... S. 11–12.

²⁰⁸ Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski... T. I. S. 299.

²⁰⁹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Т. 1. М., 1923 С. 316–317.

²¹⁰ Sokolnicki M. Polska w pamiętnikach... S. 474.

²¹¹ Ibid. S. 13–15. Немецкие мемуаристы из числа военных, в частности генерал-фельдмаршал П. Гинденбург, Э. Людендорф, начальник штаба восточного фронта генерал М. Гофман, опровергали утверждение, что армия выступала с инициативой создания польского государства. – См. например: Sokolnicki M. Polska w pamiętnikach... S. 101–103; Hoffmann M. Wspomnienia (Wojna wśród niewykorzystanych sposobności). Warszawa, 1925. S. 123.

Решение о создании Польского королевства было откровенным нарушением международного права, разрешающего проводить территориальные изменения только на мирных конференциях. Не меньшим нарушением было бы и введение в этом эфемерном государстве всеобщей воинской повинности, т. е. прямое принуждение подданных России польской национальности к государственной измене со всеми вытекающими для них последствиями. Поэтому принятие проекта Польского королевства могло свидетельствовать только о том, что Центральные державы полностью разуверились в возможности сепаратного мира с Россией и решили пойти в польском вопросе ва-банк.

Окончательно позиции Австро-Венгрии и Германии по вопросу о будущем Царства Польского были согласованы на совещании с участием ведущих государственных и военных руководителей 18 октября 1916 г. Было решено создать полноценное польское государство после окончания войны, а до этого момента сохранить генерал-губернаторства, хотя немецкие военные настаивали на их слиянии, чтобы облегчить вербовку в будущий Польский вермахт²¹². Зато следовало немедленно приступить к формированию добровольческой польской армии под германским командованием и с участием австро-венгерских и немецких офицеров и унтер-офицеров²¹³.

О своем решении явочным порядком создать Польское королевство центральные державы объявили 5 ноября 1916 г. в манифесте, изданном от имени императоров Вильгельма II и Франца Иосифа генерал-губернаторами Безелером и Куком. Манифест был оглашен в Колонном зале Королевского замка в Варшаве, затем состоялись торжественное заседание Варшавского городского совета, прошли благодарственные демонстрации варшавян и студенческие митинги.

В манифесте провозглашалось создание самостоятельного, но не независимого Польского королевства на польских землях, которые Центральные державы силой своего оружия вырвали из-под русского господства. Это должно было быть государство с наследственной монархией и конституционным строем, тесно связанное с Германией и Австро-Венгрией. Весьма интригующе звучала фраза, что «в собственной армии будут продолжаться славные традиции польских войск прошлых времен и память героических польских товарищей по оружию в нынешней великой войне. Вопросы ее организации, обучения и руководства будут урегулированы в совместном соглашении»²¹⁴. Решение вопроса о будущем монархе и границах откладывалось на будущее. Что же касается судеб прусской и австрийской частей Польши, то в манифесте не было ни малейшего намека на возможность их объединения после победы с Польским королевством. Единственно, император Франц Иосиф пообещал в будущем расширить автономию Галиции, выделив ее в особую единицу в составе монархии²¹⁵. И на этот раз австрийцы проигнорировали польских политиков Галиции, уговаривавших их присоединить Царство Польское и преобразовать двуединую монархию в триалистическую. Вена уже не могла поступать вопреки воле немцев, серьезно опасавшихся превращения Дунайской монархии в славянскую империю в Центральной и Юго-Восточной Европе²¹⁶. С этого момента начался постепенный отход проавстрийских польских сил Галиции от ориентации на Вену.

Что же касается Германии, то она даже не намеревалась делать каких-либо жестов в отношении своих польских провинций, более того, Вильгельм II обещал военным по стратегическим соображениям включить в будущем в состав Германии некоторые западные районы Царства Польского. О марионеточном характере создаваемого государства свидетельствовало и

---

²¹² Piszczkowski T. Odbudowanie Polski... S. 45–46.

²¹³ Sokolnicki M. Polska w pamiętnikach... S. 16–17, 477–481.

²¹⁴ Polska w latach ruchu niepodległościowego... S. 22.

²¹⁵ Ibid. S. 22–23.

²¹⁶ Piszczkowski T. Odbudowanie Polski... S. 84–86.

сделанное 9 ноября генерал-губернаторами заявление, что они временно оставляют за собой всю полноту власти, но зато соглашаются на создание добровольческих Польских вооруженных сил (Польского вермахта).

По своему характеру и содержанию акт 5 ноября определенно перекликался с манифестом вел. кн. Николая Николаевича. Он также был издан не самими монархами, а государственными чиновниками от их имени, не содержал четкого определения будущих границ, не оставлял будущему государству свободы выбора союзников. Главное отличие состояло в том, что создание Польского королевства начиналось немедленно, не дожидаясь окончания войны и мирной конференции. Именно это обстоятельство оказало определенное пропагандистское воздействие как на поляков, так и на другие народы России, особенно прибалтийские, среди которых также были сильны сепаратистские настроения. Можно полностью согласиться с Бурианом, что «акт (5 ноября) не исполнил всех желаний и не разрешил еще всех трудностей. Но он дал свершившийся факт, который нельзя было отбросить. Возвращение Польши России стало так же невозможным, как и аннексия в пользу Центральных государств, да и Антанты, гордящаяся борьбой за свободу народов, должна была это событие принять в расчет, хотя и с не самыми любезными комментариями»²¹⁷.

Сколько бы ни говорили о том, что этот шаг Центральных держав не имел серьезного значения, что он был сугубо конъюнктурным, продиктованным единственно желанием пополнить польских солдат, нельзя отрицать того, что этим нарушением норм международного права Берлин и Вена открыли путь к тому, что проблема Царства Польского приобрела открытый международный характер.

Российская сторона не могла оставить без комментария столь вопиющее покушение на ее суверенитет, хотя бы для того, чтобы сохранить лояльность своих подданных-поляков и предотвратить опасность их массового дезертирства на фронте. 15 ноября русское правительство осудило очередное попрание Центральными державами норм международного права, «которое запрещает принуждение жителей занятой территории поднимать оружие на их собственную родину», и назвало создание Польского королевства незаконным актом²¹⁸. Вслед за Россией это сделали и союзники. Но одного осуждения было недостаточно для нейтрализации выпада Центральных держав. Николаю II не оставалось ничего другого, как сформулировать позицию России по польскому вопросу. И он сделал это в рождественском приказе по армии и флоту от 25 декабря 1916 г. В числе главных целей войны для России была названа аннексия польских земель Австро-Венгрии и Германии с их последующим объединением с Царством Польским на правах широкой автономии в составе империи Романовых²¹⁹.

Публичное, откровенное провозглашение аннексионистских намерений России союзники восприняли со смешанными чувствами. Сами по себе планы России в польском вопросе не были для них секретом. Но они не спешили придавать им характер обязывающей договоренности, пока шла война. Помимо опасения, что это мобилизует немецкое общество и поколеблет доверие мирового сообщества к их пропаганде, построенной на тезисе, что ведется война демократий с агрессивным империализмом Центральных держав, были и другие соображения концептуального характера, главным образом у Лондона. Франция была сторонницей максимального ослабления Германии, вплоть до ее расчленения на отдельные государства. Поэтому на прошедших накануне Февральской революции 1917 г. англо-русско-французских переговорах в Петрограде Россия и Франция подписали соглашение, по которому Россия, взамен за согласие Франции на переход к ней польских провинций Австрии и Германии, признала ее право на Эльзас и Лотарингию. Великобритании же была нужна побежденная, но сильная

---

²¹⁷ Sokolnicki M. Polska w pamiętnikach... S. 481.

²¹⁸ Polska w latach ruchu niepodległościowego... S. 23.

²¹⁹ Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów... S. 316–317.

Германия как противовес влиянию Франции на континенте и фактор сдерживания экспансии России в Азии. Но этой своей позиции она не озвучивала, дабы не спровоцировать Россию на сепаратный мир. Что касается США, то В. Вильсон в январе 1917 г. выразил свое удовлетворение тем, что государственные мужи Европы высказались за возрождение польского государства²²⁰.

Таким образом, в два последних месяца 1916 г. в судьбе польского вопроса произошла кардинальная перемена, парадокс которой заключался в том, что и Пилсудский, и Дмовский с равным основанием могли считать, что наступило время практической реализации их довоенных концепций. Причем у Пилсудского была теоретическая возможность сделать это немедленно, а Дмовскому нужно было подождать окончания войны, а пока что заняться подготовительными мероприятиями.

Нет ничего удивительного в том, что Пилсудский и все согласные ограничить решение польского вопроса одними российскими владениями бывшей Речи Посполитой²²¹ с энтузиазмом восприняли ноябрьский манифест как акт, предоставлявший независимость русской Польше. Сходные чувства испытывали поляки Галиции, причем основную заслугу в этом «историческом свершении» они приписывали Пилсудскому²²². Не менее восторженно манифест 5 ноября был принят сторонниками Пилсудского за рубежом²²³.

Казалось, наступил звездный час бригадира. Тем более что к моменту оглашения манифеста 5 ноября он превратился в политика, которому в очередной раз нужно было начинать все сначала. Не добившись интригами согласия австрийцев на передачу легиона под его командование, Пилсудский 29 июля 1916 г. подал рапорт о демобилизации из легиона. Расчет на то, что с помощью шантажа ему удастся достичь заветной мечты, не оправдался. В конце сентября 1916 г. рапорт был удовлетворен.

Не исключено, что к моменту отставки Пилсудский знал о намерении Берлина радикально изменить статус Царства Польского, если уже в августе 1916 г. парижские газеты писали о скором провозглашении акта о создании Польского королевства²²⁴. Он конечно же видел, что поляки этой провинции не очень доверяют немцам и австрийцам, хотя те и шли им навстречу в ряде вопросов. А без такого доверия не могло быть и речи о привлечении добровольцев в Польский вермахт, что было главной целью плана Берлина и Вены в отношении Царства Польского. Пилсудский, к этому времени ставший, пожалуй, наиболее заметной фигурой на политической сцене в Царстве Польском и Галиции, надеялся заключить с Центральными державами сделку: за помощь в формировании армии Польского королевства получить пост ее командующего.

Но бригадир и на этот раз переоценил свои возможности. Берлин и Вена с самого начала решили, что командовать Польским вермахтом будет генерал Г. Безелер, и не собирались менять своего решения. С большим трудом сторонникам Пилсудского удалось 8 декабря 1916 г. получить от Безелера согласие на приезд бригадира из Кракова в Варшаву (для проезда из одной зоны оккупации в другую нужен был пропуск). Генерал-губернатор также ввел его в состав конституировавшегося 14 января 1917 г. Временного государственного совета (ВГС)

²²⁰ Ibid. S. 137–138.

²²¹ Пилсудский в это время вообще не думал о судьбе польских земель в составе Германии. Еще в конце 1916 г. он полагал, что Познань и Гданьск отойдут к Польше не раньше, чем через 20–30 лет. – Jędrzejewicz W., Cisek J. Kalendarium życia Józefa Piłsudskiego 1867–1935. T. I (1867–1918). Wrocław, 1994. S. 363.

²²² В качестве образчика такой реакции можно привести отправленное на его имя следующее приветствие: «Собравшиеся 12 ноября т. г. в Новом Тарге на торжественное собрание по случаю провозглашения Польского государства легионеры всех бригад и граждане всех сословий местного общества воздают почести творцу легионов и выражают надежду, что тот, который мощью своего великого духа создал легионы, организует Польскую армию, что приведет к возрождению вольного польского народа». – Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 476 к. Оп. 2. Д. 39. Л. 98.

²²³ РГВА. Ф. 476 к. Оп. 1. Д. 39. Л. 42.

²²⁴ Pajewski J. Wokół sprawy polskiej... S. 42.

в качестве референта (руководителя) военной комиссии. На создание военного департамента немцы не согласились, поскольку Польский вермахт не подчинялся ВГС.

Обнародованная Николаем II в ответ на манифест 5 ноября позиция по польскому вопросу была воспринята Р. Дмовским и его единомышленниками как подтверждение правильности их проекта движения поляков к независимости. Теперь, в случае победы Антанты, им удалось бы реализовать первую часть своей концепции – объединить все польские земли на началах автономии в пределах одного государства. После этого можно было идти дальше, от автономии – к независимости и суверенитету (следует отметить, что XX в. знает не один случай успешной реализации подобных сценариев).

Что же касается СДКПиЛ и ППС-левицы, то национальный вопрос их интересовал только как одно из средств ослабления царизма. Хотя манифест от 5 ноября они осудили как нарушение прав польского народа²²⁵, но своего плана создания польского государства не предлагали. Они по-прежнему уповали на «мировую революцию», никакой практической подготовки к взятию власти и после акта о создании Польского королевства не вели.

III.3. На пути к окончательному решению польского вопроса

В феврале 1917 г. в России неожиданно для многих, с пугающей быстротой и абсолютно бескровно произошла революция. На политическую авансцену вышли люди, в большинстве своем не имевшие опыта государственного управления и не очень четко понимавшие государственные интересы России. Зато многие искренне верили в долгожданное наступление эры братства народов, свободы и справедливости.

Первоначально власть оказалась в руках умеренных политиков, составивших Временное правительство. Социальные радикалы разных мастей группировались вокруг Советов рабочих и солдатских депутатов. Именно их творением был приказ Петроградского Совета № 1 от 1 (14) марта о демократизации армии, в равной степени заслуживающий называться и глупостью, и предательством, поскольку он, вводя выборность командиров и всевластие солдатских комитетов, стимулировал развал русской армии. Причем инициаторами его были вовсе не большевики, якобы купленные за германское золото.

Сходным по духу было и воззвание Петроградского совета от 27 марта 1917 г. «Поляки», признававшее право польского народа на полную государственную самостоятельность. Решение столь непростого дела, как выход какой-то территории из состава государства, не оговоренный какими-либо условиями, не мог не привести к недоразумениям, спорам и конфликтам в момент его практической реализации. Несомненно, что одним из наиболее конфликтогенных был вопрос о границах новой Польши. Вожди Петросовета, пришедшие в политику еще до войны, не могли не знать, что польские лидеры и общество видели независимую Польшу не в этнографических, а в исторических границах Речи Посполитой 1772 г. Поскольку российские политические партии, исключая большевиков, не собирались признавать за украинцами, белорусами и литовцами права на самоопределение вплоть до отделения, российско-польский территориальный конфликт становился в будущем неизбежным.

Сформулировало свое отношение к польскому вопросу и Временное правительство. 29 марта появилось его обращение «Народу польскому». Авторы этого документа также признали право поляков на независимость, но на определенных условиях. Во-первых, восточная граница будущей Польши определялась бы по этнографическому, а не историческому принципу^[15], во-вторых, ей надлежало заключить «свободный военный союз» с бывшей метрополией, чтобы исключить возможность перехода на враждебные России позиции. Все практические вопросы выхода Царства Польского из состава России Временное правительство оставляло на усмотре-

---

²²⁵ Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów... S. 305–311.

ние Учредительного собрания, единственно уполномоченного принимать решения по вопросу границ. И, конечно же, само собой разумеющимся был республиканский характер будущего польского государства. Позиция Временного правительства по польскому вопросу получила полную поддержку союзников²²⁶.

Временное правительство согласилось на создание Польской ликвидационной комиссии во главе с известным московским адвокатом А. Ледницким. В ее состав входили представители как российской колонии, так и правительства в ранге вице-министров. Комиссия должна была заниматься подготовительными работами к разъединению Царства Польского с Россией, вести учет польских культурных и материальных ценностей, незаконно вывезенных в Россию после разделов Речи Посполитой, а также эвакуированных в первый год Великой войны, оказанием помощи польским беженцам и т. д.

Правительство также разрешило создать в России польскую армию. Сформированная в 1915 г. на базе Пулавского легиона бригада в начале 1917 г. была преобразована в дивизию, а в июле того же года А. Ф. Керенский дал согласие на формирование одного корпуса. 1-й польский корпус под командованием генерала Ю. Довбор-Мусницкого был дислоцирован в Белоруссии. Он очень скоро достиг численности порядка 23 тыс. солдат и офицеров, но уже к ноябрю его ряды сократилась до 15 тыс. человек²²⁷. Два других корпуса формировались на Украине.

Несомненно, создание Ликвидационной комиссии и польской армии в России свидетельствовало о серьезности намерений новой России решить польский вопрос в соответствии с позицией, сформулированной в обращении Временного правительства. Это означало, что процесс превращения этого вопроса из внутреннего дела Австро-Венгрии, Германии и России в открытый международный вопрос завершен²²⁸. Теперь в его решении могли участвовать все державы, заинтересованные в будущем устройстве Центральной Европы, причем не только европейские, но и США, вступившие в войну в начале апреля 1917 г. Первыми этой возможностью воспользовались французы. В июне 1917 г. они, с ведома российского посольства в Париже, приступили к созданию «польской автономной армии» из поляков, служивших в русских и канадских частях на Западном фронте, добровольцев из США и из числа военнопленных. Дмовский и его сторонники к этому решению отношения не имели, но не преминули им воспользоваться.

Дмовский, который после выезда в конце 1915 г. на Запад занимался пропагандой своей концепции решения польского вопроса среди государственных мужей и политиков Лондона, Парижа и Рима, быстро оценил открывшиеся перед поляками новые возможности обретения независимости. Отказавшись от прорусской линии, он приступил к подготовке почвы для создания независимого, суверенного, объединенного польского государства с опорой на западные державы. Организационным центром, занявшимся этим делом, стал созданный в августе 1917 г. в швейцарском городе Лозанна второй Польский национальный комитет (ПНК), вскоре перенесший свою штаб-квартиру в Париж. В состав парижского ПНК вошли национальные демократы и реалисты, возглавил его Р. Дмовский. Были созданы представительства комитета в Англии, США, Италии и Швейцарии. В сентябре-октябре того же года ПНК был признан правительствами Франции, Великобритании и Италии в качестве представителя интересов польского народа, что создавало легитимную основу для его деятельности и позволяло вступить в

---

²²⁶ Ibid. S. 337–338.

²²⁷ Wrzosek M. Polskie formacje wojskowe podczas I wojny światowej. Białystok, 1977. S. 217.

²²⁸ Польское коло в Галиции 28 мая 1917 г. приняло резолюцию, гласившую, что «единственным стремлением польского народа является восстановление независимой, объединенной Польши с доступом к морю, и солидаризируется с этим решением. Польское коло далее констатирует международный характер этого вопроса и считает его реализацию гарантией прочного мира». Но надежду на реализацию этого права авторы резолюции связывали с «благоклонным к нам императором Австрии». — Polska w latach ruchu niepodległościowego... S. 24.

регулярные отношения с державами Антанты и США. Весьма значимым событием стала передача в феврале 1918 г. под политическое руководство ПНК польской армии во Франции²²⁹. Несомненно, это были успехи не только Дмовского и его сторонников, но и польского народа, они существенно облегчали ему движение к объединению и обретению суверенитета.

А вот надежды Пилсудского на то, что сотрудничество с немцами будет развиваться успешнее, чем с австрийцами, не оправдались. Войдя в состав первого верховного органа государственной власти Польского королевства, он в течение полугода добивался переподчинения Польского вермахта Временному государственному совету, настаивал на скорейшем создании полноценного правительства и решении вопроса о монархе, безуспешно пытался добиться поддержки своих требований коллегами по ВГС.

Свою значимость Пилсудский пытался доказать демонстрацией влияния Польской военной организации, насчитывавшей в марте 1917 г. около 15 тыс. членов, в то время как в армии Безелера в начале 1917 г. было около 3 тыс. человек. Для обеспечения возможностей явной деятельности ПОВ 11 января 1917 г. он формально подчинил ее Временному государственному совету. Тем самым получалось, что ПОВ признала ВГС польским национальным правительством. Члены ПОВ принимали участие в различных массовых общественных и религиозных мероприятиях и торжествах. Были организованы офицерские курсы, регулярно проводились учения волонтеров. На имидж ПОВ работали также военно-спортивное общество «Пехур», различные общественные организации, пресса. Но усилия Пилсудского оказались тщетными, он так и не получил под свое командование Польский вермахт.

Не найдя поддержки своих планов у Германии, Пилсудский в очередной раз вынужден был определяться с дальнейшими планами. Он потерял должность в легионе, но не получил армию Польского королевства и теперь мог рассчитывать только на Польскую военную организацию, которой он и так безраздельно командовал с момента ее создания. Круг замкнулся. По приказу Пилсудского ПОВ вновь перешла на нелегальное положение, прекратила вербовку в легион. В дополнение к ПОВ были созданы и другие конспиративные структуры – Военный союз, в который вошли надежные и проверенные члены ПОВ и близкие бригадиру политики²³⁰, а также Конвент, который должен был заменить его в случае ареста немцами. Бригадир даже вел переговоры о возвращении на австрийскую службу, но получил отказ, раздумывал о переходе через линию фронта на русскую сторону, где пользовался авторитетом у польских военных. Все эти разнонаправленные действия могли свидетельствовать о том, что Пилсудский растерялся, не очень хорошо представлял себе вектор дальнейших действий. Нередко встречающиеся в литературе утверждения, что к этому моменту он был уверен в победе Антанты и поэтому хотел эффектно порвать с немцами, не очень убедительны. Скорее, это всего лишь еще один из мифов, сопровождавших его политическую биографию. Вряд ли кто-нибудь в первой половине 1917 г. мог с уверенностью предсказать исход войны.

Неожиданным выходом из очередной кризисной ситуации стал для Пилсудского его арест немцами в июле 1917 г. Поскольку по времени он следовал после так называемого кризиса с присягой, то обычно их связывают друг с другом. Суть этого кризиса заключалась в следующем. В апреле 1917 г. австрийцы передали польский легион в состав Польского вермахта, в связи с чем возникла необходимость новой присяги легионеров. Сам Пилсудский и его ближайшие соратники, к этому времени уже покинувшие легион, повели среди своих товарищей по оружию негласную пропаганду против принесения новой присяги, хотя это и грозило серьезными дисциплинарными последствиями. Пилсудский был против ее текста, представлявшего собой клятву верности Польскому королевству и будущему польскому королю, а также братству по оружию с германской и австро-венгерской армиями. В знак протеста против утвержде-

²²⁹ Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski... T. I. S. 346.

²³⁰ Nałęcz T. Polska Organizacja Wojskowa 1914–1918. Warszawa, 1984. S. 132–133.

ния ВГС текста присяги бригадир 2 июля оставил пост референта военной комиссии ВГС. Тем самым он признал крах своих планов, связанных с Германией.

9 июля 1917 г. большая часть легионеров из 1-й и 3-й бригад, а также артиллерийского полка присягать отказались. За это около 3,3 тыс. легионеров из числа российских подданных были разоружены и изолированы в лагерях в Щиперно (рядовые) и Беньяминово (офицеры). Примерно 3,5 тыс. австрийских граждан были включены в австро-венгерскую армию и отправлены на Итальянский фронт. Около 7,5 тыс. легионеров, в том числе 2-я бригада под командованием полковника Юзефа Галлера, присягнули. Они были возвращены под австрийское командование и направлены в составе Польского вспомогательного корпуса на Восточный фронт, в район Буковины. Более 1 тыс. легионеров были оставлены в Польском королевстве для ведения вербовки в Польский вермахт.

Нередко в литературе отказ легионеров от принесения присяги трактуется как акт глубокого патриотизма. Но ведь эти же люди, в том числе и Пилсудский, в свое время присягнули австрийскому престолу (а вот большая часть Восточного легиона в 1914 г. этого не сделала), и это не считалось и не считается непатриотическим поступком. Совершенно очевидно, что отказ от присяги нужен был Пилсудскому, чтобы продемонстрировать главнокомандующему Польского вермахта Безелеру и Берлину силу своего влияния. Эту демонстрацию вряд ли можно считать успешной, большинство легионеров не пошло за бригадиром. После этого теста немцы совершенно спокойно могли устранить доставлявшего им некоторые неудобства Пилсудского из Варшавы и из активной политической жизни. 22 июля 1917 г. он был арестован, вывезен в Германию и спустя месяц интернирован в Магдебургской крепости на правах военнопленного высокого ранга. Здесь он в полной изоляции пребывал до начала ноября 1918 г.

Тот факт, что Пилсудский был лишен возможности заниматься политической деятельностью, как это ни странно, обернулся в конечном счете его политическим выигрышем. Он не был связан с властными институтами Польского королевства и Польским вермахтом, а тем самым и с оккупационным режимом. По мере компрометации всех этих структур рос политический капитал Пилсудского. На его имидж активно работали и оставшиеся на свободе сторонники. Начиная с 1915 г. их усилиями стала оформляться традиция празднования дня его именин 19 марта как важнейшего общественного события. Такие торжества были организованы и в марте 1918 г.²³¹ Наконец, на миф Пилсудского работал сам арест, преподносимый его адептами обществу как жертва, которую их кумир принес на алтарь свободы польского народа.

Но лагерь «активистов» был представлен не одним Пилсудским, его неудача не привела к уходу с политической сцены деятелей, видевших в Польском королевстве перспективный проект. Они не собирались ограничиваться теми небольшими уступками в области государственного управления и образования, на которые согласились Берлин и Вена в отношении Временного госсовета. Успешно заложив основы национальной администрации, судопроизводства, образования и армии, ВГС в конце августа 1917 г. подал в отставку.

12 сентября 1917 г. варшавский и люблинский генерал-губернаторы обнародовали патенты своих императоров, определявшие систему высших органов государственной власти Польского королевства. До момента призвания на польский трон короля или регента верховная власть передавались регентскому совету. В него вошли архиепископ Варшавский А. Каковский, князь З. Любомирский и помещик Ю. Островский. Были также созданы государственный совет, выполнявший функции парламента, и правительство. Первым премьер-министром стал историк Я. Кухажевский. Характерно, что среди членов высших органов власти Польского королевства были не только «активисты», но и реалисты, после свержения самодержавия начавшие склоняться к участию в строительстве Польского королевства. Поддерживавшие Пилсудского партии левой ориентации своих представителей в формирующиеся институты

²³¹ См. об этом: Матвеев Г. Ф. Пилсудский. С. 238–239.

власти не направили, но заняли по отношению к ним позицию доброжелательного нейтралитета. Краковский Главный национальный комитет в связи с началом конституирования Польского королевства без опоры на Австро-Венгрию счел свое дальнейшее существование лишенным смысла и прекратил деятельность.

Таким образом, осенью 1917 г. польский вопрос решался по двум, параллельно развивавшимся, направлениям. При этом все понимали, что теперь, каков бы ни был исход войны, ситуация не могла вернуться к состоянию *status quo ante*. В худшем случае появилось бы марионетное польское государство на территории бывшего Царства Польского, скорее всего утратившее ряд земель на западе, севере и востоке в пользу Германии. Но все равно в политическом плане это было бы больше того, что поляки имели до 1914 г.

Приход к власти в России большевиков в октябре 1917 г. внес новые моменты в развитие польского вопроса. Они были связаны не столько с оглашением «Декрета о мире» и «Декларации прав народов России»²³², сколько с начавшимися по инициативе украинской Директории и Совета народных комиссаров РСФСР мирными переговорами в Брест-Литовске. Их результатом стали передача Холмщины Украинской народной республике, а также обязательство советской стороны аннулировать все соглашения о разделах Речи Посполитой, заключенные в XVIII в. с Пруссией и Австрией. Эти решения делали неизбежными будущие споры между Польшей, с одной стороны, и Россией, Литвой, Белоруссией и Украиной, с другой, за «забранные земли», или восточные кресы, т. е. многонациональные восточные территории, входившие в состав шляхетской Речи Посполитой до ее разделов. Передача Центральными державами Холмщины Украине нанесла мощнейший удар по «активистам». Если даже у кого-то из них до 9 февраля 1918 г. еще теплилась надежда, что Берлин и Вена в случае победы присоединят к Польскому королевству бывшие восточные кресы Речи Посполитой, то после Брестского мира с УНР она умерла. Авторитет «активистов» в обществе, большинство членов которого оставалось в оковах мышления категориями Польши в границах до 1772 г. или несколько модифицированными, был непоправимо подорван. Только национальные демократы предлагали проведение восточной границы Польши западнее, по линии второго раздела шляхетской Речи Посполитой в 1793 г.²³³ Конечно, были и другие причины, по которым властные институты Польского королевства взяли курс на ослабление связи с Центральными державами. Какую-то роль несомненно сыграло вступление в боевые действия американской армии, а также отсутствие успехов Четверного союза на фронтах.

13 февраля 1918 г. регентский совет в обращении к польскому народу осудил Брестский мир с Украиной как новый раздел Польши, так же поступили польские коло в рейхстрате и рейхстаге, «краковские консерваторы» отослали императору свои награды. В знак протеста против уступки Холмщины Украине подали в отставку правительство Кухажевского (польского премьера, несмотря на все его старания в Берлине и Вене, не пригласили на конференцию в Брест) и генерал С. Шептицкий, незадолго до этого назначенный на пост люблинского генерал-губернатора. Бывшая 2-я бригада легиона отказалась подчиняться австрийцам²³⁴. Полторы тысячи из 7 тыс. бойцов этой бригады вместе с ее командиром Ю. Галлером перешли на русскую сторону и были включены в состав 2-го польского корпуса в России. Остальных австрийцы интернировали и осудили как дезертиров. 11 мая под Каневом на Украине 2-й польский корпус был разгромлен немцами, многие бывшие бойцы 2-й бригады попали в плен. Галлер этой участи избежал, выехал в июне через Мурманск во Францию и был назначен командующим польской армии, называемой по цвету мундиров, выданных им французами из

²³² См. об этом: Матвеев Г. Ф., Липинская-Наленч Д., Наленч Т. Начало// Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 21–23.

²³³ Czapiewski E. Białoruś między Polską a Rosją Radziecką – Litbel... S. 39.

²³⁴ Подробнее о протестах см.: Holzer J., Molenda J. Polska w pierwszej wojnie S. 273–274.

стратегических запасов, «голубой». Вскоре перестал существовать и 1-й польский корпус в России.

Вначале Довбор-Мусницкий заключил с немцами соглашение о совместной борьбе с Красной армией, а 21 мая – о разоружении корпуса и разрешении его бойцам вернуться домой. Таким образом, к июню 1918 г. прекратили существование все те польские воинские формирования на стороне Центральных держав и России, которые вели свое начало из 1914 г.

Несмотря на демонстративный протест против беззастенчивого распоряжения Центральными держав территориями, которые поляки считали своими, государственные деятели Польского королевства не прекращали сотрудничать с Берлином и Веной. В апреле 1918 г. было сформировано новое правительство во главе с Я. Стечковским, попытавшееся добиться согласия Берлина и Вены на передачу ему всей полноты административной власти в Польском королевстве. Его активно поддерживал приступивший в июне к работе Государственный совет, состоявший из 110 членов (половина была назначена регентским советом, другая – избрана в многоступенчатых выборах), задачей которого было принятие законопроектов, подготовленных правительством и им самим. Однако их усилия оказались безрезультатными. Административная власть по-прежнему оставалась в руках немецкого гражданского комиссара при регентском совете графа Г. Лерхенфельд-Кёферинга и главы гражданского управления О. Штейнмейстера, военная – Г. Безелера²³⁵. Центральные державы не хотели выпускать из-под своего контроля Польское королевство, в том числе и опасаясь затруднения транспортного сообщения с Обер-Ост. В связи с этим в конце августа правительство Стечковского ушло в отставку.

Приход к власти в России большевиков был с энтузиазмом встречен польскими революционерами. Тысячи поляков приняли участие в свержении Временного правительства и строительстве советского государства. Наиболее влиятельными среди них были Ф. Держинский, Ю. Уншлихт, Я. Ганецкий, Ю. Лещинский-Леньский, К. Радек, занимавшие высокие государственные и военные посты в Советской России. В 1918 г. начала формироваться польская Западная дивизия. Но в самих польских землях до окончания мировой войны благоприятных условий для подъема революционной волны не было.

После прорыва войсками Антанты Салоникского фронта на Балканах в сентябре 1918 г. в скором поражении Четверного союза перестали сомневаться даже высшие немецкие офицеры. В атмосфере стремительно приближавшегося окончания Великой войны возникли благоприятные условия для преодоления раскола польского политического лагеря, который обозначился в начале XX в. по вопросу о путях восстановления независимости Польши. Сохраняла смысл только проантантовская ориентация, и на этом направлении Р. Дмовскому и Польскому национальному комитету удалось добиться существенных успехов. Президент США В. Вильсон в своей январской 1918 г. «Программе мира» («14 пунктов») и руководители держав Антанты на встрече в июне 1918 г. признали право поляков на возрождение независимого государства с доступом к морю, но в этнографических границах. Конечно, пока что это были лишь своего рода декларации о намерениях, предстояло еще завершить войну и решить не одну задачу, связанную с конституированием государства, 123 года отсутствовавшего на политической карте Европы. Но лидеры держав Антанты 3 июня 1918 г. выступили в Версале с совместной декларацией, в которой публично оповестили мировую общественность о том, что «создание объединенной и независимой Польши с доступом к морю является одним из условий справедливого и прочного мира и восстановления права в Европе. Союзные государства с удовлетворением приняли заявление государственного секретаря Лансинга, что Соединен-

---

²³⁵ Suchcitz A. Administracyjna i wojskowa spuścizna po państwach centralnych w listopadzie 1918 roku // U progu niepodległości Polski. Wrzesień 1918 – marzec 1919. Londyn, 1990. S. 64.

ные Штаты присоединяются к этой мысли»²³⁶. Отказаться от своего слова на будущей мирной конференции вряд ли было возможно. К конкретизации своей позиции по польскому вопросу их подталкивали и соображения более существенного свойства. Заключив мирные договоры в Бресте с Украиной и РСФСР, Центральные державы практически вывели Россию из числа великих держав, обеспечили себе возможность создать на востоке буферную зону из зависимых от них государств-лимитрофов. Польское королевство в этих немецких планах играло ключевую роль, поэтому державам Антанты важно было привлечь его на свою сторону²³⁷.

Свидетельством происходившей консолидации правой части польского политического класса можно считать публикацию воззвания «К польскому народу» регентского совета от 7 октября 1918 г. В нем были повторены основные постулаты западных союзников по польскому вопросу: создание из всех польских земель и с доступом к морю независимого в политическом и хозяйственном отношении государства, существование которого будет гарантировано международными договорами. Авторы воззвания объявили также о намерении распустить Государственный совет, исполнявший роль сейма, создать правительство с представительством всех партий, подготовить закон о выборах и созвать сейм, которому будет передана власть²³⁸. Но и после этой декларации бразды правления продолжали оставаться в руках немцев, лишь 9 ноября Безелер пообещал передать власть регентскому совету 1 декабря 1919 г.²³⁹

Принятие регентским советом 12 октября решений о взятии под свое командование Польского вермахта и изменении текста присяги было следующим шагом в консолидации политического класса. Тем самым блокировалось использование в интересах Германии и во вред польскому делу этого воинского формирования, насчитывавшего в октябре 1918 г. 352 офицера, 1037 унтер-офицеров и 3424 солдата²⁴⁰. 23 октября было сформировано последнее правительство Польского королевства во главе с национальным демократом Ю. Свежиньским, объявлено о ликвидации границы между австрийской и немецкой оккупационными зонами, устранении пограничной стражи и таможенных постов. 30 октября в Люблин был назначен правительственный комиссар, который должен был установить гражданское управление в австрийском генерал-губернаторстве с помощью существовавшей там администрации.

«Пассивисты» и «активисты» как политические направления перестали существовать, правое крыло политического спектра сомкнулось. К нему тянулись и центристы, лидер ПСЛ-Пяст Винценты Витое к этому времени уже вступил в Национальную лигу. Что же касается левых партий во главе с ППС, то они в состав Госсовета и правительства по причине однозначно правого облика последних не вошли и консолидироваться с правыми и центристскими партиями не торопились.

Вторая половина октября 1918 г. стала временем освобождения польских земель из-под власти австрийцев. Предпринятая 16 октября 1918 г. императором Карлом попытка сохранить государство Габсбургов путем его перестройки на федеративной основе успеха не имела. В различных частях империи набирали силу сепаратистские движения, воодушевленные туманными обещаниями западных лидеров перестроить Европу с учетом воли населяющих ее народов²⁴¹. 10 октября польские политики из Галиции заявили о выходе этой провинции из состава

²³⁶ Dąbrowski J. Polska w latach ruchu niepodległościowego... S. 32.

²³⁷ Piszczkowski T. Odbudowanie Polski... S. 107.

²³⁸ Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów... S. 415. Незадолго до этого, 13 июня 1918 г., правительство Стечковского в своем коммюнике не согласилось с этой позицией Антанты. – Szymiczek Fr. Walka o Śląsk Cieszyński w latach 1914–1920. Katowice, 1938. S. 34–35.

²³⁹ Suchcitz A. Administracyjna i wojskowa spuścizna... S. 64.

²⁴⁰ Демонстративное изменение статуса Польского вермахта хотя и не освободило его от немецкого контроля, тем не менее способствовало резкому увеличению притока в него добровольцев. 2 ноября в нем числилось уже 9232 военнослужащих. Главным образом это были бывшие интернированные legionеры, солдаты I польского корпуса Довбор-Мусницкого и члены ПОВ. – Suchcitz A. Administracyjna i wojskowa spuścizna... S. 67–68.

²⁴¹ Один из первых биографов В. Вильсона писал: «В период экзальтации чувств на заключительной стадии войны народы

Австро-Венгрии, еще дальше пошли их коллеги из Тешинской Силезии. Созданный ими 19 октября Национальный совет Тешинского княжества взял эту территорию со смешанным польско-чешско-немецко-еврейским населением под свое управление.

Но практический переход власти к польским органам начался лишь 28 октября, когда стало известно о просьбе Вены остановить военные действия на фронте. В Кракове была образована Польская ликвидационная комиссия (ПЛК), ее исполнительный комитет возглавил В. Витое. Выдвижение на первый план этого крестьянского политика, депутата рейхсрата и одновременно войта (старосты) села Вежхославицы в Тарнувском повете, было знаменем времени. Многоопытные галицийские политики понимали, что война и связанные с ней напрасные жертвы (Австрия войну проиграла), разрушения, тяготы повседневной жизни привели к серьезной радикализации масс^[16].

Следовало не допустить стихийных, неконтролируемых выбросов разрушительной энергии, «оседлать» настроения масс и привлечь их к строительству Польского государства. И успешнее всего это мог сделать выходец из народа, лучше других знавший желания и стремления простых людей. Не случайно, что в этот момент уходят в тень «краковские консерваторы», многие десятилетия бессменно управлявшие Галицией. Остальные польские левые, центристские и правые политические партии этой австрийской коронной земли единодушно подписали выдержанную в социалистическом духе программу, составленную от имени Польского национального собрания Галиции и Силезии. В ней они пообещали создать демократическое государство, изъять землю у церкви и крупных собственников за вознаграждение и передать ее «под контролем народа» крестьянам, национализировать крупные лесные массивы, недра, транспорт, промышленные, кредитные и торговые предприятия общенационального значения, секуляризовать школу и сделать образование бесплатным, создать систему социальной защиты, установить 8-часовой рабочий день, ввести всеобщее и равное избирательное право. Левизну ПЛК должен был также подчеркнуть демонстративный отказ от признания варшавских органов власти, созданных оккупантами.

Деморализованная поражением на фронте многонациональная австрийская гражданская и военная администрация Кракова не оказала ни малейшего сопротивления эмиссарам ликвидационной комиссии, впрочем, как и в других населенных пунктах провинции. Военнослужащие, особенно непольской национальности, торопились поскорее разъехаться по домам и не испытывали ни малейшего желания противодействовать новоявленным претендентам на власть. Тем не менее, отдавшие себя в распоряжение ПЛК польские легионеры и члены ПОВ, которые так и не дождались сигнала к общенациональному восстанию, демонстративно производили разоружение гарнизонов, брали под охрану военные объекты^[17]. Впоследствии эта вполне безопасная акция обросла легендой о разоружении страшных оккупантов (правда, из числа своих вчерашних сограждан) чуть ли не младшими школьниками²⁴².

В бывшем Царстве Польском ситуация развивалась не так стремительно и заметно сложнее. Во-первых, немцы, в отличие от австрийцев, не проявляли до 6 ноября признаков деморализации. Во-вторых, что важнее, местные политические партии не демонстрировали склон-

---

приняли Вильсона как настоящего пророка, а его слова стали живой силой, "стоящей целой армии" "В глазах миллионов людей, – писал австрийский граф Чернин, – его программа открыла целый мир надежды". Он поставил дело союзников на новую, моральную основу. Государственные деятели союзных держав, признавая мощь этой волны идеализма, тут же ухватились за нее как за средство унификации и "деморализации", а крупные американские газетные агентства помогли ее популяризации и превращению в легенду. Они даже перестарались. Довели мир до того, что он ожидал слишком многого. На союзные народы это действовало как укрепляющее и усиливающее средство, и одновременно служило подрыву единства Центральных держав, что и было сутью дела... Вся надежда была на Америку... Особой надеждой Вильсон был для слабых народов Центральной Европы, так как в нем видели добрую волю Америки». – Bacer R. S. Woodrow Wilson. Kształtowanie losów świata. Pamiętniki i dokumenty. T. I. Warszawa, 1924. S. 26.

²⁴² Примером живучести этого мифа может служить следующая работа: Rowiński J. Wkład Polskiej Organizacji Wojskowej w odzyskanie niepodległości // U progu niepodległości Polski... S. 81–99.

ности к взаимодействию, поэтому даже на территории австрийской зоны оккупации в бывшей русской Польше возрастание целенаправленной политической активности наблюдалось лишь в начале ноября, уже после капитуляции Австро-Венгрии. Причем эта активность развивалась в двух направлениях. Действовавшие в рабочей среде ППС, ППС-Левица, СДКПиЛ, Национальный рабочий союз, Бунд, Поале Цион приступили к созданию Советов рабочих депутатов. Первый Совет возник в Люблине 5 ноября, затем аналогичные представительные органы городских лиц наемного труда стали формироваться в других промышленных центрах Привислинского края. Но за пределы Царства Польского этот процесс не вышел, настроения национального солидаризма были сильнее чувства социального антагонизма. Да и в Конгрессовой Польше Советы рабочих депутатов не стали альтернативными органами власти, хотя такие поползновения, особенно в Домбровском бассейне, были. Дело в том, что доминировавшая в целом в Советах Польская социалистическая партия одновременно была главной силой во властных центрах, создававшихся с претензией на роль общепольского правительства.

7 ноября 1918 г. в Люблине по инициативе ППС было образовано Временное народное правительство во главе с лидером Польской социал-демократической партии Галиции и Тешинской Силезии И. Дашиньским. Оно опиралось на левые партии и организации, связанные в предшествующий период с Пилсудским. Левый облик правительства отчетливо проявился в его манифесте, более радикальном по содержанию, чем программа Польского национального комитета Галиции и Силезии. Главное отличие заключалось в том, что авторы манифеста планировали безвозмездное изъятие земли не только у крупных, но и средних владельцев и передачу ее «под контролем государства» трудящимся, а также участие работников в управлении частными предприятиями до момента их перехода в собственность государства. Кроме того в манифесте выражалась готовность к мирному сосуществованию с братскими литовским, белорусским, украинским, чешским и словацким народами, одобрялось восстановление бывшего Литовского государства в его исторических границах. Регентскому совету как органу, созданному в интересах оккупантов, а не польского народа, отказывалось в праве на дальнейшее существование²⁴³.

Активность польских политиков наблюдалась в литовско-белорусских землях, особенно в Вильно, этом крупнейшем центре польской общественной и культурной жизни на востоке бывшей Речи Посполитой. Как и в Царстве Польском, здесь не было единства в польском обществе, активистам национальной идеи противостояли сторонники социальных преобразований в советском духе. Однако ни у тех, ни у других не было возможностей для практической реализации своих проектов, пока власть в этих землях находилась в руках немецкого военного командования.

8 условиях поражения Германии и начавшейся революции польские политические партии в польских землях Пруссии также демонстрировали стремление к созданию национальных органов власти. Их ситуацию осложняло то, что по условиям Компьенского перемирия Германия должна была «очистить» только оккупированные ею территории, т. е. вернуться к границам 1914 г. 11 ноября 1918 г. тайный Центральный гражданский комитет, существовавший в Познани, легализовался как Народный совет, который спустя 3 дня был преобразован в Главный народный совет (ГНС). Этот орган находился под нераздельным влиянием национальной демократии, антинемецкий курс которой обеспечил ей в Великой Польше, Силезии и Поморье доминирование в польском политическом лагере.

ГНС, в силу объективных обстоятельств, не проявил стремления к превращению в общепольское правительство, а главное внимание сосредоточил на основательной подготовке к борьбе за объединение провинции с остальными частями Польши. 3–5 декабря 1918 г. в Познани состоялось заседание польского сейма провинции, избравшего новый Главный

---

²⁴³ Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów... S. 429–431.

народный комитет из представителей всех местных польских народных советов польских земель Пруссии, в том числе и гданьского, поскольку именно этот портовый город должен был стать морскими воротами Польши.

Таким образом, на всех территориях, которые поборники польской государственности считали частью будущей независимой Польши, возникли самостоятельные, не признающие друг друга центры власти, что не приближало, а лишь затрудняло консолидацию усилий польского народа в эпохальном для него деле возрождения родины. Конечно, это была временная трудность, способная лишь несколько осложнить, но не остановить начавшийся в годы войны процесс конституирования Польского государства. Возрождение Польши стало возможным прежде всего потому, что впервые за последние десятилетия сложилась благоприятная международная ситуация для решения польского вопроса. Германия и Австрия потерпели поражение и сами находились в ожидании вердикта победителей, которые должны были определить их новые границы и статус. Россия погрузилась в состояние хаоса и сохраняла лишь право, но не возможность влиять на то, какой и в каких границах будет воссоздана Польша. Собственные усилия поляков также сыграли определенную роль в возрождении их государства, причем усилия политические, а не военные. Самостоятельное польское присутствие на всех фронтах Первой мировой войны носило скорее символический характер и нормировалось великими державами соответственно их собственным потребностям.

Определенного ответа на вопрос, какая из главных политических сил – национальные демократы или пилсудчики – имела право на лавры триумфатора, не существует и до сих пор в польской исторической науке и обществе ведется спор: кого – Пилсудского или Дмовского – следует считать отцом-основателем независимой Польской республики.

В начале ноября 1918 г. польские политики оказались перед лицом ответственного решения – кто из них в этот судьбоносный для нации момент возьмет бразды правления в свои руки и сумеет консолидировать разобщенный политический лагерь. И таким политиком стал Ю. Пилсудский.

У Пилсудского на руках был козырь, которого не имел Дмовский, – его легенда. Можно процитировать в связи с этим фрагмент из опубликованной ранее ноября 1918 г. брошюры некоего Е. Закшевского «Польская политика и заключение в тюрьму Пилсудского»: «Каждый государственный муж может и должен ошибаться. Государственный деятель – это также вождь, который ведет народ на борьбу за развитие, за лучшее, за благосостояние, за национальные, политические или социальные права... Пилсудский ведет политику польского народа, определяет направление его действий и в своих действиях пользуется поддержкой подавляющего большинства народа, хотя у него нет политического аппарата, которым располагает каждый обыкновенный политик. Его имя на устах у всех. Каждое новое начинание, каждая новая гипотеза, каждое новое предложение, относящееся к нашим судьбам, сопровождается вопросом народа: а что говорит Пилсудский?... Все, и те, кто его сегодня любит, и те, кто с ним сегодня борется, чувствуют, что через 10 лет не будет ни одного более или менее крупного города в Польше, в котором бы ему не поставили памятник. В этот момент он выразитель безотнositельного польского интереса, борется за полноту требований и прав нации. Не избранный формально, без официального мандата – он является представителем всей Польши»²⁴⁴.

---

²⁴⁴ Zakrzewski J. Polityka Polska, a uwięzienie Piłsudskiego. B.m, b.r. S. 12.

Раздел II

Вторая Речь Посполитая (1918–1939)

Очерк I

Конституирование Польской республики 1918–1923 гг.

I.1. Становление институтов государственной власти: правительство, начальник государства, парламент, армия

В ноябре 1918 г., в условиях, кардинально отличавшихся от времен I Речи Посполитой до ее разделов, начался новый этап в истории польского народа. Вместо многонациональной сословной шляхетской республики с королем во главе рождалось основанное на принципе разделения властей современное демократическое государство польской нации, с равным доступом всех социальных групп к участию в политической и общественной жизни, с полноценной партийно-политической системой. Предстояло решить ряд сложнейших задач обустройства государственного бытия, многие из которых были порождены длившейся 123 года неволей. Наиболее важной из них было, несомненно, «внедрение» нового отношения поляков к государству – как к условию *sine qua non* существования суверенной нации в XX в. Для чего следовало радикально трансформировать их менталитет, приучить к тому, что это их собственное государство, за существование и развитие которого они несут всю полноту ответственности. Решать эту задачу предстояло политическим партиям и движениям, общественным организациям и властным институтам.

В годы Великой войны определились политические силы, которым предстояло возглавить этот процесс ментальной трансформации польской нации. Это были эндеки и пилсудчики, демонстрировавшие готовность и желание встать во главе возрожденного польского государства, когда для этого, в том числе и их стараниями, сложатся необходимые условия. После признания западными державами ПНК в качестве официального польского представительства и подчинения ему польской армии во Франции шансы национальных демократов представлялись предпочтительными, если бы не то, что у них не было вооруженных формирований ни в одной из частей Польши. Да и их лидер Р. Дмовский не спешил возвращаться в Варшаву, а сосредоточился на подготовке к нелегкой борьбе за будущие границы государства на Парижской мирной конференции. А другого равного ему по авторитету политика у национальных демократов в стране не было.

Пилсудчики поначалу были в худшем, чем эндеки, положении. Их ориентация на Центральные державы оказалась не столько ошибочной, сколько лишенной перспективы. Созданное оккупантами Польское королевство отказалось признавать, несмотря на давление немцев, даже Советская Россия. Задолго до конца войны прекратили существование легион и вспомогательный корпус. С лета 1917 г. они расстались со своим вождем, которого немцы надежно изолировали в крепости г. Магдебурга. Но неожиданно для многих Пилсудский к концу войны получил уникальный шанс. Вполне оправдала себя тактика опоры на нелегальные структуры военно-политического характера – Польскую военную организацию (ПОВ) и Конвент. В самый ответственный момент перемены власти они сумели быстро мобилизовать свои, пусть и не очень многочисленные, ряды и вместе с так и не превратившимся в серьезную военную силу Польским вермахтом стали реальным аргументом в пользу Пилсудского. Конечно, на мажде-

бургского узника работал и его культ как последовательного борца за освобождение Царства Польского, формированием которого в обществе занимались его горячие поклонники из числа политиков и деятелей культуры. Интернирование Пилсудского способствовало его очищению в глазах многих поляков от обвинений в сотрудничестве с двумя империями, владевшими польскими землями, против третьего поработителя Польши^[18]. Не забывали Пилсудского и варшавские политики из лагеря «активистов». Один из регентов, князь З. Любомирский, обращался к германскому руководству с просьбой освободить Пилсудского и разрешить ему вернуться в Варшаву. В последнем правительстве регентского совета бывшему бригадиру австро-венгерской армии был зарезервирован пост военного министра.

В последние недели войны об узнике вспомнили и в Берлине. Там понимали, что победители не позволят оставить немецкую армию на оккупированных территориях на востоке и ее придется возвращать домой. Сделать это, обходя стороной польские земли, будет очень сложно. А раз так, то нужно, чтобы поляки не чинили препятствий эвакуации по железным дорогам Польского королевства. И лучше других решить проблему мог Пилсудский, никогда не страдавший германофобией. Не исключено, что немцы опасались и того, что власть в возрождающейся Польше возьмут национальные демократы, считавшие Германию главным врагом их родины. 31 октября 1918 г. Пилсудского в Магдебурге посетил посланец германского правительства граф Г. Кесслер, познакомившийся с бригадиром еще в 1916 г. на Волынском фронте. Следующий визит состоялся 6 ноября. Накануне германское правительство решило освободить Пилсудского. Проведенные встречи показали, что тот не изменил своих взглядов и готов помочь немцам, не подписывая при этом никаких деклараций о лояльности Германии. Важность достигнутого взаимопонимания была столь велика, что, несмотря на начинающуюся революцию, была организована экстренная переброска Пилсудского на родину. Сначала его на автомобиле срочно доставили из Магдебурга в Берлин, а 9 ноября 1918 г. из германской столицы в Варшаву отправился литерный поезд, увозя Пилсудского навстречу исполнению предсказания «Царем будешь!», якобы сделанного ему цыганкой в далекой сибирской ссылке.

Сцена его встречи на Венском вокзале Варшавы имеет глубоко символическое значение. Немцы, несомненно, неплохо осведомленные о ситуации в городе, где было немало сторонников их вчерашнего узника, опасались массовых манифестаций. Поэтому о времени приезда Пилсудского ими был извещен лишь З. Любомирский, неформальный лидер регентского совета. Он, в свою очередь, сообщил о предстоящем событии только руководителю ПОВ Адаму Коцу^[19]. Фактически с первых же минут пребывания на варшавском Венском вокзале Пилсудский был поставлен перед выбором своей политической линии. Коц олицетворял левые силы, группировавшиеся вокруг Люблинского правительства Народной Польши, Любомирский – умеренные силы.

Пилсудский первым выслушал рапорт своего подчиненного Коца, а партнером для завтрака и обсуждения ситуации выбрал Любомирского. Тем самым он продемонстрировал, что, оставаясь лидером сил, ведущих свою родословную от левого лагеря, готов сотрудничать с правыми и центристскими кругами.

Выполнил ли Пилсудский свои договоренности с немцами? С одной стороны, как будто бы нет, так как он якобы уже на вокзале приказал Коцу разоружить немецкий гарнизон Варшавы²⁴⁵. Немцы, в отличие от австрийцев, в ряде случаев оказали вооруженное сопротивление, были жертвы. Но такой ход событий можно объяснить не только опозданием с возвращением Пилсудского или его мнимым приказом Коцу, но и последствиями начавшейся в Германии революции. 10 ноября брожение охватило варшавский гарнизон, и к вечеру командование им

---

²⁴⁵ Этому противоречит замечание Г. Кесслера, сопровождавшего Пилсудского из Берлина в Варшаву: «К сожалению, Пилсудский прибыл в Варшаву слишком поздно, чтобы помешать театральному и ненужному разоружению немецких войск гимназистами и студентами, выросшими до масштабов героев». – Цит. по: Świątek R. *Lodowa ściana...* Kraków, 1998. S. 854.

перешло к солдатским советам. Во избежание эскалации бессмысленного насилия к Пилсудскому были направлены делегаты с предложением передать польской стороне оружие и военные объекты в обмен на беспрепятственный выезд на родину. Пилсудский предложение принял. 11 ноября власть в бывшем Царстве Польском, как и в австрийской Галиции, без особых усилий полностью перешла к полякам. Со временем эту дату начнут отмечать как день независимости Польши, хотя она имела весьма условный характер. У Польши не было ни признанного международным сообществом правительства (как и единого правительства вообще), ни четких границ. Это были задачи, которые Пилсудскому, в силу обстоятельств оказавшемуся средоточием национальных устремлений, предстояло еще решить. И сделать это следовало по возможности быстро, чтобы опередить конкурентов в борьбе и за власть, и за территории.

В первую очередь нужно было создать необходимые для этого вооруженные силы, ибо имевшихся в наличии военных формирований (Польский вермахт, ПОВ) было явно недостаточно. Задачу облегчало то, что в стране было достаточно много хорошо подготовленных военных кадров из числа военнослужащих-поляков из русской, австро-венгерской и германской армий, причем не только рядовых, но и офицеров, вплоть до офицеров Генерального штаба и генералов. Работа по созданию польской регулярной армии началась еще до возвращения в страну Пилсудского. Уже 27 октября 1918 г. регентский совет издал декрет о формировании национальных вооруженных сил на основании временного закона о всеобщей воинской повинности. С этого момента развернулась практическая работа по созданию командных органов и организационной структуры польской армии (военного министерства, Генерального штаба, генеральных (военных) округов и т. д.).

12 ноября 1918 г. регентский совет передал Пилсудскому военную власть и главное командование польскими вооруженными силами, а также поручил сформировать общенациональное правительство²⁴⁶. 14 ноября совет самоликвидировался, но предварительно наделил Пилсудского всей полнотой власти в стране. Конечно, формально акты регентского совета как органа власти, созданного оккупантами для одной из частей Польши, не имели обязательной силы для краковской ликвидационной комиссии, познанского ГНС и Люблинского правительства. Но их вполне хватило Пилсудскому, чтобы взять под свой контроль не только ПОВ, но и Польский вермахт, и, опираясь на них, начать процесс консолидации отдельных частей Польши в единое целое.

Краковская ликвидационная комиссия не торопилась подчиняться Варшаве, главным для нее в тот момент была война с Западно-Украинской народной республикой. Зато легко решился вопрос с Люблинским правительством. Оно без колебаний отдало себя в полное распоряжение Пилсудского. Не найдя в центре и на правом фланге политической сцены желающих войти в коалиционный кабинет, Пилсудский 18 ноября назначил прежнее правительство, заменив только его председателя (президента), а себе взял портфель военного министра. Место И. Дашиньского, лидера галицийских социал-демократов, занял другой социалист из Галиции, инженер по образованию, майор польского легиона на стороне Австро-Венгрии Енджей Морачевский. Он, как и Дашиньский, в то время входил в близкое окружение главы нового государства. С одной стороны, кандидатура Морачевского вполне устраивала Пилсудского: можно было не опасаться каких-то несогласованных с ним решений и действий правительства и сосредоточиться на создании армии, что в тот момент он считал своей первоочередной задачей.

Но у назначения Морачевского премьером были и минусы: сохранялась прежняя линия раскола на сторонников и противников Пилсудского, однозначно левый облик кабинета министров порождал у руководителей западных держав подозрение в его большевистском харак-

---

²⁴⁶ В этот же день солдаты переправили переодетого в гражданское платье генерал-губернатора Г. Безелера из Варшавы в окрестности Торна (Торуня). – Szymczak D. Ostatni satrapa na Zamku Królewskim? Gen. Hans Hartwig von Beseler jako generalny gubernator warszawski 1915–1918 // Śląski Kwartalnik Historyczny «Sobótka». Wrocław, 2009. N 2–3. S. 427.

тере, и тем самым затруднялось его признание державами Антанты^[20]. Без признанного Западом правительства Польша не была полноценным субъектом международной жизни: некому было подписывать международные договоры, брать кредиты, закупать оружие^[21], продовольствие, отстаивать ее интересы на мирной конференции в Париже и т. д.

Пилсудский несомненно это понимал. Не случайно нота от 16 ноября, извещавшая мировое сообщество о существовании Польского государства в составе «всех земель объединенной Польши», была выслана по радио от имени главнокомандующего польской армией, а не правительства. На нее откликнулись только Берлин, приславший в Варшаву в тот же день (такая оперативность заставляет задуматься, а не были ли немцы заранее оповещены о готовящемся обращении) своего полномочного представителя графа Г. Кесслера, а также советское правительство, пытавшееся вырваться из дипломатической изоляции, т. е. правительства, сотрудничества с которыми могло лишь повредить имиджу Польши в глазах Запада.

Создание в Варшаве кабинета, опиравшегося на формировавшуюся армию, а еще больше на авторитет Пилсудского, потребовало такого урегулирования вопроса о высших органах государственной власти, которое закрепляло бы особый статус «коменданта» (так он был назван в протоколе первого заседания правительства). 22 ноября Пилсудский утвердил подготовленный Морачевским проект правительственного декрета о назначении его, в строгом соответствии с декретом регентского совета, временным главой (начальником) государства^[22] до момента созыва учредительного сейма. Как начальнику государства ему было предоставлено право формировать правительства и отправлять их в отставку, утверждать принятые кабинетом законы, включая бюджет, назначать высших государственных служащих, ему же поручалось верховное командование Вооруженными силами Польши. Свои действия в качестве главы государства Пилсудский обязан был согласовывать с соответствующими членами кабинета, наделенными правом контрассигнации (визирования) издаваемых им актов. Таким образом, Пилсудский присвоил себе большие, почти диктаторские полномочия, но на непродолжительный период – только до момента созыва сейма, выборы в который под его сильным давлением правительство назначило на 26 января 1919 г. Декрет также определял, что Польша будет республикой.

Правительство разработало демократическую избирательную процедуру. Выборы депутатов должны были быть всеобщими, равными, прямыми, пропорциональными при тайном голосовании. Право голоса получили женщины, но его не имели военные, находившиеся на действительной службе. Поддержка Пилсудским именно варшавского центра формировавшейся польской государственности и его решение о проведении выборов на всех подконтрольных польским органам власти территориях снимали с повестки дня вопрос о центральном правительстве. До конца декабря независимо от Варшавы действовала краковская ликвидационная комиссия. Представленные в ней правые и центристские партии не торопились посылать своих представителей в варшавское правительство, не вполне соглашаясь с проводимой им внутренней политикой.

Кабинет Морачевского продолжил линию Люблинского правительства. Был издан ряд декретов в социальной области, вводивших в Польше стандарты, принятые на тот момент в развитых западноевропейских государствах: 8-часовой рабочий день с укороченной (английской) субботой, социальное страхование по болезни и несчастным случаям на производстве, гарантированный минимум оплаты труда в государственном секторе, инспекции и биржи труда, защиту прав квартиросъемщиков и др. Реализовав главные требования польского пролетариата, за которые тот боролся с конца XIX в., правительство оставило на усмотрение будущего сейма более принципиальные вопросы, связанные с отношениями собственности (аграрную реформу, национализацию промышленности, лесов и недр). Тем самым оно продемонстрировало, что будет проводить политику в духе западноевропейских социал-демократов, а не большевиков.

Но эти умеренные социальные реформы в интересах лиц наемного труда многим в Польше казались излишне радикальными. Правление левых воспринималось их оппонентами как прелюдия к катастрофе нарождавшейся польской государственности и, что особенно беспокоило Пилсудского, аналогичной была реакция заграницы. Близко знавший начальника государства Л. Василевский вспоминал его сетования в это время: «Ах, как было бы хорошо, если бы большевики организовали на меня покушение, бросили бомбу или что-нибудь наподобие этого... Естественно, покушение бы не удалось, но какой эффект это вызвало бы за границей! Они бы сразу убедились, что все, что говорится о большевизме правительства Морачевского, – глупость»²⁴⁷.

Проблема восприятия Польши западными державами крайне беспокоила Пилсудского в это время. Его ноту от 16 ноября Запад проигнорировал, правительство Морачевского никто кроме Германии не признал. Между тем неумолимо приближалось открытие мирной конференции. Нужно было во что бы то ни стало и в самое короткое время решить проблему международного признания правительства. Понимал это и Дмовский. В начале декабря состоялись переговоры эмиссара главы ПНК С. Грабского с Пилсудским. Стороны договорились по таким вопросам, как создание общенационального правительства, формальное подчинение польской армии верховному главнокомандующему союзных войск маршалу Франции Ф. Фошу, пополнение ПНК и польской делегации на мирной конференции представителями Пилсудского, территориальные требования, высылка из Варшавы немецкого представителя Г. Кесселера. В ответ на критику соратников за компромисс с правыми Пилсудский с раздражением бросил: «Меня ждет борьба с Россией, а не с Дмовским»^[23].

Замена правительства была для Пилсудского не только формально-правовым, но и престижным вопросом. Чтобы избежать обвинений в какой-либо политической пристрастности ему нужен был отчетливый сигнал со стороны общества, что оно не желает больше терпеть кабинет Морачевского. Причем сигнал со стороны не улицы или партии^[24], а серьезных независимых общественных сил.

В связи с этим, видимо, с ведома Пилсудского особо доверенные лица из II отдела польского Генерального штаба, а также некоторые гражданские политики подготовили следующую акцию. В ночь с 4 на 5 января 1919 г. была инсценирована попытка государственного переворота (известного как заговор Сапеги-Янушайтиса) с участием военнослужащих столичного гарнизона с целью устранения правительства, но не начальника государства²⁴⁸. Уже к утру с опереточным действием было покончено. После этого правительство, просуществовав еще 10 дней и завершив в основном подготовку к выборам, 16 января было отправлено Пилсудским в отставку. Так завершился период левых правительств в межвоенной Польше.

Новым президентом Совета министров стал пользовавшийся мировой известностью польский пианист и композитор Игнаций Падеревский. Более приемлемую фигуру трудно было бы придумать. Падеревский устраивал всех главных игроков внутривнутриполитической сцены и западных политиков как человек умеренных взглядов, за которым не стояло никакой партии. С эндеками его сближало лишь участие в ПНК и организованной ими кампании пропаганды польского вопроса в США, а не общность политических взглядов и исповедуемой идеологии национализма с сильным шовинистическим акцентом.

Несмотря на то, что многие министры прежнего правительства сохранили свои портфели, отношение к кабинету Падеревского в стране и за рубежом было кардинально иным. 21 января правительство в Варшаве было признано ПНК, 30 января – США, 24 февраля – Францией, на следующий день Великобританией, 27 февраля – Италией. Таким образом, процесс

²⁴⁷ Wasilewski L. Józef Piłsudski jakim go znałem. Warszawa, 1935. S. 158–159.

²⁴⁸ Подробнее см.: Матвеев Г. Ф. Кто стоял за кулисами январского заговора 1919 г. и декабрьских событий 1922 г. в Варшаве? // Профессор И. М. Белявская. М., 2005.

конституирования Польского государства на международной арене прошел очередной важный этап. Вслед за констатацией в 1917–1918 гг. права польского народа на независимое существование последовало признание польского правительства в стране.

Ю. Пилсудский в конце 1918 г. выступал за построение в Польше демократического государства, понимая, что для всесильного Запада только свободно избранные парламенты могли свидетельствовать о легитимном характере вновь создаваемых государств. Парламентский режим, по его мнению, должен был также помешать радикальным политическим элементам увлечь за собой массы, недовольные тяжелыми условиями жизни. Ко всему прочему Пилсудский рассчитывал, что сейм освободит начальника государства от мелочного контроля над деятельностью правительства и позволит ему сконцентрировать все внимание на армии и проблеме границ. Своим близким соратникам он еще до парламентских выборов заявил: «Меня волнует армия, которой в действительности у меня еще нет... Внутренние вопросы решит сейм, который я для этого и созываю... Все мои усилия должны быть направлены на армию... Когда у меня будет армия, все будет в моих руках... Мне нужны солдаты...»²⁴⁹.

Своеобразной демонстрацией отношения политических партий, а также социальных и национальных групп к вопросу независимости стали назначенные на 26 января 1919 г. выборы в учредительный сейм. В них имело возможность беспрепятственно участвовать население бывшего Царства Польского, территория которого полностью контролировалась варшавским правительством. В западных районах бывшего Северо-Западного края Российской империи, где среди жителей преобладали поляки, выборы перенесли на более поздний срок, после ухода немецких оккупационных войск. В бывших австрийских землях избирательные округа были созданы только в Малой Польше (Западной Галиции). В Восточной Галиции, вопрос принадлежности которой Польше решился только в 1923 г., выборы не проводились. Ее в сейме представляли польские депутаты рейхсрата (лишь во Львове позже прошли довыборы). В Тешинской Силезии избирательные округа организовали, но из-за вооруженного чешско-польского конфликта избирательные участки так и не открылись. Эту область в сейме представляли 6 польских кандидатов в депутаты. В бывших прусских польских землях выборы проводились по мере их передачи Польше. В Великой Польше они состоялись 1 июня 1919 г. (немецкое население их бойкотировало), в Восточном Поморье – 2 мая 1920 г. Польское население этих провинций представляли польские депутаты рейхстага. А Верхнюю Силезию депутаты рейхстага представляли вплоть до истечения срока полномочий учредительного сейма. Не было выборов и на украинских и белорусских территориях, отошедших Польше по Рижскому миру. С марта 1922 г. в варшавском сейме Виленщину представляли депутаты парламента Срединной Литвы.

За мандаты боролось более 20 политических группировок. Ю. Пилсудский в кампании по выборам демонстративно не участвовал, подчеркивая тем самым свой надпартийный статус. Его сторонники баллотировались по избирательным спискам левых и центристских партий. В ходе избирательной кампании в парламент каждая из участвовавших в ней партий старалась убедить избирателей в том, что именно ее видение будущего общественного устройства страны в наибольшей степени соответствует их интересам. Побывавшие уже у власти левые обещали в случае победы продолжить проведение социальных реформ в интересах лиц наемного труда как необходимого условия построения со временем социалистического государства, крестьянские партии – ориентировать государство на решение аграрной проблемы и обеспечение благоприятных условий для развития сельского хозяйства, национальные демократы – сделать Польшу государством для этнических поляков. Конечно, партии выдвигали и другие постулаты, много говорили о частностях, но это не меняло сути дела. В том, что электорату представлялись различные модели будущего общественного устройства Польши, в тот момент

---

²⁴⁹ Baranowski W. Rozmowy z Piłsudskim 1916–1931. Warszawa, 1938. S. 105–107.

не было ничего странного, поскольку польскому государству еще только предстояло конституироваться. Пилсудчики как самостоятельная сила в выборах не участвовали.

Так называемый «черный пиар» использовался ограничено, главным образом против левых, единственных, кто на тот момент побывал у руля государственной власти. Коммунисты призывали рабочих к бойкоту выборов, тем самым они сразу же позиционировали себя как враги складывавшейся буржуазной государственности. Однако их призыв не нашел серьезной поддержки у избирателей, опыт социалистической революции в России поляков не вдохновил. Еврейские партии участвовали в борьбе за мандаты лишь частично.

Явка избирателей была высокой, по отдельным округам от 60 до 94 %, что свидетельствовало о завышенных ожиданиях электората в отношении будущего парламента. Всего в выборах участвовало около 5 млн избирателей. 26 января они избрали 296 депутатов. В сейм также были кооптированы 44 бывших польских депутата парламентов Германии и Австро-Венгрии. В конце июня 1919 г. сейм насчитывал уже 394 депутата, в мае 1920 г. – 412, в марте 1922 г. – 432 мандатария.

Итоги выборов показали существенную дифференциацию общества по политическим симпатиям. Первоначально в сейме оформилось 10 фракций, в 1922 г. их уже было 16. Относительное большинство мандатов (116) получил правый Народно-национальный союз. Левый фланг сейма составили депутаты от ПСЛ «Вызволнение» (58 мест) и польские социалисты (32 места). В общей сложности за левых проголосовало 27,5 % избирателей. Все остальные фракции, часто не имевшие на тот момент до конца определившейся политической физиономии, расположились между этими двумя полюсами. Пилсудчики сумели провести в парламент ряд своих видных представителей по спискам главным образом левых партий.

Левым не помогли их немалые свершения в области социального законодательства, в стране с абсолютным преобладанием частных собственников большинство избирателей отдавало предпочтение правым и центристским партиям.

Полученного Народно-национальным союзом относительного большинства не хватало для формирования однородного правительства. Это означало, что до следующих парламентских выборов страна обречена на коалиционные кабинеты из партий, принадлежащих к разным политическим лагерям, с неизбежным торгом за министерские кресла и программы деятельности. Теоретически существовало четыре возможных варианта политического облика кабинетов: 1) правоцентристский, 2) левоцентристский, 3) большой коалиции (из представителей главных партий сейма) и 4) внепарламентский (или деловой), составленный из беспартийных менеджеров. Третий вариант использовался лишь в экстремальных для страны условиях (вторжение Красной армии в этническую Польшу в 1920 г., политический, социальный и экономический кризис в октябре 1925 г.). Четвертый фактически также мог осуществляться лишь с согласия основных игроков политической сцены, т. е. был суррогатом большой коалиции, но без прямой ответственности партий за результаты деятельности такого кабинета. Три из четырех возможных вариантов правительства не могли осуществиться без участия или поддержки национальных демократов, а ПСЛ «Пяст» превращалось в партию, без согласия которой нельзя было создать вообще какой-либо кабинет. Таким образом, после парламентских выборов 1919 г. эндеки и пястовцы стали стержнем оформляющейся политической системы, без них нельзя было принять ни одного принципиального решения.

Сильная позиция национальных демократов и В. Витоса, с которыми у Пилсудского были не самые лучшие отношения, не обещала легкого взаимодействия с парламентом. Состав последнего был таков, что сторонники начальника государства даже опасались, утвердит ли его сейм на этот пост. Видимо поэтому Пилсудский сложил свои полномочия не на первом пленарном заседании парламента 10 февраля 1919 г. (так постановляли декреты регентского совета и правительства Морачевского), а 10 днями позже. За это время сторонники Пилсудского сумели убедить других депутатов в необходимости сохранить за ним пост начальника государства. В

результате сейм единогласно поручил Пилсудскому исполнять обязанности главы государства до следующих парламентских выборов.

Депутаты также утвердили принципы функционирования верховных органов власти в Польше на период до принятия постоянной конституции, известные как Малая конституция 1919 г. Этим документом сейм объявлял себя суверенной и законодательной властью, а начальника государства – представителем государства и верховным исполнителем решений сейма по гражданским и военным вопросам. Пилсудский получил право назначать правительство по согласованию с парламентом.

Важным было согласие парламента на сохранение за Пилсудским единоличной власти над армией. Сейм постановил, что военный министр не может контролировать стратегические и тактические распоряжения главнокомандующего. Тем самым последний становился неподконтрольным представительной власти. Кроме того начальник государства сохранил за собой право назначать министров военного и внешнеполитического ведомств. По сути Малая конституция устанавливала смешанную парламентско-президентскую политическую систему, которая давала Пилсудскому огромные полномочия в важнейших областях деятельности государства. Особенно отчетливо это видно на примере восточной политики Польши, которую Пилсудский сделал до лета 1920 г. своей исключительной прерогативой, не допуская никакого вмешательства в нее парламентариев и дипломатов. Даже близкое окружение не всегда знало о предпринимавшихся им действиях на восточном направлении²⁵⁰.

Так завершился процесс становления высших органов исполнительной и законодательной власти, теперь Польша полностью соответствовала демократическим критериям, которые победители предъявляли вновь создаваемым государствам Центральной и Восточной Европы.

I.2. Политическая система периода учредительного сейма

Обретение Польшей независимости потребовало от политических партий, возникших в отдельных ее частях начиная с рубежа веков, кардинально изменить программы и цели деятельности, научиться функционировать в новых условиях, подтвердить свою востребованность обществом. Быстрее всего определились новые лидеры политической сцены. Довоенные фавориты были оттеснены на второстепенные позиции, как это случилось например с «краковскими консерваторами», еще в годы Первой мировой войны самой влиятельной силой в Галиции. Лидерство перешло к партиям, ориентировавшимся на потребности и предпочтения массового избирателя и демонстрировавшим приверженность демократическим ценностям. Как показали итоги выборов в 1919 г., потеряло всякое значение деление партий на соглашательские и сепаратистские. Преодоление регионального характера партий оказалось непростым и длительным процессом. Лишь национальные демократы уже на выборах в учредительный сейм смогли провести избирательную кампанию во всех созданных тогда избирательных округах, умело сочетая известность своего общепризнанного вождя Р. Дмовского и ряда региональных лидеров, в том числе С. Грабского и С. Гломбиньского в Галиции, М. Сейды и В. Тромпчиньского в Великой Польше, В. Грабского и С. Козицкого в бывшем Царстве Польском.

---

²⁵⁰ Один из ближайших сотрудников Пилсудского К. Свитальский так характеризовал его манеру работы: «Самые важные дела он не поручал ведомствам, а выбирал одного человека, обязывал его хранить тайну и поручал ему предварительное или окончательное решение проблемы. Например, переговоры с Россией в 1919–1920 годах (Бёрнер – Мархлевский) были бы вообще неизвестны, если случайно Бёрнер не оставил заметки. Литовские проблемы решало не министерство иностранных дел, а выбранные маршалом самые разные люди. Это же относится и ко всей внутренней политике. Чем активнее был маршал, тем меньше у него было времени, и он решал все вопросы путем переговоров, а не переписки». – РГВА. Ф. 276к. Оп. 1. Д. 10. Л. 141–142. Следует сказать, что относительно переговоров Бёрнера с Мархлевским Свитальский заблуждался, о них в советских газетах еще в августе 1920 г. достаточно откровенно написал К. Радек. – Радек К. Могильщик белой Польши // Известия. № 171 (1018). 1920. 4 авг.

Самой крупной политической силой был лагерь национальной демократии, состоявший из партии и ряда аффилированных организаций. Эндеки действовали только среди поляков, не игнорировали ни одной социальной группы. Особенно сильным их влияние было среди крестьян, мелкой буржуазии, крупных землевладельцев, предпринимателей, интеллигенции (в партийном активе эндеков было немало университетских профессоров), католического клира. Идеология эндеков была основана на признании жизнеспособности только этнически «чистых» государств. Поэтому они выступали за подрыв экономических основ существования более чем трехмиллионной еврейской общины в Польше, пропагандировали эмиграцию евреев в Палестину, бойкот еврейских заведений в сфере торговли, бытового обслуживания, гастрономии, вытеснение евреев-посредников польскими кооперативными организациями, требовали введения процентной нормы для еврейской молодежи в университетах, осуждали поляков, продававших землю иудеям, провоцировали погромы и т. д. В бывшей прусской части Польши, где евреев было немного, эндеки активно насаждали враждебное отношение к местным немцам. Представителей славянских национальных меньшинств, как не способных построить собственные государства, они намеревались ассимилировать.

В политической сфере национальные демократы выступали за создание польского большинства в сейме и чисто польские правительства. Исходя из геополитического положения Польши между Россией и Германией («молотом и наковальней»), они не верили в возможность обеспечить безопасность собственными силами, поэтому выступали за тесное взаимодействие с Францией и ее союзниками в Центральной и Восточной Европе. Видя главную угрозу Польше в Германии, они были не прочь нормализовать отношения с Россией. В экономической сфере эндеки придерживались либеральных взглядов, считая всякое государственное вмешательство вредным для народного хозяйства.

Национальные демократы были центром притяжения для других правых и правоцентристских организаций. С ними взаимодействовали бывшие консерваторы и прогрессисты из Царства Польского, а в созданный ими Народно-национальный союз (ННС) первоначально вошли правая Национально-христианская народная партия (объединяла главным образом помещиков) и занимавшие центристские позиции христианские демократы, действовавшие в рабочей и мелкобуржуазной среде. Особенно сильными позиции христианских демократов были в Верхней Силезии, но за них голосовали избиратели и в других регионах Польши. Их общепризнанным лидером был В. Корфанты, активный борец за возвращение в состав Польши Силезии, утратившей государственную связь с ней еще в XIV столетии. В учредительном сейме он возглавил парламентскую фракцию ННС. Популярностью пользовались также Ю. Хациньский, С. Адамский, В. Битнер.

Однако летом 1919 г. хадеки покинули ряды ННС, создали собственный парламентский клуб правоцентристской ориентации, но конструктивного взаимодействия с национальными демократами не прекратили. Такую же тактику избрали христианские националисты. Таким образом, наметившаяся в 1919 г. на правом фланге тенденция к консолидации родственных сил не получила развития.

Место левого центра на польской политической сцене заняла Национальная рабочая партия (НРП). Она возникла в 1920 г. в результате объединения Национального союза рабочих, созданного эндеками в годы первой русской революции в Царстве Польском, с действовавшей в прусской Польше идеологически родственной Национальной партией рабочих. Новая партия имела собственный профцентр – Польское профессиональное объединение, пользовалась популярностью в Великой Польше, Поморье, Верхней Силезии и Лодзинском округе. Главными конкурентами НРП в борьбе за влияние в рабочей и мелкобуржуазной (мещанской) среде справа были христианские демократы, слева – ППС. Соответствующей была и программа партии, отстаивавшая наряду с христианскими ценностями идеи социальной справедливости, а

также право именно польских рабочих на лучшую долю. Наиболее известными ее деятелями были К. Поппель, С. Ваховяк, А. Цишак.

Влиятельной политической силой в стране было крестьянское движение. Наметившаяся было в начале независимости объединительная тенденция быстро уступила в нем место дезинтеграционным процессам. На выборах 1919 г. мандаты завоевали три польские крестьянские партии: в Галиции – Польская крестьянская партия «Пяст» (Польское стронництво людое – ПСЛ «Пяст») и Польская крестьянская партия-левица (ПСЛ-левица), в бывшей русской Польше – Польская крестьянская партия «Вызволение» (ПСЛ «Вызволение»). В общей сложности они получили почти 30 % голосов в бывшем Царстве Польском и около 60 % в Галиции²⁵¹. ПСЛ «Пяст» достаточно быстро определило свою позицию в центре политической сцены, что, учитывая значительное количество завоеванных депутатских мандатов, делало «Пяст» участником почти всех правительственных коалиций. Две другие крестьянские партии расположились на левых скамьях сейма.

В идеологическом плане крестьянские партии были весьма близки. Правда, в адрес ПСЛ «Пяст» иногда звучали обвинения, что в отличие от ПСЛ-левицы и ПСЛ «Вызволение» это была партия кулаков, сельской буржуазии. В действительности же по главному для крестьянства вопросу – земельному – принципиальных разногласий между ними не существовало. Все три партии выступали за решение аграрного вопроса за счет не только государственных, но и помещичьих, частновладельческих земель. Наличие общей цели подтолкнуло парламентские представительства «Пяста» и «Вызволениа» к сближению, а в октябре 1919 г. даже объединению в единую фракцию Польского стронництва людоего. Однако на этом процесс консолидации крестьянского движения остановился, в декабре того же года часть депутатов «Вызволениа» покинула объединенную фракцию, а оставшиеся стали членами ПСЛ «Пяст».

В том же 1919 г. возникла единая Польская социалистическая партия (ППС). Вначале был создан объединенный парламентский клуб польских социалистов, а затем проведен объединительный конгресс. Это была социалистическая партия западноевропейского образца, сторонница построения общества социальной справедливости, но не обязательно революционным путем (хотя такую возможность она полностью не отрицала). Большинство ее лидеров считало, что к конечной цели вполне могли привести и парламентская борьба, совершенствование социального законодательства, развитие государственного и кооперативного секторов экономики. ППС была членом II Интернационала, полностью соглашалась с его программой, стратегией и тактикой деятельности. Наиболее видными лидерами партии, которая объединяла около 30 тыс. членов с существенно различавшимися взглядами, были Н. Барлицкий, И. Дашиньский, М. Недзялковский, Ф. Перль. Периодически ряды ППС покидали достаточно известные деятели, переходившие в ряды коммунистов (Е. Чешейко-Сохацкий, Т. Жарский) или же создававшие самостоятельные партии. Несмотря на свою приверженность принципам интернационализма людей труда, ППС не стала единственной социалистической партией в Польше. В рядах пепезовцев кроме поляков были и евреи, но большинство разделявших левые взгляды представителей других национальных меньшинств предпочитали свои социалистические организации.

---

²⁵¹ Leczyk M. *Druga Rzeczpospolita 1918–1939. Społeczeństwo, gospodarka, kultura, polityka*. Warszawa, 2006. S. 161.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Подготовка материала М. А. Крисань была осуществлена при поддержке фонда Muzeum Historii Polski (Польша).

2.

Закон о городском самоуправлении в Царстве Польском был принят лишь в начале 1915 г.

3.

Имеются в виду выборы в австрийский парламент в 1911 г.

4.

По итогам выборов в австрийский парламент в 1907 г. украинские национальные демократы получили 20 мандатов, в то время как «москвофилы» лишь 5.

5.

Парцеляционный банк, правление которого состояло из людовцев, летом 1909 г. оказался близок к банкротству, поскольку не имел наличных средств для осуществления текущих выплат. На счетах банка находилось около миллиона крон крестьянских вкладов. Возникшая ситуация была чревата серьезной компрометацией руководства ПСЛ. Спасти положение помог М. Бобжиньский, который обратился за помощью к министру финансов Австрии Л. Билиньскому. Благодаря предоставленной ссуде крестьянские сбережения были спасены (Łazuga W. Michał Bobrzyński. Myśl historyczna a działalność polityczna. Warszawa, 1982. S. 142–143).

6.

С. Бадени – маршал сейма, «краковский консерватор».

7.

По утверждению видного национального демократа С. Гломбиньского, «Стапиньский на собрании в Тарнове хвастался публично, что получил от Бобжиньского 1,5 тыс. концессий для раздачи (а точнее сказать, для распродажи)» (Głabiński S. Wspomnienia. Pelplin, 1939. S. 110).

8.

Союз активной борьбы был создан в конце 1908 г. во Львове К. Соснковским на основе объединения небольших организаций, таких как Союз непримиримых и Союз возрождения.

9.

Речь шла о выборах в австрийский парламент в 1911 г., проведение которых вызвало недовольство эндеции, «подольских консерваторов» и клерикальных сил, обвинявших краевую администрацию в злоупотреблениях в период выборов.

10.

Речь идет о выделении Холмской губернии из состава Царства Польского.

11.

Краевой отдел осуществлял контроль над деятельностью органов территориального самоуправления – гминных и повтовых советов. Состоял из 6 человек, которые избирались

сеймом сроком на шесть лет. Председателем сейма и краевого отдела являлся маршал, назначавшийся императором.

12.

Польские историки и публицисты всегда пишут именно так – легионы, хотя на стороне Центральных держав действовал лишь один польский легион, изначально называвшийся Западным, которым к тому же командовал не Пилсудский, а отставные генералы-поляки австрийской службы. Формирование Восточного легиона было начато, но затем он, под воздействием национальных демократов, был в конце сентября 1914 г. расформирован. Главным мотивом этого называли несогласие с тем, что легионеры должны были присягать на верность только Габсбургам. Тогда же эндеки и консерваторы-«подоляки» вышли из Главного национального комитета, лишив его тем самым характера общепольского представительства в Галиции.

13.

В российской историографии она более известна как Польская организация войскова.

14.

Подтверждением того, что у немцев такое намерение было, можно считать разрешение на празднование годовщины конституции 3 мая 1791 г. в 1916 г., а также проведение в июле того же года в Варшавском генерал-губернаторстве выборов в органы местного самоуправления. Примененная при этом куриальная система обеспечила победу «активистов».

15.

Эту позицию б последующем разделяли и Белая Россия, и Антанта, а в августе 1920 г. и большевики.

16.

Отражением полевления масс стало создание локальных республик, например Тарнобжегской, в которых провозглашались самые радикальные преобразования. Правда, жизнь показала, что в условиях доминирования в польских землях национальных, а не социальных устремлений опасность распространения влияния радикалов за пределы этих республик была небольшой. Но для осознания этого нужно было время. Первой же реакцией умеренных политиков было желание выбить у радикалов почву из-под ног, в том числе и предложив обществу умеренно-радикальные программы будущих преобразований.

17.

Аналогичным образом созданный 18 октября 1918 г. Украинский национальный совет овладел в ночь с 31 октября на 1 ноября Львовом и другими городами Восточной Галиции. В польской историографии до сих пор говорится о некоем антипольском сговоре украинцев с австрийцами, обеспечившем этот успех, хотя и кратковременный.

18.

Но далеко не ото всех. Об этом ему еще не раз напомнят и политические противники, и западные политики, не особенно вдававшиеся в тонкости реальных или мнимых планов Пилсудского периода войны.

19.

Остается неясным, почему Коц, точно зная, когда приезжает бригадир, назначил его торжественную массовую встречу на более позднее время. Возможно, таково было желание самого Пилсудского. Вечером того же дня он под предлогом больного горла отказался выступать перед собравшимися у его первого пристанища сторонниками (Kurjer poranny. 11.XI.1918). Но это не помешало ему целый день и ночь вести переговоры с политиками, общественными деятелями, представителями духовенства, руководителями POV и Польского вермахта. К слову сказать, отношения между регентским советом и пилсудчиками в начале ноября 1918 г. загадочны. С одной стороны, совет в начале ноября передает полковнику Эдварду Рыдз-Смигломu командование всеми польскими частями в австрийской зоне оккупации, тем самым облегчая пилсудчикам создание Люблинского правительства, отказавшего совету в праве на существование. С другой стороны, правительство Дашиньского ничего не сделало для устранения регентского совета с политической сцены. Более того, Пилсудский фактически признал правомочность регентского совета, приняв из его рук военные и гражданские полномочия.

20.

Ситуацию усугубляло признание Парижем в ноябре 1918 г. ПНК в качестве действительного правительства в области внешней политики, политического руководства польской армией во Франции и консульского обслуживания поляков за границей.

21.

До войны на польских землях в силу их пограничного характера практически не было военной промышленности (см.: Квасов А. С. Экономическая мысль Польши в межвоенный период (1918–1939 гг.). М., 1998. С. 34–35), а оставленного немцами и австрийцами оружия было явно недостаточно для оснащения массовой армии и ведения военных действий против галицийских украинцев, Советской России и других конкурентов в борьбе за территории.

22.

Идею именно так назвать эту должность подал С. Буковецкий, работавший с Пилсудским во Временном госсовете Польского королевства. Должность начальника государства была известна в польской политической традиции со времен Т. Костюшко.

23.

Это, как и другие высказывания Пилсудского, свидетельствует о том, что он планировал войну с Россией за бывшие восточные окраины Речи Посполитой еще до издания директивы советского руководства о наступлении Красной Армии в западном направлении.

24.

Таких сигналов в декабре было несколько. Они исходили от сил, представлявших как революционный, так и правый лагери и имели форму массовых уличных выступлений в Варшаве, направленных против правительства. Власти даже вынуждены были прибегать к силе для удержания ситуации под контролем. Пилсудский эти выступления проигнорировал, понимая, видимо, что принятие требования манифестантов об отставке правительства создало бы опасный прецедент, давая любой партии основание с помощью толпы требовать создания устраивавшего ее кабинета.